

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

Кафедра общегуманитарных и естественно-научных дисциплин

В.В. Перерва

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ

(Сборник статей)

Москва 2015

Julia Flecker Photography

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра общегуманитарных и естественно-научных дисциплин

В.В. Перерва

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ?

Сборник статей

УДК
ББК

Перерва В.В. Кому и зачем нужна философия? Сборник статей.
Нижний Новгород. РИЦ «Курьер-медиа», 2015 г. 192 стр.

Валентин Васильевич Перерва – выпускник философского факультета МГУ (1961 г.), кандидат философских наук, доцент. Всю свою трудовую деятельность посвятил преподаванию философии в различных вузах страны. Сфера научных интересов – история философии, логика, культурология, философия права.

В.В. Перерва 2015
РИЦ «Курьер-медиа» 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Кому и зачем нужна философия?	6
Гениальный эклектик.....	25
А. Швейцер – парадоксальный индивидуалист, или Жизнь как аргумент	52
Мировоззрение А. Швейцера: этика и философия культуры	82
Обсудим? Поспорим? Оценим?	102
Интеллигентна ли интеллигентская молодежь?.....	128
Философские проблемы развития социокультурной среды подготовки юристов	150
Конституция Российской Федерации и мораль.....	158
Какая философия мне нужна.....	172
Послесловие	187

ОТ АВТОРА

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей на первый взгляд может показаться тематически весьма раздробленным и разнородным. В нем собраны публикации последних лет, посвященные либо знаменательным датам, скажем, столетию выхода в свет «Вех» — знаменитого сборника статей российских философов, юристов, публицистов и т. д., или же столетию со дня ухода из жизни одного из самых выдающихся русских писателей — Льва Николаевича Толстого, либо жизни, деятельности и творчеству знаменитого гуманиста двадцатого века Альберта Швейцера, либо, казалось бы, таким частным вопросам, как изучение и преподавание философии и других гуманитарных наук в отечественных вузах в сложных условиях современности.

Однако главная проблема, объединяющая все эти публикации, по существу, обозначена как в заголовке сборника, так и в названии открывающей его первой статьи: «Кому и зачем нужна философия?» И как в истории философии в целом по всем обсуждавшимся проблемам, так и в нашем сборнике статей по этой теме содержится больше вопросов, чем ответов на них, хотя, конечно, и предлагаемых ответов и вариантов решений стоящих перед человеком и человечеством проблем всегда было тоже немало. Но, задаваясь этими вопросами, так или иначе встающими сегодня перед каждым мыслящим человеком, я ставил своей задачей отнюдь не предложить какие-то бесспорные и окончательные их решения, а хотел бы призвать читателя к совместному заинтересованному обсуждению, осмыслению и определению путей возможного и наиболее приемлемого, «правильного» их разрешения в конкретных условиях наших дней. Поэтому и здесь, во вступительном слове, и в предлагаемых вниманию читателя статьях я вновь и вновь призываю отозваться, высказать свои соображения по обсуждаемым вопросам, возможные возражения и контраргументы, не быть равнодушным к волнующим сегодня

мыслящего человека проблемам. Заранее выражаю признательность и благодарность каждому из читателей, откликнувшихся на обсуждаемые в сборнике вопросы и предлагаемые варианты их решения, независимо от позитивного или резко критического и негативного содержания откликов, хотя, конечно же, корректность и толерантность в человеческом общении, как мне представляется, не бывают излишними. Ведь всякий разговор, всякое общение, всякая полемика могут быть полезными для общающихся сторон и для общего дела только в том случае, если они ведутся по-человечески, уважительно и толерантно по отношению к собеседнику или оппоненту. Но в практике человеческого общения далеко не всегда, увы, соблюдаются именно элементарные нормы человечности, не всегда наличествует стремление правильно понять собеседника, корректно и аргументированно возразить ему, если не согласен, или же порадовать его согласием и попытаться развить и укрепить это согласие.

Предлагаемая мной в этом сборнике проблематика для обсуждения, с одной стороны, была актуальной практически со времени возникновения философии, а с другой стороны, в наши дни, как мне представляется, ее актуальность многократно возросла в связи с нагрянувшими на человечество многочисленными глобальными проблемами, суть которых невозможно сколько-нибудь адекватно понять без их философского осмысления. То же самое касается и осмысления возможных проектов и путей оптимального разрешения этих проблем. А ведь все эти глобальные проблемы так или иначе затрагивают коренные жизненные интересы каждого человека, независимо от того осознает он это или нет. Так что давайте пофилософствуем, уважаемый читатель!

В заключение хотел бы сердечно поблагодарить редколлегию научно-информационного журнала «Вестник МЮИ при Министерстве юстиции РФ», в котором публиковались представляемые в нынешнем сборнике статьи, и выразить искреннюю признательность за наше многолетнее сотрудничество.

С уважением, В. Перерва

КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ?

*«Послушайте!
Ведь если звезды зажигают —
Значит — это кому-нибудь нужно?..»*

*«Я над всем, что сделано, ставлю «nihil».
Никогда ничего не хочу читать.
Книги? Что книги!..»*

Владимир Маяковский

Сегодняшние преподаватели философии, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, то ли с горечью иронично шутя, то ли жалуясь на свою судьбу, нередко заявляют, что, по крайней мере, в нашей стране философия сегодня не нужна никому и ни за чем. Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки, а смех на Руси издревле сочетался со слезами.

Но ведь заявленная тема, признаемся честно, была по-своему актуальной во все времена существования философии, то есть уже более двух с половиной тысяч лет. И в каждую эпоху ее актуальность была обусловлена специфическими особенностями исторического периода, переживаемого тем или иным народом или государством, или даже человечеством в целом. Следовательно, весьма многообразны были и попытки сколько-нибудь адекватно, убедительно ответить на этот вопрос. Так в целом обстоит дело и сегодня. Но каждая эпоха в истории человечества имела свои особенности, которые, понятное дело, в определенной степени обуславливали и специфику — как постановки, так и предлагаемых решений нашего вопроса.

Но прежде чем мы попытаемся здесь и сейчас дать свой ответ на этот вечный вопрос, давайте его уточним и конкретизируем. Такое уточнение представляется необходимым прежде всего потому, что каждое слово здесь может быть понято неоднозначно теми, кто попытается понять его и сформулировать свой ответ, охарактеризовать свое представление о месте и роли философии

в жизни как каждого отдельного человека, так и общества, человечества в целом во всей его социальной истории. В самом деле, если мы спрашиваем: «Кому нужна философия?», то ведь под этим «кому» может подразумеваться как всякий отдельный индивид с его уникальным своеобразием, так и любая социальная группа, общность любого масштаба, любого исторического периода. Поэтому возникает подвопрос: «А о каком «кому» вы спрашиваете?»

Если же мы вопрошаем, «зачем» нужна философия, то ведь понимание этого «зачем» тоже может быть неоднозначным. То ли речь здесь идет о сознательно преследуемых человеком целях, достижение которых немислимо без философии, то ли о выполняемых ею социальных функциях, без чего немислимо существование нормального цивилизованного общества, то ли о «полезности» философствования как средства повышения качества и эффективности жизнедеятельности каждого отдельного человека.

Ну а если мы заострим внимание на словах «нужна ли» в постановке вопроса о философии, то нет нужды доказывать, что эта «нужность» тоже может быть истолкована по-разному каждым, кто станет формулировать свой ответ. Ведь человеку, с одной стороны, «нужно» очень многое из того, что существует вне и независимо от него, что «произведено» самой природой, самими условиями его (человека), физического существования. С другой стороны, человеку, чтобы жить и оставаться человеком, очень много чего «нужно» творить, создавать и материально, и духовно такого, чего не создает и не творит природа сама по себе, того, что в самом общем виде называют культурой. И та, и другая «нужности» могут в разной степени осознаться человеком. Сюда относится, в частности, и философия. Вот и возникает вопрос, так ли уж «нужна» философия, и если «нужна», то все-таки — «кому» и «зачем».

Наконец, казалось бы, ясное и однозначно понимаемое слово «философия» в этом вопросе тоже сегодня (а пожалуй, и всегда) понимается разными людьми и разными сообществами, мягко выражаясь, весьма неоднозначно. И об этом нам, конечно же, тоже придется поразмышлять в рамках обозначенного заголовком вопроса.

При этом важно иметь в виду и то обстоятельство, кто ставит этот вопрос, и то, кому он адресован. В нашем случае вопросом задается человек, практически всю свою сознательную жизнь посвятивший преподаванию философии в отечественных вузах, а адресовано вопрошание по сути дела каждому из читателей, за

исключением той их части, которая удовлетворится и ограничится знакомством с предлагаемым материалом, взглянув на заголовок.

Предваряя конкретную аргументацию, сразу выскажу прямо и откровенно свой основной тезис-ответ на поставленный вопрос. Философия, если употреблять это понятие в данном случае во всех без исключения имеющихся смыслах, так или иначе нужна всем и всегда, каждому человеку, сознательно или бессознательно причисляющему себя к роду *homo sapiens*, каждому сообществу от семьи вплоть до человечества в целом, если это сообщество или это человечество считают себя цивилизованными и культурными. Будучи убежденным, что этот мой вариант ответа не может не вызвать возражений и несогласия, приглашаю читателя к обсуждению, обмену мнениями, к дискуссии, к совместным размышлениям.

Если начать обсуждение с вопроса «Кому сегодня у нас нужна философия?» и попытаться предварительно провести нечто вроде социологического опроса или такого оригинального микрореферендума, то, боюсь, мы получим в результате весьма убедительные доказательства и подтверждения справедливости горькой шутки или, по крайней мере, ее первой половины, с которой мы начали разговор: «Философия у нас сегодня не нужна никому!» Процентные соотношения согласных и несогласных с таким «решением» вопроса могут быть разными в зависимости от специфики опрашиваемой аудитории, но в целом, как мне представляется, на уровне сегодняшнего нашего обыденного сознания победу одержит все-таки большинство согласных с обозначенным утверждением. Правда, здесь приходится считаться еще и с тем обстоятельством, что если такой микросоциологический опрос производит преподаватель со своими студентами, то далеко не все ответы будут, скажем так, вполне откровенными по разным причинам. Впрочем, подобные соображения следует иметь в виду, проводя любой опрос в любой аудитории. (В скобках порекомендуем дотошному и любознательному читателю самому провести аналогичное микросоциологическое исследование путем опроса ближайшего окружения с целью подтверждения или опровержения этих наших утверждений.)

Впрочем, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что сегодня существуют и другие мнения на сей счет: «В современном обществе необходимость и важность философии осознаны, пожалуй, всеми»¹. Очень хотелось бы согласиться с таким мнением, однако факты, к сожалению, его не подтверждают.

¹ Нижников С. А. Философия. Курс лекций. М.: 2007. с. 6.

Обосновывать же наш уже откровенно высказанный ответ на поставленный в заголовке вопрос, по-видимому, будет логично, начав с уточнения смысла, который мы вкладываем в слово «философия».

Как известно, этимологически это понятие восходит к древнегреческой мысли (авторство нередко приписывается Пифагору). Первоначально оно означало любовь к мудрости или «любомудрие», как говорили когда-то на Руси. Сегодня его все чаще трактуют как определённую любознательность, как любовь к истине, к знаниям, к науке, хотя, понятное дело, «мудрость», «истина», «знания», «наука» — далеко не синонимы. Вот один из вариантов такой трактовки: «В правильном переводе в изначальном смысле своем это обозначает не что иное, как универсальную науку, науку о мировом целом, о всеохватном единстве всего сущего»². Но если пойти дальше этимологии и попытаться уточнить, в каком смысле сегодня употребляется слово «философия», то нам угрожает перспектива встретиться с бесконечным множеством вариантов его понимания и трактовок, даже если мы обратимся к авторитетным справочным изданиям, словарям и учебным пособиям. К примеру, в монографии А.В. Потемкина «О специфике философского знания» приводится двадцать семь значений слова «философия». А если хорошенько покопаться в соответствующей литературе, названную цифру нетрудно будет приумножить. Ничего не поделаешь — одной из характерных особенностей нашего времени является проникновение так называемого «плюрализма» во все сферы духовной культуры. Хотя единодушия в трактовке понятия и содержания философии, как мы уже упоминали, не наблюдалось никогда. Ну, а если мы обратимся с вопросом о том, что такое философия, не к специалистам, а к простому или даже высокообразованному человеку, то вариантов ответа будет еще больше, причем нередко с преобладанием претензий на остроумие и насмешки над «вашим вшивым любомудрием»... Такая «традиция» сегодня, в частности, весьма характерна для различных каналов Интернета. Причем эти «остряки» и поносители философии, как правило, даже и не подозревают о том, что, всячески пороча философию, обзывая и проклиная ее, они тем самым делают не что иное, как «философствуют». Правда, и они, как и Пифагор, себя мудрецами обычно при этом не считают, но, в отличие от древнего математика-любомудра, и в любви к мудрости не признаются. Как говорится, «времена меняются»...

² Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3.

Мне представляется, что в понимании и трактовке сути философии наличествуют две крайности, одинаково ошибочные, которых желательно было бы избегать. Эти крайности проявляются как в непонимании и недооценке места и роли философии в жизни человека и в истории общества, с одной стороны, так и в преувеличении, абсолютизации этой роли — с другой. Правда, вторая крайность встречается сегодня значительно реже, и ею чаще всего страдают философы-профессионалы.

В самом общем виде все многообразие представлений о том, что есть философия, можно свести к трем основным группам. Во-первых, это то с чего, как правило, начинаются все учебные пособия по данной дисциплине после разъяснения этимологии самого слова «философия». Назовем эту группу представлений «образовательной» и отметим, что к ней относятся, прежде всего, вузовские преподаватели философии.

Во-вторых, это многочисленные различные толкования сути данного понятия, содержащиеся в трудах, выступлениях, исследованиях ученых-философов, профессионально занимающихся постановкой и решением философских проблем. Это группа «профессионалов». Правда, ученые-философы сегодня, как правило, не ограничиваются научно-исследовательской деятельностью, сочетая ее с преподавательской.

И в-третьих, это самые разнообразные представления о философии, имеющие хождение в сфере обыденного сознания. Назовем их «бытовыми» или «обыденными». Конечно, по числу представителей и разнообразию их представлений на первом месте будут «обыденщики», на втором — «образовательники» и на третьем — «профессионалы». Но по степени компетентности в понимании этого вопроса ведущее положение принадлежит все-таки «профессионалам».

Почему и в каких пропорциях существовали эти группы вчера и существуют сегодня — это особый вопрос. Отметим только, что такие высказывания о сути философии, как: «Философия — это эпоха, схваченная в мыслях» (*Г. Гегель*), «Философия — душа культуры» или «Всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени» (*К. Маркс*), как правило, хорошо известны сегодня каждому образованному человеку, хотя оценивать их может каждый по-своему. При этом обратим внимание на то, что в высказывании Маркса речь идет об «истинной философии», а какая из философских концепций действительно «истинная»

— всегда было и остается весьма сложной и спорной проблемой. Поэтому будем учитывать все многообразие толкований понятия «философия», проявляя толерантность и полагая, что в каждой трактовке содержится доля истины.

Здесь не место подтверждать высказанное конкретными примерами, но желающие могут проверить и найти подтверждение истинности этих мыслей в том бесконечном потоке информации (увы, в неразрывной связи с дезинформацией), который бурлит по всем современным средствам связи и прочим каналам. Отметим еще только то обстоятельство, что понятие философии неразрывно связано с понятием мировоззрения, хотя это, конечно же, не синонимы. По общепринятым представлениям понятие мировоззрения шире по объему, поскольку включает в себя не только знания, но и убеждения, эмоции, ценности, идеалы и т. п. Поэтому философия нередко понимается как систематизированное, рационально осмысленное и обоснованное мировоззрение, или как его ядро и основа. Впрочем, и в толковании соотношения понятий «философия» и «мировоззрение» даже среди специалистов не существует полного единодушия.

Отвечая на вопрос, кому нужна философия, давайте сразу же исключим из числа его адресатов всех тех, кто занимается философией так или иначе профессионально, поскольку в этом случае действительно более или менее ясно и «кому», и «зачем». Хотя, честно говоря, ответ на вопрос, зачем нужна сегодня философия философам России, увы, также не может быть однозначным, так как каждый из российских Любомудров ответит на него, скорее всего, по-своему, не шаблонно. Об этом свидетельствуют нередко проводящиеся в этой среде обсуждения нашей темы.

В формальном плане знакомиться с философией приходится всем получающим высшее образование, поскольку как учебная дисциплина философия пока еще обязательна для всех отечественных вузов и всех форм обучения в них. Тем же, кто стремится стать членом научного сообщества, независимо от избранной будущим ученым сферы научной деятельности, приходится дважды столкнуться с необходимостью повышения уровня своих философских знаний. Экзамен по философии сдается при поступлении в аспирантуру, а далее, уже в ходе учебы в ней и до защиты кандидатской диссертации, необходимо сдать кандидатский экзамен по предмету «История и философия науки». Причем, эта дисциплина введена с 2005 года, а до того экзамен кандидатского минимума сдавался

по тому же предмету — философии. Так что всякий образованный человек волей-неволей сталкивается с необходимостью изучения основ философских знаний, хотя, если он действительно образованный, а значит более или менее широко мыслящий *homo sapiens*, он, конечно же, неоднократно задумывался над философскими проблемами и без внешнего принуждения.

И вот тут мы подходим к самой интересной части нашего вопроса, а точнее, целого комплекса вопросов, который в первом приближении можно сформулировать так: кому и зачем в сегодняшней России нужна философия, исключая тех, кто так или иначе занимается ею профессионально. И если все-таки она действительно «нужна всем», то кому — какая?

Сегодняшняя Россия, будем откровенны, переживает глубокий глобальный кризис, налагающий свой отпечаток на все сферы жизни общества. Этот кризис представляет собой по существу не что иное, как специфическое проявление всеобщего глобального кризиса, переживаемого ныне человечеством как единым целым. Он проявляется самым разным образом и во всех сферах духовной жизни общества: в политике, морали, религии, в искусстве и т. д. Примером наиболее яркого проявления этого кризиса в области философии может служить необычайная популярность так называемых постмодернистских концепций, провозглашающих на разные лады вседозволенность вершиной социального прогресса и требованием духа современной эпохи. Правда, лозунг вседозволенности популярен отнюдь не только в философии, но и в сфере так называемого современного постмодернистского искусства, и в сфере религии, где добиваются права на «законное существование» различного рода «дьявольские» или «бесовские» и им подобные общины и секты, и в сфере правоведения и правосознания; даже и в сфере научного знания — со времен Фейерабенда, склонявшегося к реализации лозунга о вседозволенности в науке и об отделении ее от государства, подобно взаимоотношениям религии и церкви с «цивилизованным» государством, и провозглашавшего: «Единственным принципом, не препятствующим прогрессу, является принцип «Допустимо все (*anything goes*)... Все дозволено». Сегодня мы являемся свидетелями великого множества событий, наглядно демонстрирующих практическую реализацию лозунга вседозволенности во всех сферах человеческой жизни — от семейно-бытовых конфликтов и трагедий до различного рода социальных

потрясений. Когда размышляешь об этом, невольно приходит на ум название одного из трактатов Канта — «Об изначально злом в человеческой природе».

В своё время Гегель утверждал: «Сова Минервы вылетает только в сумерки», понимая тем самым, что адекватное осмысление исторических событий и процессов философами происходит только после того, как сами эти процессы получили завершение, по сути закончились — и только после этого возникает возможность их понять и объяснить. К сожалению, в этом утверждении, как мне представляется, содержится доля истины. Но...

*«Уж давно над страной не сумерки — мрак,
А Сова почему-то все медлит с полётом...
Ей не стать привыкать средь разбоев и драк:
Не в таких, чай, бывала она переплетах³...»*

Размышляя об уроках истории, невольно вспоминаешь мысль того же Гегеля, высказанную им в предисловии к «Философии истории»: если история и учит чему-нибудь, то только тому, что никто, никогда и ничему из истории не научался. Или вот другой немецкий мыслитель, уже в двадцатом веке, накануне начала Второй мировой войны, пытаюсь предсказать всемирно-историческое значение предстоящих деяний русской нации, рассуждает, переключаясь с Гегелем: «Русский не хочет даже учиться у истории. Он сомневается в том, что это возможно, и в этом он прав. Если из истории можно извлечь урок, то только один — что люди ничему из нее не научаются⁴». На подобные размышления нас наводит, в частности, и трагический опыт минувшего XX века с его глобальными катаклизмами, многомиллионными человеческими жертвами в ходе двух мировых войн, трёх российских революций, немецко-фашистских концлагерей, сталинского ГУЛАГа, преступных деяний над своими народами Пол Пота и Мао Цзэдуна и т. д., и т. п. Об этом, в частности, интереснейшее произведение нашего современника, профессионального философа Михаила Полищука «Великое вопрошание. Философия на весах истории»⁵. Эту книгу невозможно читать без содрогания и самых печальных размышлений,

³ Автор неизвестен.

⁴ Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. М.: Эксмо. 2003. с. 103.

⁵ М.Л. Полищук. Великое вопрошание: философия на весах истории. М.: Канон + РООИ «Реабилитация». 2012.

в частности, и о роли философии в человеческой истории. Да и события сравнительно недавно начавшегося XXI века в этом плане не внушают оптимизма. Правда, «великие вопрошания» на сей счет, конечно же, могут (и должны?) быть адресованы не только к философии, но и к религии, морали, праву, искусству и т. д., т. е. ко всем формам человеческой культуры, ее духовным «изобретениям» и их «изобретателям».

Но вернёмся к нашей теме. Если уроки истории никогда, никого и ничему не учат, то, может быть, философия способна компенсировать этот пробел в духовной жизни человечества?

Итак, мы утверждаем что философия так или иначе всегда нужна всем мыслящим существам. При этом исходим из факта, что с тех пор, как человек стал «человеком разумным», он сознательно или бессознательно непременно «философствовал», а значит, не мог обойтись без этого. Следовательно, философия была ему нужна. (Заметим в скобках, что «философия» и «философствование» – разные понятия. К этому вопросу вернёмся чуть позже.) Но вот теперь и возникает вопрос, *какая* кому философия нужна и для каких целей, то есть, *зачем?*

Ясное дело, что сам по себе факт двух с половиной тысячелетнего существования философии еще не доказывает необходимости её «бытия», нужности человеку и обществу, поскольку столь же долго, да и намного долее существуют в человеческой истории факты, процессы, события и т. п., без которых человечество могло бы не только обойтись, но и процветало бы в довольстве и счастье. И это относится не только к каким-то не зависящим от человека явлениям и процессам, но весьма часто и к таким фактам, которые являются плодом его, человека, духовной и материальной целенаправленной активности. Правда, здесь можно оговориться еще и в том плане, что как в деятельности отдельного человека, так и в различного рода «социальных мероприятиях», сознательно выдвигаемые цели действий инициаторов и их результаты, последствия очень даже нередко не совпадали, а то и оказывались противоположными этим целям... Об этом в свое время четко высказывался Ф. Энгельс. Да и намного раньше еще Сократ замечал, что человек творит зло только по причине незнания, невежества, а не по сознательному намерению совершить именно зло. Как гласит древняя народная мудрость, «благими намерениями выложена дорога в ад». Или возьмем сегодняшней российский фольклор: «Хотели как луч-

ше, а получилось как всегда». Надо ли сказанное подтверждать примерами? *Sapienti sat.*

К сожалению, человек способен и на такие поступки, которые он сам осознает и понимает как злые, бесчеловечные. Увы.

Итак, философия нужна тем, кто философствует. А философы философствуют, как мы уже заметили, все люди и во все времена, как в индивидуальном, так и в коллективном, социально-групповом порядке. И ведь философствующие субъекты отнюдь не оправдывают это свое занятие намерением и целью стать или оставаться «разумными человеками», но всегда преследуют какие-то другие, сознательно или бессознательно поставленные более конкретные цели и задачи, достижению и разрешению которых способствует именно философия и только она. Какие же это цели и задачи, то есть, все-таки *зачем* философствуют люди?

Здесь, по-видимому, следует различать тех, кто так или иначе философствует сознательно, и тех, кто, напротив, сознательно отвергая философию и философствование как ненужное, а то и вредное занятие, тем не менее ввергается в пучину бессознательного мудрствования.

Сознательно философствующие, как правило, преследуют цели более глубокого понимания бытия человека во всех его аспектах: того или иного, но все-таки более или менее конкретного решения вопроса о смысле человеческой жизни вообще, а отсюда и о возможном осмыслении самого проживающего эту жизнь философствующего субъекта, вплоть до попыток осмысления сути в самом общем виде всего происходящего в природе, обществе и в самом человеке. Еще Альбер Камю утверждал, что главный вопрос философии: стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой. В самом деле, если человек пришёл к отрицательному решению этого вопроса, то любые другие решаются автоматически. И тот же Камю, утверждая неизбежную «абсурдность бытия», находил смысл человеческого существования в противостоянии этому абсурду. Статистика самоубийств в нашей стране (да и во всем мире) убедительно показывает, что сегодня многие россияне (и не только они) практически отрицательно отвечают на вопрос Камю, в каждом отдельном случае руководствуясь конкретными жизненными соображениями и обстоятельствами. К сожалению, сознательно противоборствовать «абсурду бытия» решаются немногие, ведь это противоборство намного труднее, чем мгновенное «решение» всех жизненных проблем путем суицида... Прав поэт:

*«В этой жизни
помереть не трудно.
Сделать жизнь —
значительно трудней»⁶.*

Однако сознательно задумываются над философскими проблемами, конечно же, не только философы по профессии, а, как мы уже отметили, все разумные здравомыслящие люди. Они ищут ответы на волнующие их смысложизненные вопросы в самых разных направлениях, формах, способах постижения смысла этих проблем и путей их решения. Здесь и круг непосредственного межлического общения во всех сферах жизни и деятельности, и самостоятельные размышления над религиозными идеями и учениями, и осознаваемые философски-содержательные аспекты всех видов классического искусства, начиная с литературы, поэзии, музыки и т. д. и заканчивая современными «новациями-инновациями» в этой сфере; здесь и осмысление как личного, так и всего известного каждому человеку общественного опыта моральных отношений и оценок, и размышления над вытекающими из знакомства с наукой и ее открытиями комплекса сложных философских проблем и т. д., и т. п. Именно в этой среде превалируют положительные оценки философии, ее места и роли в жизни человека и общества. Причем положительные оценки, как правило, вовсе не означают, что философия в понимании этих людей облегчает их жизнь, делает ее проще, легче, успешнее и т. п. Нет. Но она помогает человеку правильно понимать и адекватно реагировать на все происходящее как вокруг, так и в самом философствующем субъекте.

А вот среди философствующих подсознательно, напротив, нередко самым разным образом проявляется отрицательное отношение к тому, что они понимают под словом «*философия*». На уровне обыденного сознания, здравого смысла они оценивают философию как нечто препятствующее нормальной, здоровой человеческой жизни («Меньше знаешь — крепче спишь»). Приходится признать, что такому отношению к философии в какой-то мере способствовали и сами профессионалы-философы, в частности, тем, что нередко так излагали свои мысли, чтобы они были недоступны пониманию неспециалиста, иногда делая это вполне сознательно. И эта профессионально-философская традиция уходит корнями в глубь веков. Гераклита, как известно,

⁶ В.В. Маяковский.

прозывали не только «Плачущим», но и «Темным», полагая, что в своем главном труде «О природе» он сознательно сложно и непонятно излагал свои мысли, чтобы они были доступны только способным их понять, и чтобы эти мысли не стали предметом пренебрежения со стороны черни⁷. Философы во все времена, на словах соглашаясь с прописной истиной «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает», тем не менее, излагали свои мысли нередко недоступным для «черни» языком. Не зря ведь ещё великий Гёте заметил: «Философия философов – это обыкновенные мысли на маловразумительном языке». Или вот мнение сегодняшнего декана философского факультета МГУ В.В. Миронова: «Человек, который говорит непонятно, по большому счету не может себя считать философом. Это мое убеждение». Правда, добавим, что в «непонятности» философских речений и учений тоже надо бы разбираться в каждом отдельном случае конкретно, ведь сложность, «маловразумительность» философского языка – весьма неоднозначное и противоречивое явление. И объясняется она не только сложностью рассматриваемых философами проблем, не только и не столько псевдогераклитовскими намерениями насолить мозгам «черни», не только схоластикоподобными выходками псевдофилософствующих субъектов, стремящихся простые общеизвестные истины изложить сложным «сверхнаучным» языком и т. д. Нет. Эта сложность объясняется, в частности, ещё и тем, что, во-первых, каждый выдающийся философ вносил свой вклад в обогащение языка философии, вводя свои новые понятия или переосмысливая содержание уже имеющихся философских категорий, а во-вторых, тем, что веками накапливался и обогащался философский категориальный аппарат ввиду взаимодействия философских учений разных эпох и различного национального происхождения. Так, в европейской философии изначально превалировала философская терминология древнегреческого языкового происхождения. Затем ее сменила (не устранив, конечно, разработанного древними греками) латиноязычная лексика, воспринятая от античного Рима средневековой религиозной философией и ставшая в эту эпоху достоянием всей христианской Европы, а начиная с эпохи Возрождения, и в особенности в Новое время, философская терминология обогащается другими национальными языками: сначала немецким, затем французским, потом английским и т. д. Многовековое духовно-культурное взаимодействие Востока

⁷ См.: Фрагменты ранних греческих философов. ч. I. — М. 1989. с. 177.

и Запада тоже вносит свою лепту в обогащение языка философии. Вот это языково-терминологически-категориальное разнообразие, в частности, отличает философию от любого частно-научного знания, в каждом из которых, как правило, вырабатывается единая общепринятая, строго определенная терминология. К тому же нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в философии нередко употребляются слова, имеющие определенный смысл в обыденном, бытовом употреблении и совершенно другой смысл в профессиональном «философском языке» (к примеру, «субъект», «идея», «бытие», «сущее» и т. п.). Нельзя не считаться также с тем обстоятельством, что и профессионалы-философы нередко вкладывают разное содержание в одни и те же философские понятия, начиная с понятий «материализм» и «идеализм», «диалектика» и «метафизика», «дух» и «вещь» и так далее без конца.

Размышления и споры о нужности или ненужности философии сами по себе не уникальны, поскольку так или иначе на аналогичные темы велась и ведется полемика и по поводу религии, и по поводу искусства, морали, права. В каждом случае имеют место особенности подобных дискуссий, обусловленные историческими, национальными, религиозными обстоятельствами, связанными с тем, кем и с какой целью, в каких условиях они инициировались. Вот, скажем, сегодняшнему юристу, не сомневающемуся в жизненной необходимости существования в нормальном цивилизованном обществе системы норм права и законов, могут показаться странными и совершенно необоснованными рассуждения древнегреческого философа: «Законы бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше» (*Демокрит*). Юрист, я думаю, удивится, но, возможно, и задумается...

Да ведь и о самом государственном устройстве или вообще о необходимости существования государства как социального института веками велись не только, как мы знаем, теоретические споры. Достаточно вспомнить размышления об этом анархистов и тоталитаристов, Платона, его последователей и противников, макиавеллистов, учения социалистов-утопистов или коммунистические идеи о неизбежном и закономерном отмирании государства в ходе социального прогресса.

Мы уж не говорим о многовековых столкновениях верующих самых разных религий с еретиками и атеистами всех мастей. Каждая религия категорически провозглашала себя единственно

истинной и боролась не только с атеизмом, но и со всеми другими религиозными учениями и верами. Да и внутри всех религиозных конфессий никогда не было недостатка в «еретизме» и, следовательно, во всех формах борьбы с ним от предания проклятию и отлучения от церкви до крестовых походов и костров инквизиции. В качестве примера можно привести и сегодняшние взаимоотношения шиитов и суннитов в исламе.

Так в чем же специфика ведущихся веками споров о месте и роли философии в жизни человека и общества по сравнению со всеми другими, в частности, только что нами названными, казалось бы, столь же глобальными социальными проблемами? На наш взгляд, эта специфика заключается в том, что во всех других спорах человек мог сознательно или подсознательно не участвовать, обходить их стороной, считая, что это его не касается, ему не нужно, его не интересует и т. п. А вот если речь идёт о философии, о философских проблемах, то даже сознательный отказ человека от участия в подобных дискуссиях, нежелание размышлять и рассуждать на эти темы ему не поможет. Рано или поздно, сознательно или подсознательно он «зафилософствует». И вот здесь мы можем попытаться объяснить высказанное нами ранее положение о различии содержания понятий «философия» и «философствование».

Если говорить коротко, то философствование, на мой взгляд, есть процесс, философские рассуждения, размышления, диалоги, полемика и т. д. «Философия» же — результат этого процесса, его итог. Понятное дело, что как процесс, так и результат могут быть самыми разными. Но они неразрывно связаны между собой. При таком понимании этих терминов становится более или менее очевидной мысль о том, что философствуют так или иначе все разумные существа, а вот что получается в результате, каков итог, т. е. какова *философия* каждого из этих существ — этим и определяется бесконечное многообразие «философий». Поэтому можно сказать, что «философий» столько же, сколько «философствующих», и их никогда не сосчитать. Не зря ведь не существует даже попыток подведения такой статистики. Но в целом, конечно же, качество процесса определяет и качество результата. «Вообще нельзя назвать философом того, — писал Кант, — кто не может философствовать. Философствовать же можно научиться лишь благодаря упражнениям и самостоятельному применению разума».

Нельзя не отметить, что понятия «философия» и «философствование» нередко употребляются и как синонимы, что характерно

не только для обыденного мышления, но и для некоторых весьма авторитетных профессионалов в области философии. Сегодня в нашем языке к этим терминам присоединяется еще и «философоведение» как изложение и изучение философских учений прошлого и настоящего. Вошло в обиход и добродушное пожелание «Пофилософствуем?!» как призыв совместно порассуждать, обсудить какую-либо сравнительно абстрактную, отвлечённую, но в то же время важную и интересную для участников общения проблему.

И вот здесь уместно будет пояснить, что имелось в виду, когда, формулируя основной тезис-ответ на наш вопрос, мы сказали о философии «во всех имеющихся смыслах этого слова». Дело-то в том, что философией так или иначе является многое из того, что не признается за таковую, скажем, философами-профессионалами или просто образованными и грамотными людьми.

Еще основоположники позитивизма, отвергая всяческую метафизику, провозгласили, как им казалось, антифилософский принцип подлинно научного мышления, заявив, что философия науке не нужна, что «наука — сама себе философия». Подозревали ли они при этом, что тем самым закладывают основы одного из влиятельнейших направлений в истории философской мысли — позитивистской философии?

Для обозначения таких явлений, которые, по мнению «настоящих философов», философией в истинном значении этого слова не являются, у них существует множество, как они полагают, более правильных, адекватных понятий. Приведем некоторые из них: предфилософия, протофилософия, квазифилософия, эрзац-философия, антифилософия, контрфилософия, псевдофилософия и т. д., и т. п. Каждое из этих понятий имеет свой специфический смысл, но их объединяет стремление отделить все обозначаемое ими от «подлинной» философии, философии как таковой. Но вот взгляните-ка: «псевдо-», «квази-», «эрзац-», «анти-» и т. п., а ведь «философия» же все-таки! Кому-то и философия Платона представляется «квази-», а кому-то философия Гегеля — «псевдо-», ещё кому-то идеи Маркса — яркое выражение «анти-», для кого-то «контрфилософы» — Достоевский или Ницше, и так далее, до бесконечности. Я уж не говорю о «философии быдла», «черни», «мещанства», «нищеты», «обывателей», «неучей», «голодранцев» и т. д. до той же бесконечности. Правда, собрания философских трудов последних из перечисленных «мыслителей» пока еще не издаются. Но о них знают и говорят и признанные настоящие

мыслители. Так, размышляя о процессе знакомства простого обывателя с подлинно научной философией, А.И. Герцен писал: «К философии приступают со своей маленькой философией; в этой маленькой, домашней, ручной философии удовлетворены все мечты, все прихоти эгоистического воображения. Как же не рассердиться, когда в философии-науке все эти мечты бледнеют перед разумным реализмом ее!»⁸

Заставляет задуматься и простое перечисление как общеизвестных, так и мало известных трудов, в самом названии которых фигурирует та или иная «философия». К примеру, «Философия нищеты», «Философия хозяйства», «Философия права», «Философия имени», «Философия религии», «Философия истории», «Философия науки», «Философия любви» и т. д., и т. п. (читатель может продолжить перечисление, да еще и авторов назвать). В обыденном сознании людей сейчас, с горечью признавался М.В. Желнов, под философией понимается «все, что угодно»: «Речь может идти о «философии экономики», «галактической философии», «философии кино», «философии темперамента», «философии танца»⁹. Не разделяя горечи автора этого высказывания, пожалуй, согласимся с ним, что под философией действительно можно понимать «всё, что угодно», но это «всё», конечно же, всякий раз будет философствованием разного качества. А вопрос качества философии, понятное дело, очень непростой.

Вот поэтому мы и попытались в ходе размышления над поставленным в заголовке вопросом так конкретизировать его, чтобы он включал в себя не только вопрошания «кому» и «зачем» нужна философия, но и «какая» это должна быть философия в условиях современности в нашей стране. Очевидно, что нормальный, здравомыслящий, действительно разумный человек, осознав необходимость и неизбежность «философствования», в своей духовной жизни будет стремиться к тому, чтобы его философские рассуждения и размышления, раз уж их не избежать, были не «маленькой, домашней, ручной философией», а по возможности максимально качественными, достойными его человеческой сути, адекватными его самооценке и самосознанию как существа, действительно соответствующего высокому званию Человека и духу переживаемого ныне Родины, да и всем человечеством исторического периода. Чтобы достичь такой цели, ему полезно, желательно, даже необходимо по возможности обстоятельно познакомиться с накопленным

⁸ Антология русской философии в 3-х т.т. Спб., 2000. т. 1. с. 46.

⁹ Желнов М. В. Предмет философии в истории философии. М.; 1981. с. 57.

человечеством опытом постановки и решения философских проблем, критически оценить этот опыт и опереться на него в своей духовной жизни. Сказанным, как мне представляется, в какой-то степени оправдана, в частности, обязательность изучения философии в наших вузах. Продуманно организованное и эффективно проводимое, оно не только не будет препятствовать становлению и развитию самостоятельного мышления обучаемого, но, напротив, всячески поспособствует этому. Ибо у изучающего философию и ее историю расширяется кругозор и возможность самостоятельного и сознательного выбора направленности и содержания собственного философствования. Согласимся здесь с мнением профессионального философа, возглавляющего сегодня Институт философии АН РАН, А.А. Гусейновым: «Главная ценность философии в том, что она учит мыслить... Думающему человеку без философии не обойтись». Добавим, что сказанное, конечно же, не означает, что умению мыслить учит только философия, но это и жизнь во всех ее аспектах. «Ни мудрость, ни искусство не могут быть достигнуты, — заявлял Демокрит, — если им не учиться». Вряд ли кто-либо сочтет эти мысли устаревшими. Ну и, конечно же, даже в числе выдающихся философов встречаются мыслители, проповедующие не очень уж разумные, гуманные, человеческие и прочее идеи. Стоит ли их здесь называть?

Уже Аристотель, считавший, что удивление побуждает человека к философствованию, отмечал, что «и любитель мифов есть в некотором роде философ». Зарождаясь и развиваясь, философия так или иначе впитывала в себя, переосмысливала и мифологические образы и сюжеты, и религиозные идеи, и обыденно-бытовые представления, и зарождающиеся начала будущего научного знания, и элементы словесно-литературного творчества, да и всего комплекса культурных проявлений, которые в последующем получили название искусства, и многое-многое другое. Реальный исторический процесс духовной жизни человечества характеризуется, в частности, таким глобальным взаимопроникновением всех её проявлений.

Один из родоначальников философии Нового времени Томас Гоббс писал: «Философия есть дочь твоего мышления... и живет в тебе самом». Она имманентно присуща каждому. Ибо ни одному из смертных нельзя отказать в праве размышлять о смысле жизни, свободе, справедливости и бессмертии. Другой основоположник философии этого периода Рене Декарт рассуждал на эту тему более категорично: «Я предложил бы обсудить полезность этой фило-

софии и вместе с тем доказал бы важность убеждения, что философия ... одна только отличает нас от дикарей и варваров, и что каждый народ тем более гражданствен и образован, чем лучше в нем философствуют; поэтому нет для государства большего блага, как иметь истинных философов».

Правда, я бы оговорился, что, к сожалению, не всякая философия обладает названными Декартом положительными качествами, и что бывает, увы, не только «заблуждающаяся», но и вредная, и опасная философия как для человека, так и для любого сообщества. Могу дополнить свою оговорку предложением читателю самостоятельно выстроить три столбика понятий, оценивающих качество того или иного философского учения:

1. Положительные оценки
2. Отрицательные
3. Нейтральные

Кстати, для начала этой процедуры можно использовать, в частности, уже приведённые нами различные характеристики как философии в целом, так и многих ее разновидностей. Интересно, какой столбец получится самым высоким?

Мысль о том, что сознательно или бессознательно философствует каждый разумный человек, сегодня стала практически общепризнанной и нередко однозначно и категорически формулируется во многих учебных пособиях по философии. Но вот можно ли назвать каждого философствующего философом — здесь мнения специалистов нередко расходятся. Так, М.К. Мамардашвили, например, утверждал: «Я хочу подчеркнуть, что *философом* является *каждый* человек — в каком-то затаенном уголке своей сущности. Но профессиональный философ выражает и эксплицирует особого рода состояния, которые поддаются пересказу лишь на философском языке» (курсив мой — В. П.). Философия, по его мнению, — «это ходячее сознание вслух», «это публичное сознание, которого нельзя не высказать», и в этом смысле оно неотвратимо. Итак, каждый человек — так или иначе философ.

А вот другое мнение на сей счет, не менее авторитетного автора — А.Г. Дугина: «Философия... *это наука для избранных*. Обычному человеку философию изучать не надо, он в ней ничего не поймет... Изучать философию «с конца» и по популярной литературе категорически нельзя. Начать нужно с изучения языков, чтобы разбираться в терминах. Философ, не знающий

три-четыре европейских языка – это шпана, а не философ» (курсив мой – *В. П.*). Таким образом, получается, что подавляющее большинство наших даже профессиональных философов, не говоря уже о философствующих обывателях – это шпана. Кто прав в этом вопросе – Мамардашвили или Дугин, выбирать вам, уважаемый читатель. Моя же позиция – позиция «шпаны» – выражается всем содержанием данной статьи.

Завершая наш краткий разговор об одном из великих вопрошаний философии, обращенном в данном случае ею к себе самой – «Кому и зачем я нужна?» – еще раз заверим читателя, что ему не навязывается никакое решение или ответ извне, а просто предлагается совместно подумать, обсудить и постараться прийти к самостоятельному и обоснованному ответу на это вопрошание. Будем удовлетворены, если предложенный нами материал в какой-то степени поспособствует такому самостоятельному решению.

Думается, что из всего сказанного становится очевидным, что наш исходный тезис – ответ на «великое вопрошание» о месте и роли философии в жизни человека и общества, несмотря на его первоначальную кажущуюся неприемлемость, увы, не является ни особо оригинальным, редким, уникальным, ни таким уж неприемлемым. Хотя и бесспорным его, конечно, тоже признать нельзя. Заключительное слово предоставляю специалистам:

«Таким образом, можно сделать вывод, что философия неизбежна для любого человека и каждый человек философствует, даже тот, кто отрицает ее необходимость и обоснованность, невольно оставаясь на позициях лишь неразвитой формы философствования»¹⁰.

¹⁰ Кузнецов В. Г., Кузнецова И. Д., Миронов В. В., Момджян К. Х. Философия. Учебник. - М.: 1999, с. 9.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ЭКЛЕКТИК

К столетию ухода из жизни Л.Н. Толстого

«— Какая глыба, а? Какой матерый человечище... Вот это, батенька, художник... И — знаете, что еще изумительно в нем? Его мужицкий голос, мужицкая мысль, настоящий мужик в нем. До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня азиатскими глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный, жмурясь, точно кот на солнце».

М. Горький. Очерк «Владимир Ильич Ленин». 1924 год

«Лев Толстой — величайшее явление культуры — был и величайшим врагом культуры».

Александр Мень

Для чего это придумали люди разного рода юбилеи, годовщины, памятные даты и т. п.? Думается, прежде всего, для того, чтобы не утратить память о значимых в их жизни веках, событиях, лицах, чтобы не забыть, не упустить из внимания чего-то важного, интересного, нужного, значимого, имевшего место в прошлом и по-своему остающегося актуальным, необходимым и важным как для настоящего, так и для будущего. И это относится как к каждому отдельному человеку с его биографическими метками, так и к любой социальной общности, начиная с семьи и кончая всем человечеством. Событие и персона, о которых у нас пойдет речь, в этом плане необычайно многогранны и всеохватны. Я имею

в виду такие неоспоримые факты, как уникальность личности и творчества Льва Николаевича Толстого, так и всемирно-исторически значимую дату его ухода из жизни. Правда, здесь, наверное, будет уместно заметить, что в нашей стране это печально знаменитое событие в 2010 году отмечалось, как бы это выразиться помягче, сравнительно скромно...

В принципе это можно понять, учитывая как неоднозначность оставленного великим писателем духовного наследия, так и специфику переживаемого сегодня нашим Отечеством, да и всем мировым сообществом исторического момента.

Так уж сложилось в истории культуры, что, оглядываясь на прошлое, размышляя о современности или пытаясь заглянуть в будущее, любой субъект такого рода деятельности, как правило, заявляя об объективности своего подхода к описываемым им событиям, лицам, фактам, сознательно или бессознательно, вольно или невольно нарушает это своё обещание. Ибо человек не может, как бы он сам того ни желал и не стремился к этому, абсолютно отстраниться, абстрагироваться от субъективного фактора. И если мы, к примеру, вспомним известную гегелевскую идею о том, что «философия есть эпоха, схваченная в мыслях», то сразу же будем вынуждены дополнить её соображениями такого порядка, что любая философская система не способна «ухватить в мыслях» свою эпоху во всей ее сложности, противоречивости и многогранности. Более того, осмелюсь предположить, что на это неспособна и вся философская мысль соответствующей эпохи во всей ее, этой мысли, полноте, сложности и своеобразии, поскольку, оглядываясь на прошлое, человек неизбежно меняет подходы, оценки, открывает новые, неизвестные ранее факты, переосмысливает известные и т. д., и т. п. К чему это я? Зачем отклоняюсь от заявленной темы?

Да нет, отклонение тут только кажущееся. Поскольку всё здесь сказанное напрямую относится к теме нашего разговора. Как к личности, так и к творчеству одного из самых ярких и выдающихся представителей отечественной культуры.

У нас в России, да и в мире в целом сложились и вот уже более века конкурируют, спорят, противостоят, если попытаться выразиться в самом общем методологическом плане, три основные традиции в отношении к Толстому и его наследию.

Представители первой из этих традиций, которую я бы назвал условно «апологетической», описывая, анализируя, рассматривая личность и творчество Льва Николаевича, нередко признавая

наличие разнообразных негативных моментов в его биографии, противоречий в мировоззрении, неувязок в аргументации и т. п., основное внимание концентрируют на положительных аспектах всего его жизненного пути, на величии и общепризнанном в мировом масштабе значении его творчества, всячески оправдывая, извиняя или вообще забывая, не замечая негативов.

Противоположный апологетическому подход, как нетрудно догадаться, идет прямо противоположным путем. Представители этой традиции также нередко не отрицают величие и большое историческое значение личности и творчества писателя, но все-таки основное внимание при этом уделяют негативу, критике, разоблачению, раскрытию реакционного, аморального или еретического смысла и значения многих его идей и поступков. Ясное дело, что подобного рода уклон естественно было бы назвать, конечно, опять-таки с определенной долей условности, «негативистским».

Наконец, третий подход пытается уравновесить, избежать крайностей двух предыдущих и объективно взвесить и оценить, вычленив рациональные зёрна как апологетического, так и негативистского подходов и, соответственно, осудить, отстраниться от их крайностей, односторонностей, а иногда и просто фальсификаций, выдумок и сплетен. Такой подход было бы естественным назвать «объективистским», но только с учетом ранее сказанного о невозможности для реального, живого человека воплотить в своем подходе абсолютный объективизм. И все-таки мы постараемся в последующих наших размышлениях оставаться в рамках этого третьего из названных подходов. Думаю, не надо здесь уточнять, что все три охарактеризованных варианта методологических походов имеют место не только в «толстововедении», и что они отнюдь не всегда проявляют себя в чистом виде.

И еще предварительно одно объяснение методологического плана в порядке оправдания заголовка нашего материала. Общеизвестный смысл философского понятия «эклектик» у нас является, как правило, резко и однозначно отрицательным. По сути дела, это одно из излюбленных ругательств философствующих публицистов, стремящихся в пылу полемики принизить, разоблачить, обезоружить оппонента, называя его эклектиком и тем самым как бы намекая на его неспособность мыслить последовательно, непротиворечиво, самостоятельно, убедительно и доказательно. Правда, справочные издания нередко трактуют это понятие в более широком смысле, что не меняет сути дела.

Вот пара примеров в подтверждение сказанного. «Советский энциклопедический словарь» 1988 года: «Эклектизм (эклектика) (от гр. *eklektikos* – выбирающий) – механическое соединение разнородных, часто противоположных, принципов, взглядов, теорий, художественных элементов и т. п.; в архитектуре и изобразительном искусстве сочетание разнородных стиливых элементов или произвольный выбор стилистического оформления для зданий или художественных изделий, имеющих качественно иные смысл и назначение (использование исторических стилей в архитектуре и художественной промышленности XIX века)». Как видим, здесь внимание любознательного читателя направляется в основном на эстетический аспект содержания интересующего нас понятия. А вот собственно философское значение термина «эклектика» более четко и однозначно выражено в другом справочном издании советского периода – «Словаре иностранных слов» 1954 года издания: «Эклектик – см. эклектизм. ... Эклектизм, эклектицизм – отсутствие единства, последовательности в убеждениях, теориях; беспринципное сочетание разнородных, несовместимых, противоположных воззрений, напр., материализма с идеализмом. В искусстве – формальное, механическое соединение различных стилей». И посмотрим еще, наконец, кто же такой «эклектик» – это «...[<гр. *eklektikos*> – выбирающий] учёный, философ или политик, *беспринципно сочетающий противоречивые, несовместимые взгляды*) (курсив мой – В. П.).

Не стоит возмущаться тем, что мы используем здесь устаревшие источники. Вот, к примеру, издание сегодняшнего дня: «Эклектика (также эклектизм) – (греч. «избранный, отборный» от греч. – «выбирать, отбирать, избирать») – смешение, соединение разнородных стилей, идей, взглядов и т. п., основанное на их искусственном соединении». Это трактовка интернетовской «Википедии». Или вот из «Словаря иностранных слов» 2006 года издания: «Эклектик /гр. *eklektikos* – выбирающий/ – ученый, художник, политик и т.п., *беспринципно сочетающий противоречивые, несовместимые взгляды*».

Как видим, смысл понятия не претерпел сколько-нибудь существенных изменений в нашем языке, по крайней мере, в последние полвека... В то же время нельзя не заметить, что в самой этимологии этого слова не содержится отрицательного, порицающего смысла. Ведь «выбирающего» оценивают не за сам факт выбора, а в зависимости от того, что, из чего, зачем и как он выбирает.

Но выскажем и «еретическую» мысль по интересующему нас здесь вопросу. Дело-то в том, что, как мне представляется, «эклектиками» или «философскими еретиками» являются так или иначе все мыслители, философы, да и вообще все мыслящие люди, начиная с самых выдающихся гениев человечества и заканчивая любим (но мыслящим!) обывателем. А если это действительно так, то размышлять об эклектиках и эклектизме (эклектицизме) следовало бы не в порядке разоблачения, обличения и порицания таковых, а с целью поиска истоков, причин, корней всей этой непоследовательности, противоречивости, парадоксальности продукции мыслящих существ, выявления в ней моментов, пусть и не совсем адекватно, но выражающих «суть дела», противоречивый и «непоследовательный характер» реальных объективных процессов и явлений. Ведь еще Фихте высказывал мысль, что философских «систем» столько, сколько есть философствующих субъектов. Ну, а мы можем здесь только добавить, что всякий действительно мыслящий человек по определению не может не философствовать, причем, естественно, его «философствование» не может быть простой механической «копией» каких-то других философских идей... Даже эпигоны и догматики не могут удержаться, избежать отступления, перетолкования, своеобразного понимания или недопонимания излагаемых ими чужих мыслей, а к людям действительно творчески мыслящим это, естественно, относится в еще большей мере. Ведь и сам Л.Н. Толстой, возводя истину на пьедестал почета, в то же время предостерегал себя и нас от догматизации любой добытой тяжкими трудами истины, говоря: «Надо любить истину так, чтобы всякую минуту быть готовым, узнав высшую истину, отречься от всего того, что раньше считал истиной». Всю жизнь Толстой стремился следовать этому своему завету, стремился постичь искомую «высшую истину». Хорошо известны последние слова писателя, обращенные к собравшимся у постели умирающего близким: «Пропать народу кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва... Мужики так не умирают...». И уже в полузабытии: «Люблю истину...»

Эти предварительные рассуждения, направленные на уточнение смысла одного из важных для правильного понимания сути дальнейших наших размышлений понятий, вызваны, в частности, известным высказыванием самого Л.Н. Толстого: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значение которого он не может объяснить, лишается

права писать и получает сто ударов розог». А я бы, во-первых, распространил действие этого толстовского «закона» не только на писателей, а во-вторых, приветствовал бы эту юридическую инициативу идеолога ненасилия и непротivления злу насилieм. Но обо всем этом речь впереди. Пока же мы попытались уберечь себя от «ста ударов...»

Из безграничного космоса толстововедения мы избрали предметом предлагаемого вниманию читателя эссе философские взгляды писателя, общефилософские аспекты его мировоззрения, да и то, конечно же, не во всей их полноте, эволюции, многообразии проявлений во всех разновидностях многогранной деятельности Толстого, а только в тех его работах, где эти взгляды и идеи выражались наиболее открыто, полно, непосредственно, четко. Разумеется, это не означает, что мы принципиально отказываемся от учета всякого рода как бы «второстепенных свидетелей» интересующей нас проблематики, просто мы говорим о том, в кругу каких источников будет сосредоточено наше основное внимание при рассмотрении фигуры Толстого как философа.

Сам по себе вопрос, был ли Толстой философом, может восприниматься как сугубо риторический: ну кто же посмеет усомниться в положительном ответе на него, если человек сколько-нибудь обстоятельно ознакомился с творчеством великого писателя. Но ответ на этот вопрос не в последнюю очередь зависит еще и от того, какой смысл мы вкладываем в понятие «философ». Ведь понятию этому можно дать такую трактовку, согласно которой вне сообщества философов окажется, скажем, Сократ, не написавший ни одной философской работы, вообще не оставивший никаких текстов, профессионально не занимавшийся, скажем так, «преподаванием» философии, да и сам не получивший «философского» образования. С другой стороны, философом в каком-то смысле правомерно называть и всякого разумного человека, который по определению, как мы уже упоминали, не может не задумываться над вечными философскими проблемами, не пытаться выработать собственную позицию, свой подход к их решению, свое критическое отношение к тем философским взглядам, идеям, концепциям, с которыми он так или иначе неизбежно сталкивается, знакомится в процессе своей жизнедеятельности.

И все-таки сегодня вряд ли найдется здравомыслящий человек, который, размышляя о Толстом, попытался бы дать обоснованный отрицательный ответ на поставленный вопрос.

Не случайно еще при жизни писателя, в 1900 году его тезка Лев Шестов в работе «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше» писал: «Сказать про графа Толстого, что он не философ, — значит отнять у философии одного из виднейших её деятелей». И если Шестов пытался как-то сблизить идейное содержание наследия Толстого с взглядами немецкого мыслителя, то другой выдающийся отечественный философ Н.А. Бердяев неоднократно и категорически противопоставлял их, решительно заявляя: «Лев Толстой есть антипод Ницше, он есть русское противоположение Ницше, как и Гегелю». В данном пункте я бы скорее согласился с Бердяевым, хотя черты сходства в мышлении и идеях отечественного и названных немецких мыслителей тоже, конечно, имеются, но сейчас разговор не об этом. Масштаб же сопоставлений философского творчества Л. Толстого с одними из самых знаменитых в истории философии мыслителей Запада говорит сам за себя.

Действительно, Лев Николаевич Толстой внес весомый вклад и навечно вписал свое имя в историю как отечественной, так и мировой философии, также как и в историю художественной литературы, культурологии, политологии, публицистики, педагогики, религиозно-богословской мысли и т. д.

Другое дело, в чем состоят и как оцениваются эти его вклады. За истекший после его смерти век в оценках личности и наследия Толстого воцарились зародившиеся еще при его жизни хаос и разногласия, бурные споры и непримиримая полемика между прямо противоположными позициями. И достижение общего согласия, консенсуса в решении этих вопросов не просматривается ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе. А ведь одной из самых заветных идей и целей великого гуманиста было как раз достижение такого глобального всечеловеческого единства, мечта об объединении всех людей нашей планеты на почве безусловного категорического отказа от любого насилия, на почве всеобщей любви, добра, взаимного уважения и согласия, единой религиозной веры...

Как известно, одной из характерных особенностей развития отечественной философской мысли является то обстоятельство, что она формировалась и проявляла себя не только и не столько в классических философских жанрах типа трактатов, академических курсов лекций, цельных философских систем и проч., сколько в народном фольклоре, в художественной литературе, в живописи, в поэзии и прозе, в литературной критике и т. п. Каждый из

великих представителей русской литературы является и выдающимся русским философом. Как говорят, в Отечестве нашем не каждый философ — писатель, но каждый наш великий писатель и поэт — непременно философ. Не зря ведь еще молодой Достоевский писал в письме брату, что «философия — это та же поэзия, но только высший градус её». Что же касается Л.Н Толстого, то можно с уверенностью сказать, что философскими идеями пронизано всё его творчество во всем исключительном многообразии его жанров. Интерес к философии, философские размышления и занятия философией проходят непрерывной красной нитью через всю биографию Толстого, начиная с ранних детских лет и до последних дней его жизни. «Его первое произведение «Детство и отрочество», — отмечал В.В. Розанов, — есть уже философия в самой теме своей; и что бы еще не писал Толстой, всегда заметно для внимательного читателя, что он — философствует образами, что он есть вечный и неутомимый философ; и только потому, что тема его философии есть «человек» и «жизнь» — иллюстрации к ней вытягиваются в страницы рассказов и романов» (В.В. Розанов. *О писательстве и писателях*. М.: 1995, с. 31). Известно также, что ещё будучи пятнадцатилетним подростком Толстой носил на груди вместо креста медальон с портретом Ж.Ж. Руссо. Он признавался, что проштудировал все 20 томов сочинений великого французского просветителя и воспринял ряд его идей, хотя, конечно же, далеко не во всем соглашался с ним и в своем творчестве отнюдь не был догматическим руссоистом. В рабочем кабинете писателя в Ясной Поляне среди настенных портретов находился и портрет немецкого философа Шопенгауэра, с одной стороны, высоко почитаемого Толстым, с другой, неоднократно вызывавшего у него резко критические оценки и замечания. Известно множество высказываний Толстого о социализме и коммунизме, о Марксе и о представителях утопического коммунизма. Высказывания эти тоже по-своему неоднозначные и противоречивые. Но сейчас мы имеем в виду только то обстоятельство, что Толстой если уж и высказывался о трудах и идеях мыслителей, то, как правило, только на основании серьезного знакомства с ними, знания их не из вторых рук, а из первоисточников. Так, к примеру, он признавался: «Я прочитал весь «Капитал» Маркса и готов сдать по нему экзамен». Признаемся и мы честно, что даже в советско-марксистские годы отечественной истории далеко не каждый «марксист» в нашей стране мог бы честно высказаться в этом ключе подобным образом.

(Хотя в скобках здесь, наверное, уместно добавить еще и то, что, заявив о проштудировании им «Капитала», Лев Николаевич признавался, что не обнаружил в нем ничего нового для себя.)

Кроме того, Толстой знакомился с идеями мыслителей не только по их трудам, публикациям, текстам, но и в процессе непосредственного общения с современниками, среди которых, в частности, было большое количество выдающихся представителей отечественной философской мысли. Упомянем в этом плане о его встречах в Лондоне с А.И. Герценом, о тесном многолетнем сотрудничестве с Н.Н. Страховым, о беседах с К.Н. Леонтьевым, Н.Я. Данилевским, В.В. Розановым, Н.Г. Чернышевским, В.С. Соловьевым, Н.Ф. Фёдоровым и многими другими. Не говоря уже о том, что философские, социально-политические, этические, религиозно-богословские и тому подобные проблемы конечно же обсуждались и при встречах Толстого как с самыми известными на тот момент писателями земли русской, так и с многочисленными представителями других областей нашей культуры и искусства, среди которых можно назвать поэтов Н.А Некрасова, А.А. Фета, К.Д. Бальмонта, писателей И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, А.П. Чехова, А.М. Горького, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, Д.Я. Григоровича, В.Г. Короленко, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, художников И.Е. Репина и Н.Н. Ге, композиторов С.И. Танеева, А.Г. Рубинштейна и А.Б. Гольденвейзера и многих, многих других... Не грешно, размышляя на эту тему, прислушаться и к высказываниям самого героя наших размышлений. Вот, к примеру, из его высказываний: «Никто из русских не имел на меня, для моего духовного направления, воспитания такого влияния как славянофилы, весь их строй мыслей, взгляд на народ» (речь идет об Аксаковых, Самарине, Киреевском, Хомякове — *В. П.*). А вот другое признание: «За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне моё мирозерцание. Люди эти были не русские поэты, ученые, проповедники, — это были два живущие теперь замечательные человека, оба всю свою жизнь работавшие мужицкую работу, — крестьяне Сютаев и Бондарев» (*Л.Н. Толстой. ПСС, т. 25, с. 386*).

Забавный, но и многозначительный, и по-своему поучительный эпизод из истории такого рода встреч поведал известный русский философ Н.О. Лосский. Как-то Лев Николаевич пришел в Румянцевскую библиотеку, где работал библиотекарем выдающийся

религиозный философ – Николай Фёдорович Фёдоров. Глубоко уважая писателя, библиотекарь начал обстоятельно знакомить его с книжными сокровищами. Реакция Толстого была неожиданной: «Как много люди пишут глупостей, – с негодованием сказал он, – всё это следовало бы сжечь». На что всегда кроткий и добрый Фёдоров вспылил: «Я видел за свою жизнь многих глупцов, но таких, как Вы, ещё не видел» (*Гусев, Рябов «Великие философы». М.: 2005, с. 443*). Кстати, заметим, что у этого невиданного «глупца» в его имении в Ясной Поляне имелась «небольшая библиотечка», насчитывавшая примерно двадцать три тысячи (по другим данным четырнадцать тысяч) томов, многие из которых содержали в себе следы тщательной их проработки хозяином – «библиофобом». Известно и другое довольно резкое высказывание Фёдорова в адрес Толстого: «...Всеобщее поклонение довело его до такого самообожания, что он всякий вздор, приходящий ему в голову, считает откровением свыше». Резко сказано, но заставляет задуматься...

При этом уместно напомнить, что Лев Николаевич очень высоко ценил Федорова как мыслителя и высказывался о нем в таком духе: «Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком». И именно Н.Ф. Фёдоров был одним из немногих людей, чья жизнь полностью импонировала Толстому. И раз уж зашла об этом речь, упомянем еще, что такие, мягко выражаясь, сверхвысокие оценки этой личности «библиотекаря» мы находим и в трудах наших современников. Цитирую А.А. Волынского: «Фёдоров – единственное, необъяснимое и ни с чем не сравнимое явление умственной жизни человечества.

Рождением и жизнью Федорова оправдано тысячелетнее существование России. Теперь ни у кого на земном шаре язык не повернется упрекнуть нас, что мы не бросили веками ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда... (чувствуешь, читатель, намёк на «Философические письма» П.Я. Чаадаева?! – *В.П.*). В одном Фёдорове – искупление всех грехов и преступлений русского народа» (*С.Г. Семёнов. Тайны царствия небесного. М.: 1994, с. 260*).

Думаю, читатель согласится со мной, что есть над чем поразмышлять, знакомясь с подобными фактами и примерами из жизни наших выдающихся соотечественников.

И еще хотелось бы обратить внимание на то, что Федоров и Толстой различались не только в их оценках духовного наследия человечества, но и в своем отношении к написанию трудов, к публикации собственных творений и размышлений. Достаточно

вспомнить, что главное произведение Н.Ф. Федорова «Философия общего дела» было опубликовано только после его смерти благодаря усилиям учеников и последователей мыслителя и распространялось бесплатно. Толстой же не только сам творил, писал, публиковался активно в стране и за рубежом в течение многих десятилетий своей жизни, но и всячески стимулировал к этому своих близких и родных.

Какой-то остроумный француз заявил в свое время: дескать, дайте мне страничку осмысленного рукописного текста, и я на законном основании посажу автора в тюрьму. Между тем, первое и пока единственное полное собрание сочинений Толстого, издававшееся в СССР в течение тридцати лет – с 1928-го по 1958 год, составляет 90 томов. И все эти тома, надо полагать, представляют собой «осмысленные тексты», изначально бывшие рукописными. Всего сохранилось, по имеющимся на сегодня данным, около трехсот теоретико-публицистических произведений Толстого, из которых 164 были им завершены, а 126 остались незаконченными. Все эти произведения вошли в юбилейное издание, причем, 83 из них впервые увидели свет в этом издании. К сожалению, в собранном виде философские и теоретико-публицистические работы Толстого ни разу не были опубликованы как при его жизни (хотя он и желал этого), так и за истекший век после его смерти, не говоря уже о том, что 90-томник сегодня, признаемся честно, мало доступен массовому читателю. Робкой попыткой восполнить этот пробел являются, к примеру, «Избранные философские произведения» Льва Николаевича, изданные в Москве в 1992 г. издательством «Просвещение» тиражом в пять тысяч экземпляров и включающие в себя пять наиболее важных религиозно-философских работ писателя. Как говорится, «Не судите, да не судимы будете», спасибо и на том... Хотя, как я полагаю, желающих обстоятельно познакомиться с этой частью наследия нашего великого соотечественника в России и в современном русскоязычном мире (да и в иноязычном тоже) нашлось бы много более пяти тысяч.

Кстати сказать, и юбилейное «полное» собрание сочинений Толстого, как оказалось, является на самом деле далеко не полным и поэтому сегодня специалисты трудятся над новым, действительно полным собранием, которое планируется издать в 120 томах. Дай бог им здоровья и успехов в этом благородном и многотрудном деле...

Мы же возвратимся, однако, к разговору о мировоззрении писателя. Правда, в этом разговоре не лишним будет помнить, что

в одной из своих дневниковых записей Лев Николаевич, обращаясь к последующим критикам, исследователям его биографии и творчества, ко всем интересующимся им потомкам (а, значит, и к нам с вами) просил не «злоупотреблять» материалами его дневниковых записей, черновиков, воспоминаний и рассказов его современников и т. д., и т. п., а использовать только рекомендованные им самим к публикации или опубликованные материалы. Просил он об этом еще и потому, что признавал возможность самого разного толка «оговорок», «обмолвок», ошибок, неясностей и кривотолков в процессе общения, обсуждений и полемики по самым разным вопросам. Он признавался: «Я не святой и никогда не выдавал себя за такого, а человек увлекающийся и говорящий иногда, даже всегда, не вполне то, что думаю и чувствую, не потому, что не хочу сказать, а не умею, часто преувеличиваю, просто ошибаюсь, это в словах. А в поступках еще хуже». Что тут скажешь? Ценное признание. Не все, кто писал и пишет о Толстом, учитывают эти самохарактеристики его мыслей и высказываний...

Противоречия в мировоззрении Толстого действительно «кричащие», как говорил В.И. Ленин. И эту противоречивость признавали практически все, кто так или иначе был знаком с его творчеством и личностью, начиная от самых близких членов семьи и друзей и заканчивая многочисленными его апологетами и антагонистами. Естественно, что отношение к толстовским противоречиям, их трактовка и оценка, как правило, совпадали с одной из обозначенных нами ранее традиций толстововедения. Да и сам писатель понимал и заявлял о неизбежности противоречий в мышлении практически каждого действительно мыслящего человека, включая, может быть, в еще большей степени, чем у обычных простолудинов, и «так называемых гениев». Последние слова закавычены, потому что они взяты из воспоминаний А.М. Горького: «Так называемые великие люди всегда страшно противоречивы. Это им прощается вместе со всякой другой глупостью. Хотя противоречие не глупость: дурак упрям, но противоречить не умеет». По свидетельству Горького, Толстой сказал это в их беседе о «заслужившем славу лучшего государя немцев» Фридрихе.

В порядке уточнения и добавки к приведенному высказыванию Льва Николаевича, я бы заметил, что сам-то он — отнюдь не «так называемый», а действительно и бесспорно гений и великий человек, чему соответствует и масштаб его противоречий. Ну, и еще такую деталь добавим, что противоречия-то бывают разные,

и они могут иметь место в мышлении не только великих людей, согласимся здесь с писателем, но и тех, кто лишен величия, кто не наделен глубоким или хотя бы трезвым умом. Впрочем, реплика Толстого о дураке свидетельствует о том, что и «противоречить» желательно с умом. И с этим тоже трудно не согласиться.

Есть смысл прислушаться и к мнению одного из внуков великого писателя: «Толстого нельзя ни судить, ни мерить на свой аршин. Те, кто пошел по этому пути, подчеркивая его противоречия, осуждая его непоследовательность, переменчивость взглядов, лицемерие, неизбежно вступили на ошибочный путь.

Противоречия Толстого связаны с чрезвычайной множественностью его личности. Многосложный и изменчивый, увлекающийся и впечатлительный, он всегда оставался верен самому себе, своей искренности и любви ко всем людям, к человечеству.

И человечество признало его «мировой совестью» (*С.М. Толстой. Дети Толстого. Пер. с франц. Тула, 1993, с. 248*).

В центре практически всех философских размышлений Толстого так или иначе всегда находились моральные проблемы в их сложном переплетении с религией, искусством, политикой, экономикой, бытом и бытием, повседневной жизненной реальностью или высшими духовными ценностями и идеалами. Не случайно многие специалисты характеризовали его мировоззрение как «панморализм» (В.В. Зеньковский) или «гиперморализм» (В.В. Ванчугов), а современники Толстого отмечали, что в своих рассуждениях он руководствуется «морализирующей логикой» (М.С. Щепкин). Называли его и «морализирующим прагматиком». Вполне правомерным выглядит включение имени писателя в узкий круг наиболее выдающихся «великих моралистов» человечества в книге отечественного специалиста в области этики А.А. Гусейнова. Но все-таки за толстовской «моралистикой» желательно видеть и её, так сказать, общефилософские основы и предпосылки, о чем, к сожалению, нередко либо забывают, либо их намеренно «не замечают». «Этика» в толстовском понимании совпадает с религией, «религия» в его трактовке по существу — то же, что «наука», а подлинная наука, как ее понимает писатель, должна заниматься одним вопросом — как следует жить человеку, чтобы быть «настоящим». «Учение Толстого, — отмечал в свое время В.Ф. Асмус в работе о мировоззрении писателя, — не есть религиозная онтология (хотя в нем есть бледные следы идеалистической, весьма путаной онтологии, колеблющейся между крайностями солипсизма

и объективного идеализма), ни теория познания (хотя в нем есть слабо намеченные и беспомощно выраженные элементы, точнее фрагменты идеалистической и скептической теории познания). Учение Толстого не есть собственно даже религия. Это – религия, сведенная почти целиком к этике» (В.Ф. Асмус. *Избранные философские труды, т. 1. М.: 1969, с. 61*).

И ещё одно существенное замечание, касающееся размышлений о философском аспекте наследия Льва Николаевича высказано автором труда, непосредственно посвященного философии Толстого: «...Внимательный читатель заметил вероятно, что аргументация не была сильной стороной Толстого. Он гораздо лучше умел обрисовать определенное положение, чем доказать его».

Каждого, кто знакомится с творчеством и биографией Толстого, не может не поражать то обстоятельство, что, с одной стороны, во всем этом (то бишь, в творчестве и биографии) чрезвычайно ярко и выразительно проявляется национальный характер, глобальная «русскость», своеобразная специфика его жизни и деятельности, с другой стороны, – невероятное многообразие и высокая жизненная энергия в проявлении этих форм, с третьей стороны, не может не поражать обширность, многочисленность его живых контактов как с окружающими людьми, представителями практически всех сословий и классов тогдашнего российского общества, так и (в основном через переписку, но не только, конечно) с представителями всего человечества. Достаточно сказать, что только из США Толстой получил в общей сложности более полутора тысяч писем. И он старался отозваться, откликнуться на каждое обращение к нему. Общее же количество писем, полученных Л.Н. Толстым, превышает 50 тысяч. Сегодня эти сохранившиеся письма к Толстому хранятся в Московском государственном музее писателя, а его ответы на них занимают одну треть (порядка 30 томов) полного собрания сочинений, о котором мы уже упоминали.

Не может не поражать также потрясающая эрудиция Льва Николаевича, его знания о научных, философских, богословских и т. д. трудах как его современников, так и творцов далеких исторических эпох, знание и стремление постоянно развивать и приумножать владение многими иностранными, как живыми, так и мертвыми языками. Не может не поражать, наконец, его кропотливый труд над каждым текстом как при работе над художественными произведениями, так и в любом другом жанре его творчества. Нельзя не удивляться многообразию форм проявления его жизненной

активности, начиная от физкультурно-бытовых увлечений вроде занятий охотой, прогулок и джигитовки лихого всадника-наездника, упражнений с гантелями и гирями, плавания, катания на коньках или велосипеде, увлечений карточными играми, шахматами, музыкальными занятиями, кутерьмой с детишками в Ясной Поляне, до гигантских усилий по оказанию действенной помощи голодающим крестьянам в голодные годы, общением с представителями социального «дна», с «низами», с обездоленными, в частности, во время переписи населения, с поездками то за границу, «по Европам», в том числе и с целью приобретения и последующего применения на практике зарубежного педагогического опыта, то в башкирские степи – как познакомиться с тамошним бытом, так и причаститься кумысом в оздоровительных целях. Пора, однако, нам остановиться, поскольку в этом ключе знакомство с писателем можно продолжать бесконечно. Хотя все это не могло не сказаться как на содержании и характере мировоззрения писателя, так и на способах и формах его проявления.

Что же касается собственно мировоззрения в целом или философских взглядов Льва Николаевича, то они сконцентрированы, как мы уже упоминали, главным образом на этической, религиозно-философской, социально-политической и морально-эстетической проблематике. Но в конечном счёте всюду в качестве первоосновы, о чем мы тоже уже упоминали, именно гипер— или панморализм. «Это уже, – по замечанию В.В. Зеньковского – не «примат» этики (как у Канта), а чистая тирания ее» (В.В. Зеньковский. *История русской философии, т. 1, ч. 2. Ленинград, 1991, с. 201*). Не случайно поэтому в центре внимания специалистов критический анализ толстовской концепции непротivления злу насилieм, начиная с фундаментального труда И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою» как одного из наиболее ярких проявлений «негативистской» методологической традиции, и заканчивая трудом Е.Д. Мелешко «Христианская этика Л.Н. Толстого», воплотившим в себе «позитивистский» или апологетический подход. Трудно не согласиться в этом плане с замечанием А.И. Новикова о том, что «идея Толстого о непротivлении злу насилieм не так примитивна, как её часто высокопарно изображают». Это действительно так, и можно привести в подтверждение ряд высказываний самого Толстого, где он поясняет, что эта идея выражает лишь конечную цель, идеал подлинно человеческого устройства жизни людей, к которому в рамках возможного необходимо сознательно стремиться.

Такой подход близок к тому, что мы назвали подходом объективистским. С другой стороны, наверное, так же трудно безоговорочно согласиться с общей оценкой этой концепции Толстого, данной тем же А.И. Новиковым: «Особой заслугой в развитии русской и мировой философской мысли явилось обоснование и развитие им философии ненасилия» (А.И. Новиков. *История русской философии*. СПб. 1998, с. 173-174). С такой оценкой трудно согласиться, в частности, потому, что Толстой отнюдь не был первооткрывателем идеи непротivления злу насилieм, да и не претендовал на эту роль. Заслуга его в этом плане состояла скорее в настойчивой проповеди, философском и религиозном обосновании, и аргументации, если можно так выразиться, в агитации и пропаганде этой идеи всеми доступными ему средствами. А вот оценка этого вклада остается неоднозначной до наших дней, о чем шли непримиримые споры в течение истекшего «послетолстовского» века и продолжают в наши дни. Споры, к сожалению, не ограничивающиеся сферой общественного сознания, но нередко вторгающиеся и в сферу общественного бытия: в политику, право, религию, мораль, быт и т. д.

Не знаю, прав ли я, но читая толстовские рассуждения о насилии и его описания тогдашних исторических фактов, нельзя удержаться от сопоставления всего этого с положением дел в наше время, в нашем отечестве, да и в мире в целом. Многие идеи и оценки Толстого в этом плане, как мне представляется, не только не устарели, но с каждым днем приобретают все большую актуальность, злободневность и остроту, что требует не забывать о них, воспроизводить, просвечивать сквозь призму современности и хотя бы пытаться сделать необходимые выводы и принять во внимание исторические уроки. Вот, к примеру, несколько мыслей Толстого на эту тему из его знаменитого публицистического вопля «Не могу молчать!»: «...О казнях, повешениях, убийствах, бомбах пишут и говорят теперь, как прежде говорили о погоде. Дети играют в повешение. Почти дети, гимназисты идут с готовностью убить на экспроприации, как прежде шли на охоту. Перебить крупных землевладельцев для того, чтобы завладеть их землями, представляется теперь многим людям самым верным разрешением земельного вопроса». Не правда ли, размышления Льва Николаевича и сегодня интересны для нас? Конечно, мы вряд ли полностью согласимся с его пониманием истоков и причин такого развития событий, такого хода исторического процесса. Ведь сам Толстой довольно однозначно обвиняет во всех фактах и проявлениях социального

насилия господствовавшие в его время государственные власти, суды, церковь, полицию.

Нельзя не заметить при этом, что в своем пафосе «антинасильственничества» писатель, скажем мягко, переоценивал, преувеличивал роль системы права, всей сферы юриспруденции и, в частности, юридического образования, правоведения, философии права и т. п. в создании атмосферы бесчеловечности, в погублении душ граждан, в особенности молодых людей. Так, в «Письме студенту о праве» он, в частности, писал: «Когда какой-нибудь шах персидский, Иоанн Грозный, Чингисхан, Нерон режут, бьют людей тысячами, это ужасно, но все-таки не так ужасно, как то, что делают господа Петражицкие и им подобные. Эти убивают не людей, а все то святое, что есть в них» (напомним читателю в скобках, что Л.И. Петражицкий (1867-1931) — известный русский философ права и социолог, основатель психологической школы права, творчество которого оказало заметное влияние на развитие как отечественной, так и зарубежной философско-правовой и социально-психологической мысли).

«Говорить о воспитательном значении «права» (Толстой не может обойтись в таком контексте своих рассуждений о «праве» без кавычек) вообще нельзя хотя бы уже потому, — продолжает писатель, — что все так называемые «правовые решения» приводятся в исполнение самими безнравственными насильственными средствами, начиная от тюрем и ссылок до каторги и смертных казней». Это развращающее влияние деятельности, основанной на «праве», по Толстому, «особенно резко заметно теперь в России (письмо студенту было написано 27 апреля 1909 года — *В.П.*), но то же самое всегда и везде есть, было и будет, где есть — а оно везде есть — признание законности всякого рода насилий, включающих убийство, основанное на «праве». В этом «ужасном обмане», который называется «правом», и о воспитательном значении которого говорят ОНИ (ясно, кого писатель имеет здесь в виду), Лев Николаевич видит главную причину безнравственности людей нашего христианского мира. «Нет ничего, даже не исключая богословия, — возмущается писатель, — которое так неизбежно развращало бы, не могло не развращать людей».

Конечно, социально-политические идеи и взгляды Толстого были обусловлены прежде всего конкретно-историческими условиями переживаемого им периода в истории России и в мире. Но он, как правило, в своих оценках и выводах стремился к макси-

мальному обобщению, универсализации значения утверждаемых им положений. «Всякое правительство, — пишет он, например, в статье «Об общественном движении в России» (1905 г.), — я считаю ... учреждением для совершения посредством насилия безнаказанно самых ужасных преступлений: убийств, ограблений, спаивания, одурения, развращения, эксплуатации народа богатыми и властвующими, и потому полагаю, что *все усилия людей*, желающих улучшить общественную жизнь, должны быть направлены на освобождение от правительств» (курсив мой — В. П.).

«Вообще благодаря деятельности правительства, допускающего возможность убийства для достижения своих целей, всякое преступление: грабеж, воровство, ложь, мучительства, убийства считаются несчастными людьми, подвергшимися развращению правительства, делами самыми естественными, свойственными человеку. Да, как ни ужасны самые дела, нравственное, духовное, невидимое зло, производимое ими, без сравнения еще ужаснее». И, напрямую обращаясь к правителям России, писатель не боится разоблачать их ложь и демагогию: «...Так и не говорите, что то, что вы делаете, вы делаете для народа: это неправда. Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете, и которое вам кажется благом» (*Л.Н. Толстой, ПСС, т. 37. М.: 1956 г.*). Напомним читателю, что цитируемый здесь памфлет был написан в 1908 году.

Вот и сегодня, говоря словами другого выдающегося классика русской литературы XIX века, «как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома» (да и не только «дома», добавим от себя, а во всем мире, на всем земном нашем шарике). Наблюдая все антропогенные катаклизмы: террор, пиратство, мародерство, вооруженные конфликты, гражданские бунты, войны и восстания, грабежи, изнасилования, педофилию, зверские убийства и т. д., и т. д., так и хочется обратиться ко всем землянам, независимо от их расы и национальности, отношения к религии, пола, политических симпатий и антипатий, ко всем, в первую очередь, пользующимся общественным авторитетом и признанием, чтобы они дружно и единодушно возопили вместе с нашим гениальным эклектиком: «...Обращаюсь ко всем участникам этих страшных дел... Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы».

И еще одно замечание относительно критики толстовской концепции ненасилия, наверное, будет здесь уместным. Дело в том, что критикующие авторы нередко акцентируют внимание, делают логическое ударение именно на слове «непротивление» создавая тем самым впечатление, будто Толстой был противником любого «противления» любому злу. Но ведь в действительности его концепция ненасилия была целиком и полностью направлена именно на борьбу со всяческим злом, на противление ему, но только противление ненасильственными средствами, ибо зло порождает зло, а насилие, как правило, вызывает ответное насилие, не устраняющее, а усиливающее, умножающее зло. Такова логика рассуждений Толстого, и в них, этих рассуждениях, конечно же, есть своя правда. Но, как и всегда, в данном случае, наверное, нужно искать условия, границы, пределы разумности и целесообразности форм противления злу, их эффективности, приемлемости или необходимости.

Как философ Толстой не принадлежит ни к какой традиционной классической школе или направлению, так же, как и сам не является основоположником какого-либо из философских течений, если не считать так называемого «толстовства». Впрочем, последнее заслуживает отдельного особого разговора ввиду внутренней неоднозначности и противоречивости в содержании и истории этого сектантски-богословского учения и движения. Во всяком случае, «толстовство» из наследия Толстого воспринимает, по существу, только его идею ненасилия или непротивления злу насилием, да и то нередко в упрощенно-вульгарном виде. Подобно Марксу, столкнувшемуся в свое время с упрощенным и догматическим толкованием его учения и заявившему по этому поводу: «В таком случае, я — не марксист», Толстой тоже мог бы отказаться причислять себя к «толстовцам», что он, кстати, неоднократно и утверждал... Правда, здесь уместно оговорить особое влияние, оказанное гуманистическими идеями Толстого, скажем, на выдающегося индийского политического деятеля, вождя национально-освободительного движения Махатму Ганди (а через него — на выдающегося борца за равноправие негров в США Мартина Лютера Кинга), а также на другого известнейшего гуманиста двадцатого века — Альберта Швейцера: оба они (Ганди и Швейцер) очень высоко ценили эту сторону наследия Толстого и называли его Учителем Человечества.

Но, возвращаясь к вопросу о принадлежности или непринадлежности философского мировоззрения Льва Николаевича

к той или иной философской традиции и повторяя тезис о том, что он не вписывал свое учение безоговорочно ни в одну из известных философских школ своего времени, следует сказать, что именно в этом плане он и проявил себя как гениальный эклектик, поскольку черпал свои идеи из изучения, усвоения и самостоятельного переосмысления самого широкого круга философских идей и учений, начиная с древнейших текстов и памятников религиозной, мифологической и зарождающейся философской мысли и заканчивая трудами своих современников. И хотя в одном из замечаний, противопоставляя себя философам-материалистам, Толстой причислял себя к «спиритуалистам», таковым он, по крайней мере, в сегодняшнем смысле этого слова, конечно же, не являлся. Правда, и категорически отказать Толстому в наличии спиритуалистических идей в его мировоззрении тоже было бы неверным. Но спиритуализм как философское направление бесконечно многообразен и углубление в эту проблему увело бы нас далеко от Толстого. Хотя можно добавить еще и то обстоятельство, что к словоупотреблению Толстого в этой сфере (и не только в этой, философской) следует относиться с особым вниманием и осторожностью, поскольку он нередко вкладывал свой специфический смысл в различные слова, термины, категории и высказывания. Ну, да это обстоятельство, понятное дело, характерно не только для Толстого.

Гносеологический оптимизм писателя, уповавшего на рациональное мышление, стремившегося разумно обосновать свои идеи, прогнозы и предложения, направленные на «очеловечивание человека и человечества», этот оптимизм самым противоречивым образом сочетался у него как с гносеологическим, так и с социально-гуманитарным пессимизмом. Он резко отрицательно высказывался о пессимизме во всех его аспектах и тем не менее сам нередко становился на позиции откровенного и самого мрачного пессимизма. «Пессимизм, – признавался Толстой, – всегда казался мне не только софизмом, но глупостью, и вдобавок глупостью дурного тона. Мне всегда хочется сказать пессимисту: «Если мир не по тебе, не щеголяй своим неудовольствием, покинь его и не мешай другим» (*Энциклопедия афоризмов XX века. Мн., 1999, с. 525*). Не адресовался ли писатель этим признанием и к самому себе? И не был ли его уход из жизни практическим выполнением процитированного обращения-повеления?

Но пока вернемся к гносеологическому аспекту философских взглядов писателя. «Очень важно знать, – подчеркивал

Толстой, — чего мы не можем знать, чтобы не тратить напрасно сил на попытки познать непознаваемое». Более четкой формулировки исходного принципа агностицизма трудно придумать. По сути дела, здесь воспроизводится кантовское требование из «Критики чистого разума» определить границы возможностей познания мира до его, разума, практического применения. А ведь еще Гегель остроумно выразился об этом требовании в том смысле, что оно подобно желанию научиться плавать, прежде чем бросаться в воду. Признаюсь также, что мне это высказывание Толстого напоминает знаменитый еще со времен античности парадокс лжеца, над разрешением которого мыслители задумывались много веков. Вспоминается при этом и знаменитое изречение Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю», — правда, добавлявшего при этом: — «Но другие не знают и этого». Хотя цитируется это изречение нередко без добавления.

А вот, к примеру, другое философское рассуждение Льва Николаевича, в котором по-своему последовательно и категорично обосновывается, как сказали бы марксисты, идеалистическое решение основного вопроса философии, причем с позиций субъективного идеализма. «Прежде, чем для меня существует материя, — пишет Толстой, — для меня существует мое «я», мое сознание. Материя есть для меня произведение нашего сознания; не будь сознания, воспринимающего данные наших чувств: осязания, зрения, слуха, обоняния, вкуса, не могло бы быть и никакого представления о материальном мире. Так что материальный мир, кажущийся нам столь несомненно существующим, между тем существует только потому, что существует наше сознание, воспринимающее данные чувств. И потому основное начало всего есть сознание, а никак не материя» (*ПСС, т. 79, с. 72-73*).

Как говорится, комментарии излишни. Епископ Беркли сказал бы «спасибо» Толстому за это его рассуждение. Осталось только выяснить, чье это сознание: «мое», «наше» или чье-то еще? И для кого оно существует: для «меня», для «нас» или для кого-то еще?

При изучении творческого наследия великого писателя трудность и беда заключаются еще и в том, что ему часто просто нельзя верить на слово. Хотя и называли Льва Николаевича нередко (и не без оснований) «самым правдивым писателем всех времен и народов», довольно часто он высказывал мысли как минимум заведомо сомнительные, а то и откровенно ложные,

предоставляя адресату право и возможность «рационально» переистолковать эти мысли, понять их «правильно», то бишь так, как задумывал автор. Примеров, подтверждающих сказанное, можно приводить бесчисленное множество. В каждом из подобных случаев возможны разнотолки, попытки «правильно» понять сказанное, вычленив в нем рациональное зерно, оригинально выраженную истину.

Вот, скажем, в одном из главных своих философских сочинений, в трактате «О жизни» среди множества других не поддающихся рациональному толкованию положений, Толстой высказывает и такое: «Нам кажется, что человек умирает, когда это ему не нужно, а этого не может быть. Умирает человек только тогда, когда это необходимо для его блага, точно так же, как растет, мужает человек только тогда, когда ему это нужно для его блага». Мне представляется, что как при жизни писателя, так и за истекшее после его смерти столетие история предоставила более чем достаточно фактов, опровергающих подобные идеи. Правда, глубоко верующих христиан исторические факты не убеждают, поскольку (по их справедливому замечанию) любые факты могут быть по-разному истолкованы. Я и сегодня встречал людей, рассуждающих в подобных случаях подобным образом: «Богу виднее. Мы не можем знать всего существа происходящих событий». Тут, конечно, спорить трудно... Но и согласиться с тем, что каждый человек умирает только тогда, «когда это необходимо для его блага», я никак не могу..

А вот другой пример на эту тему. В упоминавшемся уже знаменитом «Письме студенту о праве» Лев Николаевич, в частности, заявляет: «Учения у меня никакого нет и не было. Я ничего не знаю такого, чего не знали бы все люди». Два коротеньких предложения.

Ну что ж, давайте попытаемся согласиться с первым из них, сославшись на то обстоятельство, что под словом «учение» можно понимать разные вещи, вкладывать в это слово такой смысл, который действительно никак не согласуется с многогранным творчеством писателя (хотя рассуждений и солидных трудов об «учении» («учениях»!) и даже о «философской системе» Толстого наберется целая библиотека).

А как прикажете понимать второе предложение? Уважаемый читатель, попытайся дать его правильное, «рациональное» истолкование. Все ли люди во времена Толстого (да и сегодня) знают все то, что знал он?

И непосредственно вслед за этими предложениями писателя следует его рассуждение, которое я предлагаю оценить прежде всего всем юристам, да и просто всем, кто пожелает это понять, рационально осмыслить и разъяснить непонимающему: «Зная, — продолжает Лев Николаевич, — со всеми людьми, с огромным большинством людей всего мира то, что все люди свободные разумные существа, в душу которых вложен один высший, очень простой, ясный и доступный всем закон, не имеющий ничего общего с предписаниями людей, называемыми правами и законами». Вот так!

Получается, что все права и законы — продукты «злокозней» богословов и правоведов, препятствующих пониманию и реализации высшего божественного закона всеобщей любви. И закон этот божественный, по сути дела, не что иное, как так называемое «золотое правило морали», имеющее не многовековую, а многотысячелетнюю историю. «Высший закон этот, — завершает свое рассуждение Толстой, — самый простой и доступный всякому человеку, состоит в том, чтобы любить ближнего как самого себя и потому не делать другому того, чего не желаешь себе. Закон этот так близок сердцу человеческому, так разумен, исполнение его так несомненно устанавливает благо как отдельного лица, так и всего человечества и так одинаково был провозглашен закон этот всеми мудрецами мира, от ведантистов Индии, Будды, Христа, Конфуция до Руссо, Канта и позднейших мыслителей, что если бы не те коварные и зловредные усилия, которые делали и делают богословы и правоведы для того, чтобы скрыть этот закон от людей, закон этот давно был бы усвоен большинством людей, и нравственность людей нашего времени не стояла бы на такой низкой степени, на которой она стоит теперь».

Думаю, что если бы ознакомить с этим письмом Толстого к студенту сегодняшних российских абитуриентов юридических вузов, то по крайней мере некоторые из них призадумались бы над своим выбором.

Что же касается как философско-правовых взглядов, так и практического опыта Толстого в сфере юриспруденции, правоведения и законодательства, то это отдельный, большой и весьма непростой вопрос, достойный стать сегодня объектом пристального внимания и активного обсуждения. Здесь же напомним читателю лишь некоторые факты из биографии писателя, свидетельствующие о том, что с вопросами юриспруденции, правоведения и юриди-

ческой практики ему приходилось сталкиваться многократно не только в его литературных произведениях, публицистических, социально-политических, религиозно-философских выступлениях, но и непосредственно в его личной жизни. Так, в том же письме студенту о праве Лев Николаевич рассказывает, что с юных лет мечтал посвятить свою жизнь деятельности в сфере права, для чего и перевелся уже на первом курсе Казанского университета с факультета восточных языков на юридический факультет. А расставшись уже на втором курсе с этим факультетом он предпринимал усилия для получения документа о юридическом образовании, пытаясь пройти соответствующие процедуры в столичном Санкт-Петербургском университете. Но и эта его попытка на завершилась успехом. Юристом Толстой не стал. В последующем, путешествуя по Европе, Лев Николаевич в 1857 г. посещал в Сорбонне и в College de France лекции, в том числе и по правоведению. А еще несколько ранее, в 1856 г. он предпринимал усилия по написанию работы «О военных наказаниях», в которой, в частности, пытался провести разграничение понятий «гражданского общества» и «военного общества», положительно характеризуя первое и считая ненормальным второе.

Как мы знаем, практическое участие Толстого в юридической деятельности имело место и в связи с назначением его в 1861 г. на должность мирового посредника, которая была введена сразу же после отмены крепостного права и имела целью содействовать разрешению спорных дел, возникающих между помещиками и крестьянами. Толстой недолго функционировал в этой должности, поскольку во всех возникающих спорах он неизменно занимал сторону крестьян, чем вызвал негодование своих собратьев (ведь сам-то он принадлежал отнюдь не к крестьянству). Систематические угрозы в его адрес, доносы и проклятия вынудили писателя уже в следующем году отказаться от должности.

Ещё один факт общения писателя с царской юриспруденцией начался с лета 1862 г., когда в отсутствие хозяина в имении графа в Ясной Поляне жандармы в течении двух дней проводили в самой грубой форме повальный обыск с целью отыскания компрометирующих его материалов. С этого времени Третьим отделением был установлен негласный надзор за писателем, продолжавшийся практически до последних дней его жизни.

А в 1864 г. Толстой попытался выступить в суде в качестве защитника ротного писаря Шибунина, ударившего по лицу офи-

цера Яцевича. Последний систематически морально и физически издевался над солдатиком. Несмотря на все усилия Льва Николаевича, Шибунин был приговорен к смертной казни и казнен.

Список «контактов» Толстого с юриспруденцией можно, конечно, продолжать, но, думается, приведенных здесь фактов достаточно, чтобы удостовериться в том, что вопросы права как в их теоретическом, так и в практическом плане занимали в жизни и творчестве писателя весьма заметное место.

В своем дневнике в феврале 1902 г. Лев Николаевич размышляет о знаменитом древнем изречении «*De mortuis aut bene aut nihil*»: «Какое языческое, ложное правило! О живых говори добро или ничего. От скольких страданий это избавило бы людей, и как это легко. О мёртвых же почему не говорить и худого? В нашем мире, напротив, установилось правило с некрологами и юбилеями говорить одни страшно преувеличенные похвалы, следовательно, только ложь. И это наносит людям ужасный вред, сглаживая и делая безразличным понятие добра и зла».

Предложенный писателем парафраз латинского изречения, честно говоря, не может вызвать у меня полного согласия уже хотя бы потому, что, как нетрудно обнаружить, сам автор отнюдь не всегда придерживался такого правила — говорить о живых только добро. Думается, более уместен другой известный парафраз этого изречения: «О мертвых, как и о живых — только правду». Именно таким правилом, как мне представляется, и руководствовался великий писатель практически всю свою жизнь. Таким правилом пытаемся руководствоваться и мы, хотя догадываемся, что и понятие правды поддается различному толкованию. Ну что же, для того и обмениваются люди мыслями, чтобы поделиться своими знаниями с другими и скорректировать свои представления, если окажется, что они, эти представления, нуждаются в корректировке.

Значительное количество разнящихся оценок и характеристик мировоззрения Толстого в целом и, в частности, его общефилософских и в особенности этических взглядов мы обозначили. Но тема эта космически необъятна, сложна, внутренне противоречива и нетрудно предвидеть, что как в ближайшем, так и в отдаленном будущем дискуссии продолжатся... Мы же в заключение просто кратко перечислим некоторые характеристики Толстого как мыслителя и философа, содержащиеся в многочисленных трудах как отечественных, так и зарубежных авторов. При этом заметим:

в этих трудах названные характеристики, как правило, детально и нередко вполне убедительно обосновываются и подтверждаются материалами из девяносто-, ста двадцатитомного наследия писателя, свидетельствами современников и специалистов, фактами из его биографии, мемуарами близких и родных и т. д. И столь же убедительно и доказательно эти характеристики опровергаются и критикуются другими не менее авторитетными авторами, придерживающимися иных взглядов и оценок. Не беда, если в чем-то мы повторимся. Важно заметить, что, как мне представляется, над каждым из последующих оценочных слов-терминов есть смысл еще раз подумать, попытаться правильно понять его и либо принять на вооружение, либо аргументированно отвергнуть.

Итак, Лев Николаевич Толстой – выдающийся русский писатель, социальный мыслитель, исторический детерминист, исторический нигилист, оптимист и одновременно пессимист, квиетист, теллурический человек, устремленный к чисто духовной религии, представитель эстетического пантеизма и земледельческой эстетики, прагматик в отношении к науке, искусству и религии, спиритуалист-идеалист, типичный монист, пантеист, консервативный анархист, имперсоналист, радикальный субъективист, агностик, глубочайший мистик, создатель системы мистического имманентизма, рационалист – иррационалист, великий язычник: его философия – народническая, славянофильская, крестьянская; сектантский ум; чистокровный метафизик или метафизик чистой воды, необуддист в протестантской оболочке, религиозно-христианский мыслитель, религиозный материалист, атеист в псевдорелигиозной упаковке, гениальный эклектик. Повторяю: каждое из приведенных здесь слов-терминов-характеристик авторами, как правило, основательно подтверждается и доказывается. Так что действительно есть над чем поразмышлять... Причем, следует помнить, что нами приведены, конечно же, далеко не все характеристики и оценки мировоззренческих, философских, богословских, социально политических и проч. установок писателя. Например, полностью оставлены в стороне многочисленные проклятия и гневные ярлыки-обличения, провозглашавшиеся наиболее активно православными богословами и священниками, в особенности со времени так называемого «отлучения» еретика Синодом в 1901 г.

Можно, конечно, сказать, что сегодня Толстой не нуждается ни в нашем восхвалении и защите, ни – тем более – в обви-

нениях и проклятиях. Время делает свое дело. Однако, как мне представляется, все без исключения сколько-нибудь значимые в его эпоху проблемы, ставившиеся и обсуждавшиеся им и его современниками, как оказывается при ближайшем рассмотрении, отнюдь не утратили своей актуальности и в наши дни, а многие из них неимоверно обострились, поставив человечество на грань как духовного, так и физического выживания. И сколько бы ни появилось новых, невиданных ранее условий, факторов и обстоятельств в жизни человечества, учет исторического опыта и попыток его осмысления такими мыслителями, как Лев Николаевич Толстой, могут оказаться полезными и поучительными. Говорят, что человек учится на ошибках. Остряки при этом добавляют, что предпочтительно учиться не на своих, а на чужих ошибках. Мы же здесь согласимся с теми, кто утверждает, что ошибки гениев могут быть особенно поучительны. Только бы разобраться нам, где действительно «ошибки» гениев, а где до сих пор непонятые нами их предвидения, предостережения и прозрения. Именно на эту мысль наводит нас замечание А.А. Гусейнова о том, что «величие Толстого как писателя признают все, а до осознания его величия как философа и моралиста человечеству еще надо дорасти» (А.А. Гусейнов. *Разумная вера Л.Н. Толстого. // Сравнительная философия. Знание и вера в контексте диалога культур. М.: «Восточная литература». РАН, 2008).*

Что ж, будем надеяться. Как говорится, надежда умирает последней.

А. ШВЕЙЦЕР – ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ ИНДИВИДУАЛИСТ, или ЖИЗНЬ КАК АРГУМЕНТ

Имя Альберта Луи Филиппа Швейцера сегодня не на слуху. Миропотрясающие события конца XX-начала XXI века – распад Советского Союза, коренные изменения на политической карте Европы, многочисленные вооруженные конфликты и войны, всевозрастающие масштабы национальных и международного терроризмов, глобальные природные катастрофы вроде цунами в Юго-Восточной Азии или в США, всеобщее оглупление и зомбирование населения нашей страны (да и только ли нашей?) баксолюбивыми СМИ в авангарде с телевидением, всевозрастающая социальная поляризация, углубление пропасти между массовой бедностью и нищетой, с одной стороны, и разжиревшей, взбесившейся от вседозволенности олигархической «элитой»... Перечислять факты, приводить статистику, подтверждающую высказанное, сегодня можно бесконечно. Однако после всей этой «бесконечности» читатель может озадаченно спросить: «Ну да, все так. А при чем тут Швейцер?»

Конечно же, не при чем. Просто реалии нашего времени создают такой фон, такую социальную ауру, в которой, казалось бы, и незачем вспоминать каких-то там чудаков XX века. По зрелому же размышлению, как мне представляется, именно на этом фоне, в таком контексте, обращение к столь яркой фигуре как Швейцер более чем своевременно и актуально. Те, кто о Швейцере знают и помнят, думаю, со мной согласятся. Те же, кто пока не слышал о нем или имеет на сей счет весьма смутные представления, хотелось бы надеяться, пожелают узнать об этом человеке как можно больше после прочтения предлагаемого материала, который рассматриваю как информацию к размышлению.

Внешним поводом к написанию этой работы послужило то обстоятельство, что в текущем 2005 году исполняются как минимум две юбилейные даты, связанные со Швейцером: 130 лет со дня

рождения (14.01.1875) и 40 лет со дня смерти (04.09.1965). Более же основательной причиной является убежденность автора в том, что знание его биографии, трудов и идей – необходимый атрибут мировоззрения каждого современного образованного человека, независимо от личных политических, религиозных или атеистических, нравственных, эстетических и т. п. установок, симпатий и антипатий. Относиться к Швейцеру, оценивать его как историческое событие XX века можно по-разному. Но знать о нем, и в этом, повторяю, я глубоко убежден, должен каждый мыслящий человек наших таких непростых дней. Признаюсь также и в существовании узкопрагматического момента среди побудивших меня стимулов. Дело в том, что имя Швейцера нередко упоминается в учебной литературе по многим вузовским гуманитарным дисциплинам, однако чаще всего это делается как бы вскользь, походя, не останавливаясь на особенностях не только взглядов, идей этого мыслителя, но и на своеобразии его как личности, изгибах его жизненного пути, уникальности его биографии. Между тем, первое (взгляды, идеи) нельзя правильно понять и сколько-нибудь вразумительно истолковать без учета второго (биографии). То и другое здесь органически взаимосвязано, так что подчас трудно определить, что же из них первичное и определяющее, а что производно, что из чего проистекает. Поэтому хотя бы и конспективное изложение материалов швейцерианы может способствовать более конкретной и обстоятельной ориентации студента в проблематике философии и культурологии, этики и эстетики, философии права и политологии, истории философии и религиоведения. И, может быть, главная «прибыль» от такого знакомства будет заключаться не столько в простом приращении эрудиции, расширении мировоззренческого кругозора молодого человека, сколько в побуждении его к самостоятельному обдумыванию важнейших смысложизненных проблем, к мучительным поискам индивидуального, собственного, личного решения «вечных» вопросов, рано или поздно, но неизбежно встающих перед каждым действительно мыслящим существом.

Итак, основные вехи жизненного пути А. Швейцера.

14 января 1875 года в семье благочестивого и бедного протестантского пастора Луи Швейцера из города Кайзерсберг (Верхний Эльзас) родился второй ребенок, (всего в семье будет пятеро детей, два мальчика и три девочки), названный в честь своего дяди, сводного брата матери, также служившего пастором церкви св. Николая в Страсбурге и умершего мучительной смертью во

время франко-прусской войны 1870-1871 гг. Мать его, урожденная Адель Шиллингер, была дочерью пастора из городка Мюльбаха, пользовавшегося большим авторитетом у местного населения и, в частности, бывшего великолепным мастером игры на органе. Альберту не довелось видеть деда, но он много слышал о нем от матери и уже в зрелом возрасте осознавал и высоко оценивал свою кровно родственную связь с ним (здесь уместно упомянуть, что именно от матери и от деда достался ему, кроме всего прочего, страстный и вспыльчивый нрав, с проявлениями которого он боролся всю жизнь).

Среди предков Швейцера было много священнослужителей, учителей и мастеров игры на органе. А его отец, не будучи большим знатоком музыки, любил импровизировать на стареньком пианино, доставшемся в наследство от тестя. Он начал учить Альберта играть на пианино не по нотам, а на слуху, едва сынишке исполнилось пять лет. Когда же тот пошел в школу, музыкальные занятия были одним из немногих предметов, по которым он превосходил своих сверстников.

Уже в год рождения Альберта семья переехала в деревушку Гюнсбах, где отец получил приход. Хилый от рождения мальчик окреп на свежем деревенском воздухе, с удовольствием и, как правило, в одиночестве путешествуя ежедневно по долинам и по взгорьям Вогезов в свою «реальшуде» в Мюнстере, в трех с лишним километрах от Гюнсбаха, куда его определили в девятилетнем возрасте после окончания трехгодичного курса в начальной школе в родной деревне. С ранних лет пристрастие и любовь к музыке (а он импровизировал на органе в гюнсбахской церкви, еще не доставая ногами до педалей) сочетается с любовью к природе, к пейзажам и обитателям Мюнстерской долины. Уже в зрелом возрасте Швейцер написал «Воспоминания о детстве и юности», которые во многом помогают нам понять непростые решения и поступки на его жизненном пути, особенности его мышления и действий. Из множества знаковых эпизодов его детских впечатлений приведем для иллюстрации несколько конкретных примеров.

Так, он рассказывает, что с ранних лет «был удручен количеством бед, которые видел вокруг себя», и особенно сочувствовал страданиям животных. Поэтому когда мать, помолившись вместе с ним и поцеловав его на ночь, уходила, он добавлял к общей молитве еще одну, собственную: «Отец небесный, спаси и помилуй всех, которые дышат, охрани их от зла, и пусть спят в мире».

Он дважды ходил удить рыбу — и не смог. Не смог видеть, как извивается червяк на крючке, как ловит воздух рыба, задыхаясь на берегу. На восьмом году жизни, поддавшись на приглашение чуть старшего соседского мальчишки, он согласился на весеннюю вылазку на гору Ребберг с целью пострелять птичек из рогатки. В самый ответственный момент, когда должен был произойти первый «залп», зазвонили колокола в долине, и Альберт понял, что ему нужно делать. Он спугнул птиц и убежал прочь.

Размышляя по поводу произошедшего, он понял, что страх перед мнением товарища чуть не толкнул его на бессмысленную жестокость. «С тех пор, — вспоминал Швейцер, — я набрался смелости не бояться людского мнения, и если речь шла о моем внутреннем убеждении, я меньше, чем раньше, обращал внимание на то, что подумают другие...

...Это первое впечатление, которое произвела на меня заповедь, запрещающая убивать и мучить другие существа, было одним из величайших переживаний моего детства и юности...»

Другой эпизод из детства Швейцера, поведенный им самим, связан с Мойшей — евреем из соседней деревни, который вел мелочную торговлю и иногда проезжал через Гонсбах на своей тележке, запряженной ослом. Детвора потешалась и издевалась над ним. Стремясь показаться взрослым, пацан Швейцер однажды присоединился к мальчишеской ватаге. «Так мы преследовали его через всю деревню до моста, — рассказывает наш герой. — А Мойша со своими веснушками и сивой бородой продолжал свой путь так же невозмутимо, как и его осёл. Только иногда он оборачивался и улыбался нам смущенно и доброжелательно. Эта улыбка покорила меня. *От Мойши я впервые узнал, что значит молча сносить преследования. Он стал моим великим воспитателем.* С тех пор я приветствовал его с особой почтительностью... Для меня он, с его чуть виноватой улыбкой, навсегда остался Мойшей, еще и сегодня призывающим меня к терпению там, где я мог бы вспылить и разбушеваться» (курсив мой — В. П.). Как мы увидим дальше, этот нравственный урок очень пригодился Швейцеру в его последующей столь нестандартной жизни и деятельности.

С 10 до 18 лет Альберт учится в гимназии города Мюльхаузена, проживая у дяди и тети, в доме которых царил строгий распорядок. Будучи педагогами, тетя Софи и дядя Луи учили племянника бережливости, благовоспитанности, порядку, благочестию и трудолюбию. Все было расписано по часам: гимназия, музыка, уроки...

И хотя поначалу мальчик не блистал в учебе, что весьма огорчало его родителей, тем не менее, постепенно, под влиянием многих благоприятных факторов, как то — терпеливости и настойчивости его дяди и тети, педагогических талантов некоторых из его учителей в гимназии, общению с одноклассниками и их родителями, а также благодаря личным качествам взрослеющего и остро воспринимающего все происходившее вокруг него гимназиста — ситуация с учебой выправилась. На всю жизнь Швейцер сохранил чувство высокой благодарности к этим многочисленным добрым людям, столь благотворно повлиявшим на становление его человеческих качеств. «...Я твердо убежден, — писал он позже, — что в смысле духовном все мы живы тем, что другие дали нам в решительные часы жизни. Многими чертами характера, которые уже стали нашими собственными: нежностью, добротой, скромностью, готовностью прощать, правдивостью, верностью или самоотречением, — мы обязаны людям, которые продемонстрировали нам в действии эти добродетели, порою в великом, а порою в малом. Мысль, которая стала делом, запала в нас, как искорка, и разожгла новое пламя».

Одним из учителей его юности, к которым Швейцер испытывал особую благодарность, был органист церкви св. Стефана, учитель музыки Мюнх. Он умер в расцвете лет, когда Швейцер уже учился в университете, и в том же году вышла первая из печатных работ Альберта, — брошюра, посвященная его учителю. В гимназические годы, помимо увлечения музыкой Баха и Вагнера, посещения концертов музыкантов-виртуозов, Альберт с большим интересом изучал историю, полную, как он считал, необъяснимых загадок, под определенно критическим углом зрения осваивал материал физики и химии, уже тогда полагая (и справедливо!), что учебники отстают от новейших достижений науки.

В подростковом возрасте Альберт пережил период, когда у него стал портиться характер. Будучи с детства сдержанным и спокойным, мальчишка вдруг сделался заядлым спорщиком, во всякой беседе стараясь заострить проблему, докопаться до истины, доказать свою правоту. Эти «дурацкие», по мнению некоторых его родственников, споры, нередко портившие атмосферу мирной семейной застольной беседы, вовсе не были, как позже оценивал сам Швейцер, каким-то временным наваждением, они были рождены «страстной потребностью мыслить и отыскивать с помощью собеседника истинное и полезное». И хотя он со временем забросил «несчастную привычку» спорить, до конца своих дней

он оставался убежденным, что «на место расхожих мнений, недомыслия и предрассудков» должны прийти «выношенные мысли», как условие прогресса человечества.

По окончании гимназии 18-летний Швейцер поступает в Страсбургский университет. Увлеченно занимается философией и теологией, не прекращая, однако, не менее напряженных музыкальных штудий. В студенческие же годы он добровольно поступает и параллельно проходит годичную военную службу, умудряясь благодаря доброте начальству посещать лекции неокантианца В. Виндельбанда по философии, когда подразделение базировалось в Страсбурге, и использует каждую свободную минуту за счет сна и перекуров для чтения Нового Завета на древнегреческом языке, который он прихватил с собой, когда его подразделение отправилось на маневры в Нижний Эльзас. Уже в это время достаточно четко обозначились его явно недогматические подходы к священным текстам христианства, стремление осмыслить их рационально и самостоятельно, что нередко вызывало нарекания со стороны ортодоксальных богословов.

В философии его привлекает античность, в частности, Платон, и, в особенности, греческие и римские стоики, стремившиеся удовлетворить человеческую потребность во внутренней, устойчивой философии жизни. Из мыслителей Нового времени он симпатизирует Канту, особенно преклоняется перед Гёте, не только как выдающимся натурфилософом, но и поэтом, естествоиспытателем, человеком.

В 21 год, размышляя о своей жизни, о перспективах и задачах на будущее, Швейцер принимает принципиальной важности решение. Вот как он сам позже рассказывал об этом: «Всякий, кто избавлен сам от боли, должен ощущать себя обязанным помочь утолению чужой боли. Все мы должны нести свою долю горя, выпавшего нашему миру.

В тот год, будучи еще студентом, решил я до 30-летнего возраста посвящать свою жизнь службе проповедника, науке и музыке. И если к тому времени достигну я того, чего хотел, в науке и в музыке, то встану на путь непосредственного служения своим ближним как человек человеку. Каким будет этот путь, покажут обстоятельства жизни в эти последующие годы».

Конечно, рассуждая здраво, можно сказать: что только не приходит в голову молодому человеку! И не стоит всякую его мысль воспринимать слишком серьезно, ибо меняются обстоятельства,

меняется с возрастом сам человек, юношеские идеалы меркнут и отступают перед суровой обыденностью. Однако эти здравые рассуждения не для нашего героя, главным условием зрелости человека всегда считавшего сохранение юношеского энтузиазма, верность высоким идеалам.

Чего же достигает Швейцер к означенному им самим сроку — 30-летнему возрасту?

В области философии. Пополняя свои философские знания, полученные в Страсбургском вузе, слушанием лекций в Париже (Сорбонна) и Берлине (университет), он по совету другого своего философского наставника Л. Циглера пишет и защищает диссертацию о философии религии Канта и в 24 года получает степень доктора философии. В конце того же 1899 года выпускает в свет объемную книгу по теме диссертации. В следующем, 1900 году, публикует статью об упадке философии и современной культуры. Он отказывается от заманчивого предложения стать приват-доцентом философского факультета родного университета, ввиду невозможности совмещения этой должности с деятельностью практикующего проповедника в церкви.

В богословии (теологии) и священнослужении. В 1900 г. защищает диссертацию по теологии. Подсчитано, что общий объем трудов, написанных Швейцером до 30-летнего возраста, достигает 2000 страниц. И основную часть их составляли теологические исследования, посвященные, в частности, изучению истории жизни И. Христа и апостолу Павлу.

Работает помощником пастора в церкви св. Николая, уделяя, в частности, много внимания чтению детских воскресных проповедей и занимаясь подготовкой детей к конфирмации. Некоторое время возглавляет богословскую семинарию св. Фомы в Страсбурге, консультируя и опекая молодых богословов. Вскоре становится приват-доцентом теологического факультета Страсбургского университета и с 1902 г. начинает читать лекции по теологии студентам. В 1903 году церковное начальство назначает его директором фонда св. Фомы, обеспечивая солидным окладом и комфортной квартирой.

Музыкальные занятия Швейцера в этот период его жизни чрезвычайно интенсивны. Еще до поступления в университет он познакомился в Париже со своим земляком, великим мастером органной музыки и композитором Ш.М. Видором, стал его привлекательным и любимым учеником, а затем и верным партнером на

поприще как музыкальной практики, так и теории. Параллельно он брал фортепьянные уроки у будущего преподавателя Парижской консерватории меcье Филиппа. Но и этого ему было мало. Втайне от своих музыкальных учителей он добровольно стал «подопытным кроликом» своей землячки, некогда знаменитой пианистки, ученицы и приятельницы великого Листа — М.Я. Траутман. Давая ему уроки, она проверяла свои новации в области теории музыкального искусства.

У каждого из своих музыкальных наставников, как полагал сам ученик, он почерпнул много ценного и полезного, воплотил плоды их уроков в свою богатейшую музыкальную практику и оставался признательным и благодарным им до конца своих дней.

Несколько лет упорнейшего труда, используя выходные, каникулы, сокращая сон до 3-4 часов в сутки, Швейцер посвятил работе над капитальным исследованием о Бахе, которое до наших дней специалисты оценивают как классическое. Причем, эта книга была написана по-французски (издание вышло в 1905 году), между тем как своим родным языком он считал немецкий, справедливо оценивая доставшийся ему по рождению эльзасский диалект как вариант немецкого языка. Предисловие к книге написал Видор. Стоит добавить, что перевод этой работы Швейцера с французского на русский был издан у нас в 1934 г. и содержал 271 страницу (это был первый перевод трудов Швейцера на русский язык), а в 1964 г. у нас выходит перевод с немецкого издания объемом в 728 страниц. Это свидетельствует о том, что, работая над переводом своей книги на родной язык, Швейцер, по существу, создал новый, более капитальный труд. А ведь все начиналось с намерения написать статью в пояснение студентам Парижской консерватории.

Оказавшись на гребне волны возрождения интереса к творчеству Баха, имевшему место в то время в Европе, Швейцер внес в него исключительно весомый вклад. В Париже он вместе с Видором был в числе создателей баховского общества. В Страсбурге руководил баховским хором в церкви св. Вильгельма. На знаменитых органах Страсбурга, Парижа, Берлина, а в последующем и многих других столиц и музыкальных центров Европы он с большим успехом исполнял творения Баха. Поэтому в его книге о Бахе нашли отражение не просто биография и музыковедческий анализ творчества гениального композитора, но и философские, этические, эстетические идеи самого Швейцера.

Эксплуатируя многие лучшие органы своего времени, Швейцер не ограничивается собственно исполнительской деятельностью. Он тщательно изучает их устройство, особенности, функционирование, звучания. Осенью 1905 г. завершает и в 1906 г. публикует своеобразный «побочный продукт» книги о Бахе — исследование об органостроении «Немецкое и французское искусство органостроения и органное искусство». Не случайно в 1909 г. на Конгрессе международного музыкального общества в Вене именно ему поручают разработать Международные правила строительства органов, что и было им исполнено.

Итак, к 30 годам упорным и неустанным систематическим трудом Швейцер добился очень многого. Его окружают любящие близкие, друзья, у него есть любимая девушка, его любят студенты и семинаристы, прихожане, он приобретает авторитет в кругах интеллектуалов-философов, теологов-богословов, большой популярностью пользуется как талантливый органист, как автор многих трудов по философии, теологии, музыковедению.

Ко всему этому необходимо добавить, что он неоднократно предпринимает попытки непосредственного личного участия в оказании практической помощи нуждающимся и страждущим. Так, будучи священником церкви св. Фомы, он устроил приют для бродяг и бывших преступников, вышедших из тюрьмы. Вызвался помогать в сборе средств. Для него это был тяжкий труд, т. к. он никогда не просил для себя, а теперь оказался вынужденным просить для других.

Он предлагает свои услуги официальному бюро, занимавшемуся просвещением сирот и детей неимущих. Был готов оказывать этой организации любую помощь, предоставляя в ее распоряжение свою голову, свои руки и вдобавок просторное помещение Коллегиума, которое было в его ведении.

Однако за его предложения никто не ухватился, поскольку устав бюро не предусматривал такого добровольного сотрудничества. Еще одна подобная попытка также закончилась ничем. Когда сгорел сиротский приют в Страсбурге, Швейцер предложил разместить часть детей в Коллегиуме. Его предложение было встречено холодно: зачем? все будет сделано в ведомственном порядке. А как, когда — это не важно. Важно, чтобы все было сделано с выполнением ведомственных требований.

Так непосредственный жизненный опыт Швейцера подводил его к выводу, что в условиях современной цивилизации, страдаю-

шей чрезмерной централизацией, всякое благое начинание гибнет в пучине бюрократизма, бездушия, лицемерия и злоупотреблений. Это укрепляло в нем психологию, как он сам выражался, «человека индивидуальных действий».

Однако приближалось время реализации принятого в студенческие годы судьбоносного решения. Трудно судить обо всех обстоятельствах жизни, повлиявших на окончательный выбор Швейцера. Во всяком случае, известно, что как-то осенью 1904 г. ему на глаза почти случайно попала статья из журнала Парижского миссионерского общества о нуждах миссии в экваториальной Африке. В статье содержался призыв оказать помощь людьми отделению общества в северной провинции Конго, в Габоне. Особенно остро не хватало врача. И Швейцер решает посвятить свою дальнейшую жизнь практическому служению наиболее нуждающимся и обездоленным — стать врачом в диких джунглях Африки.

Даже с учетом того малого, что мы успели сообщить читателю о Швейцере, можно понять неординарность этого его решения. Не случайно он долгое время держал его втайне, не решаясь заявить о нем публично.

И вот 30-летний доктор философии, лицензиат теологии, глава духовной семинарии, настоятель храма, директор фонда, пользующийся общеевропейской известностью музыкант-органист, специалист по органостроению и автор многочисленных философских, богословских, музыковедческих трудов становится студентом медицинского факультета Страсбургского университета. По существовавшему положению профессоров не полагалось принимать в студенты. Но для Швейцера, ввиду его авторитета, сделали исключение, хотя по окончании учебы выдали не диплом, а лишь удостоверение, бумагу, удостоверяющую, что он прошел курс обучения. Но это произойдет через многие годы, которые Швейцер потратил на самое дотошное и добросовестное изучение огромного комплекса принципиально новых для него дисциплин и прохождения, предусмотренное программой обучения, годичного курса медицинской практики.

А публично о своем решении Швейцер сообщил лишь осенью 1905 года. Стоит ли говорить, что известие было встречено «заинтересованными лицами», мягко говоря, неоднозначно. Друзья и родственники всячески пытались его отговорить, приводя самые убедительные, на их взгляд, доводы и аргументы. Так, любивший Швейцера как сына его музыкальный учитель Видор сравнил своего

ученика с полководцем, который, схватив винтовку, выбегает на поле боя. Некоторые воспринимали его «выходку» как признак помешательства, другие — как проявление своеобразной гордыни и показного упрямства. Ему понадобилось много душевных сил, чтобы остаться верным выбору, который подсказывала ему собственная совесть. И, может быть, здесь стоит упомянуть еще и о том, что как к такому выбору, так и к твердости в его отстаивании и реализации Швейцера в значительной степени подвигло преклонение перед Л.Н. Толстым, его гуманистическими идеями, с которыми он познакомился в юности и помнил и высоко оценивал в течение всей своей жизни, называя русского писателя «воспитателем человечества».

Итак, Швейцер вновь на студенческой скамье с зимнего семестра 1905/1906 учебного года и до госэкзаменов 1911-го и медицинской практики в следующем 1912 году.

Будучи по складу ума и характера, по всей своей предшествующей деятельности гуманитарием, студент-медик погружается в изучение естественных и медицинских наук. Он изучает физику, химию, ботанику, зоологию, физиологию, анатомию. В последующем — хирургию, гинекологию, психиатрию, бактериологию, патологическую анатомию, фармакологию. И делает все это с необыкновенным упорством, прилежанием и интересом. Поразительно при этом, что он отнюдь не забрасывает все свои прежние занятия.

Именно в эти годы он переводит (а по существу пишет заново) свою книгу о Бахе, потолстевшую, как мы уже упоминали, с 455 во французском до 844 страниц в немецком варианте, вышедшую в свет в 1908 г. Все годы до отъезда в Африку Швейцер работает над подготовкой второго издания своего теологического труда «От Реймаруса до Вреде...» об исследованиях жизни Иисуса, опубликованного впервые в 1906 г. В 1911 г. выходит в свет его книга об апостоле Павле.

Швейцер активно продолжает свою концертную деятельность как органист, много времени, трудов и сил посвящает спасению и реставрации старых органов.

В том же 1911 г. он совместно с Видором начинает работу над изданием трудов Баха с рекомендациями для органистов. До отъезда Швейцера они закончили пять томов сочинений и договорились, что следующие три тома Швейцер вчерне подготовит в Африке, что и было им сделано. Только весной 1912 г. он уходит

в отставку со своих постов и в церкви св. Николая, и в университете. Еще в сентябре зарабатывает концертной деятельностью деньги для оплаты государственных экзаменов, закончившихся в декабре 1911 г.

В этом же 1912 году, проходя медицинскую практику, Швейцер пишет работу, необходимую для получения докторской степени по медицине. Тема работы тесно связана с его исследованиями по истории личности Иисуса Христа, в ней личность основоположника христианской религии рассматривается с медицинской, психиатрической точки зрения.

Теперь масса его практических дел и забот связана с подготовкой отъезда в Африку. Нужно закупить медикаменты, инструменты, предметы домашнего и больничного обихода, продукты питания и прочее, прочее. А для всего этого нужны деньги, деньги и деньги... Средств, заработанных Швейцером, на это не хватало. Преодолевая свою скрытность, гордость, неумение и нежелание просить, ему пришлось обращаться за поддержкой к людям, которые должны были поверить ему на слово, что средства пойдут на благое дело, на помощь другим, страдающим и нуждающимся людям. И многие откликнулись на его призыв. Проявили щедрость профессора Страсбургского университета (не будем забывать, что Габон был французской колонией, а Эльзас в то время был частью Германии; искры первой мировой войны, в которой столкнутся Германия и Франция, тогда уже сверкали довольно отчетливо). Значительную часть средств собрали прихожане церкви, в которой служил Швейцер. Парижское Баховское общество при участии в качестве органиста Швейцера организовало концерт и его лекцию о Бахе, сбор от которых пошел в общую копилку.

Весной 1912 г. он уезжает в Париж, чтобы изучать тропическую медицину, делать закупки для Африки и вести переговоры с Парижской миссией, без благословения которой реализация его планов была невозможна, ибо Габон, как мы упоминали, в то время был французской колонией, в которой легально работали только французские миссионеры. В том же 1912 г. он женится на Хелене Бреслау, которая была его верной подругой и помощницей многие годы до женитьбы и еще сорок пять лет после нее.

Ее биография вполне достойна отдельного разговора. Но здесь мы не можем не упомянуть хотя бы кратко об основных вехах ее жизненного пути. Дочь профессора истории Страсбургского университета, она с юности готовила себя к педагогической

деятельности и рано начала преподавать в школе для девочек. Однако после длительного пребывания в Италии, где отец работал в архивах, она решила посвятить себя живописи и скульптуре и начала изучать в Страсбурге историю искусств. Осенью 1902 года она едет в Англию, где работает в рабочих предместьях. Затем по приглашению друзей отправляется в Россию, живет в Полтаве, изучает русский язык. По возвращении в Страсбург поступает на медицинские курсы, по окончании которых посвящает себя заботам о сиротах и одиноких матерях. В 1907 г. в Страсбурге открывается дом для одиноких матерей с детьми, и девушка начинает работать там, не боясь осуждения светского общества, в глазах которого женщины, которым она помогала, считались падшими. В 1902 году Хелене впервые слышит игру Швейцера на органе – хорал Баха в церкви, куда она пришла с детьми. Их сблизил музыка. Их сблизил взгляд на жизнь. Она много помогала ему в литературных работах, корректируя его рукописи. Поженились они 18 июня 1912 года накануне отъезда Швейцера в Африку. Умерла Хелене Бреслау-Швейцер в 1957 году.

В феврале 1913 г. Альберт заканчивает свою медицинскую диссертацию и получает диплом доктора медицинских наук. Весной обзаводится разрешением заниматься медицинской практикой на французской территории с немецким дипломом. Семьдесят мест багажа заранее отправлены в Бордо товарным поездом. 26 марта 1913 года вместе с женой он отплывает в Габон. Прощай, родная Европа! Здравствуй, незнакомая Африка!

С этого времени и до конца своих дней Швейцер посвящает основные усилия деятельности врача в местечке Ламбарене на берегах реки Огове, время от времени по разным причинам и на разные сроки возвращаясь в Европу. Трудно сказать, то ли из Европы в Африку, то ли из Африки в Европу он путешествовал 14 раз! Среди причин – не только бесконечные хлопоты о своей африканской больнице, потребность в отдыхе, но и чтение лекций, концертные гастроли органиста, заботы об издании трудов, общественная деятельность и т. д.

Современному читателю нелегко представить все трудности и препятствия, которые пришлось преодолевать Швейцеру на пути реализации своего замысла. В тропической Африке отнюдь не европейский климат, так что и врач, и пациенты нередко получали солнечный удар от лучика, пробившегося сквозь дырявую крышу барака, в котором они пребывали. Сами бараки были построены

из местного строительного материала при личном руководстве и непосредственном участии инициатора всего этого дела. Надо было привлекать к работе и к помощи в построении тех же барачков, в «окультуривании» территории местное население, а туземцы, естественно, в подавляющем большинстве не знали европейских языков, в то время как тамошних туземных наречий было более десятка. Возникла проблема перевода и хотя бы элементарного взаимопонимания врача и пациента, организатора работ и исполнителей-работников. Местные нравы и обычаи существенно различались по сравнению с обычаями и правовыми нормами, привычными для европейцев. С Белым Доктором «конкурировали» местные колдуны и шаманы, с которыми надо было находить общий язык и налаживать мирное сосуществование.

Джунгли, окружавшие Ламбарене, и полноводная Огове с ее многочисленными притоками и рукавами кишели растительным и животным миром, не всегда дружески настроенным к человеку: леопарды и слоны, гориллы и тигры, гиппопотамы и аллигаторы, змеи, многочисленные вредные насекомые, болота и топи — все это затрудняло деятельность врачебного заведения, созданного Швейцером и бывшего единственным в своем роде едва ли не на триста верст вокруг. Среди пациентов больницы было не только местное население, но и многочисленные представители тех же миссионерских обществ, торговцы и промышленники, занимавшиеся главным образом лесоторговлей, лесорубы, работники колониальной администрации и др.

И, конечно же, нельзя забывать об универсальном характере собственно медицинской деятельности Белого Доктора. В силу специфики условий, в которых ему приходилось работать, он вынужден был практиковать и как терапевт, и как хирург, и как психиатр, и как педиатр, и как дантист, специализируясь дополнительно еще и на собственно тропической медицине.

Мир общечеловеческих, если можно так выразиться, болезней здесь существенным образом дополнялся, с одной стороны, импортированными колонизаторами и ранее не типичными для африканцев недугами, связанными, в частности, с привозным куревом (сам доктор покончил с этим в 24 года) и в еще большей степени — со спиртными напитками и алкоголизацией туземцев, а с другой стороны, — сугубо местными, тропическими заболеваниями, нередко смертельно опасными и по-своему экзотическими, вроде так называемой слоновой болезни (элефантиазиса), сонной

болезни, различного рода тропических язв, ущемленных грыж, упомянутых ранее солнечных ударов, проказы, всяческих травм от названных нами представителей животного, растительного и насекомого мира. Надо сказать, что Швейцер предпринимал гигантские усилия к тому, чтобы быть в курсе новейших достижений мировой медицины во всех этих областях и активнейшим образом внедрять их в свою медицинскую практику. Эта область его деятельности, по существу – главная для него в последние полвека жизни, требует серьезного изучения и может быть грамотно освещена и оценена только соответствующими специалистами в области медицины, что, как мне представляется, можно и нужно было бы сделать. Впрочем, возможно это уже и сделано в какой-то мере, но мы об этом не осведомлены. Хорошо бы медики поделились с нами своими знаниями в этой области.

Человека, самозабвенно отдающего труду, у нас принято называть трудоголиком. Что касается Швейцера, то он в течение всей своей жизни и во всех ипостасях он всегда был по сути суперэкстратрудоголиком. «Двадцать лет назад, – рассказывала жена доктора, – я боялась, что он убьет себя работой. А сейчас он работает еще напряженнее. Он всегда говорит, что у него есть хороший рецепт для людей, которым за 60, если они плохо себя чувствуют: напряженная и еще более напряженная работа. Нетрудно убедиться, что он сам строго следует этому «рецепту».

Остается добавить, что рассказ жены доктора относится к 1957 г., когда ему шел уже девятый десяток! Небезынтересно при этом, что свою всегдашнюю необычайную трудовую активность сам доктор объяснял наличием прирожденной лени, с которой всю жизнь сознательно и активно (и, как мы теперь знаем, небезуспешно) боролся.

В каких ролях только не приходилось выступать Белому Доктору в Африке! Наряду с главным своим предназначением и миссией врача-лечебника недугов, он был управляющим и надзирающим, бухгалтером и начальником складов медтехники, лекарств, продуктов, строительных материалов и проч., плотником и лесорубом, архитектором и садоводом-огородником, каменщиком и бетонщиком. Естественно, это не полный перечень его профессий. При этом он всегда оставался человеком, не чуждым чувства юмора в его специфически «эльзасском» варианте. Да и, наверное, для человека, лишённого этого чувства, оказались бы невыносимыми и невозможными все переживания, выпавшие на его сознательно

выбранную долю. Вот несколько примеров, иллюстрирующих сказанное.

Пошли дожди. Стройматериалы больницы надо перенести под навес. Как на грех, в больнице почти нет работоспособных мужчин. Доктор сам с двумя помощниками таскает брусья и доски. «Вдруг, — рассказывает он, — на глаза мне попадается одетый в белое негр; он сидит возле больного, навещать которого приехал.

— Послушай-ка, друг, — обращаюсь я к нему, — не сможешь ли ты нам немножко?

— Я человек интеллигентный и брусьев не ношу, — отвечает он.

— Тебе повезло, — говорю я, — мне бы тоже хотелось быть человеком интеллигентным, да что-то не удастся». Доктор взваливает на плечи очередное бревно и шествует дальше.

Или другой рассказ. На одном из приемов в Европе высокопросвещенная и цивилизованная дама спрашивает менторским тоном: «Что вы делаете, доктор Швейцер, в Ламбарене для расширения современной культуры?»

И Швейцер с готовностью ей отвечает: «Поставляю тазики окрестному населению».

Тут необходимо небольшое пояснение. Бережливый доктор был вынужден вести непрерывную борьбу с мелкими кражами в этом нищем районе Африки. Множество кладовок и замков должны были уберечь больничное имущество и не вводить в искушение пациентов. А на посуде больницы стояли, как правило, три буквы АШБ (Альберт Швейцер-Бреслау). Так вот, тазики с этим «фирменным знаком» можно было обнаружить в любой из деревень, окружающих Ламбарене.

Конечно, Швейцер не смог бы сделать всего того, что он сделал, без самоотверженной поддержки и практической помощи многих его верных друзей, сторонников, сотрудников, единомышленников как из европейских стран, США, так и из местного населения. У него была удивительная способность дружить, поддерживать деловые контакты и оказывать взаимные моральные и материально-практические услуги с представителями самых разных стран, народов, профессий и возрастов. Достаточно сказать, что за свою долгую жизнь он установил контакты и поддерживал дружеские отношения с такими всемирными знаменитостями, как А. Эйнштейн, Р. Роллан, С. Цвейг, Л. Полинг, Б. Рассел, М. Ганди, Д. Неру, М.Л. Кинг, П. Казальс, А. Гауди и многими, многими другими. Но было бы ошибкой заключить отсюда, что в ряду его

многочисленных друзей были преимущественно знаменитости. Отнюдь нет. Сообщество друзей Швейцера было исключительно велико и многообразно во всех отношениях. В разные годы и в течение различных сроков в его заведении сотрудничали врачи, медицинские сестры-сиделки и сестры-хозяйки из его родного Эльзаса, из Швейцарии, Франции, Англии, Швеции, Голландии, Португалии и других стран. Множество помощников как в медицинских, так и в хозяйственных делах вербовалось из местного населения. Швейцер всегда, как мог, сердечно благодарил и всячески поощрял своих единомышленников, сотрудников и помощников.

Готовя себя к африканской миссии, Швейцер полагал, что ему придется пойти как минимум на три большие жертвы: расстаться с игрой на органе, отказаться от педагогической деятельности и потерять материальную независимость. Однако дела сложились иначе. Парижское Баховское общество одарило его пианино с рассчитанным на тропики органным педальным устройством. Это дало ему возможность постоянно упражняться в игре на органе в окружении девственного леса, что позволило, по мнению самого органиста, еще глубже проникнуть в дух творчества Баха и не утратить исполнительский талант, демонстрировавшийся в периодических гастролях по Европе. Потеря преподавательской должности в родном Страсбургском университете была компенсирована возможностью читать лекции во многих других европейских университетах. И этой возможностью он старался пользоваться практически во время каждого пребывания в Европе. В свою очередь, игра на органе, лекторская деятельность и литературные труды позволили ему вернуть материальную независимость, тем более, что в отношении личных материальных потребностей, включая жилищные условия, питание и одежду, быт и весь образ жизни, Швейцер всегда был более чем скромным.

Помимо всего прочего, за годы труда в Африке Швейцеру неоднократно приходилось выступать в необычной, казалось бы, для него роли судьи. Но обстоятельства складывались так, что он не мог уклониться от этой миссии. Вот один из примеров его юридической практики, о котором рассказал сам «судья». Лунной ночью один из пациентов больницы взял принадлежащее другому каноэ и отправился ловить рыбу. Владелец лодки, захватив угонщика с поличным, потребовал солидной денежной компенсации за пользование каноэ и реквизицию в свою пользу всего улова. По существующим у туземцев законам он имел на это право.

Со своей тяжбой они обратились к Белому Доктору. Тот объявил им, что на подведомственной ему территории действует не туземный закон, а «закон разума», который исповедуют белые. Затем он объяснил каждому из спорящих, в чем каждый из них прав и в чем неправ, и объявил вердикт: ловивший рыбу должен отдать треть улова владельцу лодки за пользование ею, другую треть может оставить себе, оставшуюся же треть передать в пользу больницы, поскольку дело происходило на ее территории, и доктору пришлось потратить время на разрешение их палавры (так у туземцев назывались судебные препирательства и тяжбы). Конечно, не на основе такой юридической практики Швейцера в нескольких университетах присуждалось звание почетного доктора права, но ведь и эта практика, наверно, тоже учитывалась...

С началом первой мировой войны Швейцера как немецкого подданного, да к тому же и военнотружущего запаса, берут под стражу, временно запрещают заниматься врачебной деятельностью. А с осени 1917 г. вместе с женой его интернируют во Францию, в лагерь в Бордо, где он заболевает дизентерией. Но и в лагере он работает врачом. Его переводят из одного лагеря в другой, а по окончании войны и после освобождения из лагеря (прошедшего как обмен с интернированными немцами военнопленными гражданами Франции) дважды подвергается хирургической операции (последствие дизентерии). До 1921 г. он работает врачом в Страсбурге и снова исполняет обязанности викария в церкви св. Николая.

Одним из личных трагических последствий этой войны для Швейцера явилась трагическая случайная смерть его матери, погибшей в 1916 году под копытами эскадронной коняги. Под проезжавшим через Гюнсбах бравым кавалеристом неожиданно понесла лошадь и пришибла старушку. В пучинах таких войн это событие — пылинка, мелочишка...

И все-таки Швейцер принимает решение продолжить свою миссию в Ламбарене. Выступая с лекциями, докладами, концертами в Швеции, Швейцарии, Испании, Дании, Чехословакии, параллельно занимается сбором средств для больницы. Он пишет книгу об Африке «Между водой и девственным лесом», вышедшую в свет в Швеции и Швейцарии в 1921 г., а затем в английском переводе в Лондоне. Книга эта не только принесла гонорары, известным уже нам образом потраченные автором, но и завербовала множество новых сторонников Всемирного Братства Боли, готовых всячески содействовать миссии Белого Доктора. «Мы и наша культура,

– писал он, в частности, в этой книге, – поистине несем бремя большого долга. Все, что мы даем им (имеется в виду коренное население Африки – *В.П.*), – не благотворительность, а возмещение ущерба... И даже когда мы сделаем все, что в наших силах, мы не искупим и тысячной доли вины». Заметим, что Швейцер был принципиальным противником не колонизации самой по себе, а тех бесчеловечных методов, которыми она проводилась, и тех бесчисленных зверств и злоупотреблений, которыми она сопровождалась, начиная с гигантских масштабов работорговли и заканчивая хищническим разграблением природных богатств континента и беспощадной эксплуатацией европейцами коренного населения. И понимание этого, возможно, было еще одним из стимулов, подвигнувших его именно на такую реализацию принятого в студенческие годы судьбоносного решения о службе на благо ближних, «от человека к человеку».

В 1923-1924 гг. он снова изучает тропическую гигиену в Гамбурге, совершенствуется в стоматологии и акушерстве.

В 1928 г. Швейцер удостоивается Гетевской премии города Франкфурта на Майне, и на деньги от этой премии в городке своего детства Пюнсбахе строит дом, который становится местом отдыха для приезжающих из Ламбарене сиделок и врачей (сейчас там, насколько мне известно, находится музей великого гуманиста, в котором, в частности, хранится его архив). 22 марта 1932 г. в том же Франкфурте на Майне он произносит речь, посвященную столетию со дня смерти Гете, а 9 июля в Ульме – «Гете как мыслитель и человек». В эти годы Швейцер работает над автобиографической книгой «Из моей жизни и мыслей», в которой доводит изложение событий своей жизни до 1931 года. В 1929 г. выходит в свет его капитальный труд «Мистика апостола Павла», в котором, в частности, разъясняется различие между мистикой примитивной и завершенной. К 1934 г. он заканчивает и в следующем году издает последнюю из своих собственно философских работ «Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика», развивающую идеи предшествующих трудов и анализирующую историю индийской философии под углом зрения основных мировоззренческих установок ее автора.

Как при жизни Швейцера, так и после его смерти самые разные по жанру и тематике его сочинения издавались большими тиражами на самых разных, естественно, прежде всего европейских языках. Но вот интересная деталь: первое собрание сочинений

Швейцера в 20 томах вышло в 1961-1965 годах. И где бы вы думали? В Японии! Факт, достойный размышлений. Но вернемся к нашему герою.

14 января 1919 г., в день своего рождения 44-летний Швейцер становится отцом, дочь нарекают Реной. А в 1933 г., когда к власти в Германии приходят фашисты, они семьей переезжают в Лозанну. Может быть, здесь не лишне будет упомянуть, что жена его была еврейкой по национальности, и что фашисты, «возвратив» в годы Второй мировой войны себе Эльзас, среди прочих своих «подвигов» отметились еще и тем, что переместили прах отца Хелены, умершего к тому времени, с кладбища «истинных арийцев» на еврейское кладбище. В феврале 1939 г., услышав на пароходе по пути в Европу экзальтированную речь Гитлера, в которой тот уверял, что мир — единственная цель всех его действий, и предугадывая начало войны, Швейцер, спешно заказав максимальное количество продуктов и лекарств для Ламбарене, возвращается в Африку, где работает непрерывно до 1948 г.

В предвоенные годы жена Швейцера вместе с дочерью дважды побывала в США, где выступала с лекциями, рассказывала о больнице в Ламбарене, восстанавливала старые связи, завязывала новые. У Белого Доктора становилось все больше сторонников и сочувствующих в Америке, которые оказали немалую и столь необходимую помощь его делу, переживавшему трудные военные времена.

К началу второй мировой войны Швейцеру исполнилось 64 года, и только в 73 года, в 1948 г. он возвращается на родину, чтобы отдохнуть, поправить здоровье. А в следующем году, отзываясь на настойчивое и вежливое приглашение, он осуществляет поездку в Америку, где, в частности, принимает участие в Гетевском юбилее в штате Колорадо, вместе с рядом знаменитых интеллектуалов Европы и Америки — испанским философом Ортегой-и-Гассетом, итальянским деятелем культуры Боргезе, американским писателем Торнтоном Уайлдером, польским пианистом Артуром Рубинштейном. Ему не очень хотелось ехать в Америку, но организаторы обещали пожертвовать на его больницу «громадную сумму» — 6100 долларов, невиданный для Швейцера по тем временам гонорар.

А дело Швейцера в Африке действительно остро нуждалось в деньгах. И хотя ему во многом помогали возникавшие в ряде стран после войны «братства», «содружества», «общества» солидар-

ности и поддержки, средств по-прежнему не хватало. Между тем он замыслил новую большую постройку — отдельную больницу для прокаженных.

О популярности Швейцера в Америке после его поездки туда свидетельствуют результаты всеамериканского опроса, проведенного одним из ведущих журналов. Предлагалось выбрать величайшего из живущих ныне деятелей. Имя Швейцера стояло первым в списке деятелей — не политиков, рядом с именем его друга Альберта Эйнштейна, с которым они беседовали, в частности, во время пребывания доктора в США.

Немного возвращаясь назад, хотелось бы напомнить один символический эпизод из истории больницы в Ламбарене середины 40-х годов. К тяжелым трудностям и переживаниям, связанным с войной (а в Африке, кстати, проходили сражения между сторонниками сотрудничавшего с фашистами вишистского правительства во Франции и антифашистов, поддерживавших генерала де Голля), — нехватке средств, медикаментов, инструментов, врачей и обслуживающего персонала, прибавился в связи с неурожаем самый жестокий голод за много последних лет. Больница находилась на грани краха, и у сотрудников ее было удручающее настроение.

В ту пору в больницу поступила роженица, находившаяся в тяжелейшем, почти коматозном состоянии. Она никак не могла произвести на свет своего ребенка. Врачи и ассистенты решились на хирургическое вмешательство. Всю ночь они работали с величайшим напряжением, на пределе человеческих сил, и свершилось чудо. Мать и ребенок выжили. В забытом богом глухом уголке земли удалось вырвать из когтей смерти одну-единственную жизнь. Это был истинный триумф человечности.

Между тем, трудности, переживаемые больницей, казались непреодолимыми, и сотрудники уже были готовы сдаться. Тем более, что пришла чудовищная весть, что в то самое время, в те же часы, когда в Ламбарене врачи с максимальным напряжением человеческих сил боролись за жизнь женщины и новорожденного младенца, на другом краю света была сброшена бомба, которая стерла с лица земли огромный город и принесла смерть сотням тысяч людей.

И еще одно, казалось бы, совсем незначительное событие случилось в тот день. В Ламбарене неожиданно прибыла верная помощница Швейцера с довоенного времени Матильда Коттман, которую война застала в Европе. По окончании военных действий

с невероятными приключениями ей удалось добраться до Ламбарене. Много лет она мечтала об этой минуте, но приехав, увидела, что все сотрудники Швейцера совершенно подавлены. Позже она вспоминала: «Когда я очутилась лицом к лицу с доктором, мы сначала долго глядели друг на друга, потом он спросил:

– Что же ты привезла?

– Себя и только.

Я не сразу выдавила из себя ответ. Потом я удрученно спросила:

– Может, мало этого?

Доктор обнял меня. Я все еще сжимала в руках свой чемоданчик.

– Нет, это уже много, – ответил он. – Очень много.

Затем он произнес слова, которые, сколько буду жить, я никогда не забуду:

– *Когда одной единственной бомбой убивают сто тысяч человек – моя обязанность доказать миру, насколько ценна одна-единственная человеческая жизнь!»* (курсив мой – В. П.). Вообще-то Швейцера не любил высказываться на политические темы. Однако реалии сначала Первой, а затем, и в особенности, Второй мировой войны XX века и последовавшая за сим гонка средств массового уничтожения людей не могли оставить его равнодушным. И поскольку его авторитет в мире в эти годы достигал апогея, он считал себя обязанным возвысить свой голос в защиту мира, в поддержку движения за сокращение, а в конечном итоге, и полное запрещение испытаний атомного оружия.

Осенью 1953 г. пришла весть о присуждении Швейцера Нобелевской премии мира за 1952 год. В эти годы, продолжая напряженную работу по обустройству больничного комплекса в Ламбарене, он обращается к ученым всего мира с призывом сказать страшную правду о нависшей над человечеством угрозе атомной войны и протестовать против дальнейших испытаний ядерного оружия. И в то же время, накануне 80-летия Швейцера, в Страсбурге состоялось последнее публичное выступление его как органиста по случаю дня памяти Баха.

В ноябре 1954 г. Швейцера произносит в Осло Нобелевскую речь о проблемах мира в современном мире.

Об этом хотелось бы сказать несколько подробнее. Конечно же, такая речь не могла быть экспромтом. Он заранее внимательно изучил мнения компетентных ученых, специалистов по «дости-

жениям» в области изобретения и совершенствования средств массового уничтожения людей, призвал мировую общественность прислушаться к их предупреждениям о масштабах опасности, грозящей человечеству.

Позже он так пояснял свое неучастие в политике: «Всю мою жизнь я старался воздерживаться от заявлений по общественным вопросам... Не потому вовсе, что я не интересовался международными делами или политикой. Мой интерес к ним и озабоченность ими очень велики. Просто я чувствовал, что мои отношения с внешним миром должны произрастать непосредственно из моей работы и моей мысли в области теологии, философии или музыки. Я пытался скорее искать подход к проблемам всего человечества, чем ввязываться в противоречия между той или иной группировкой. *Я хотел быть человеком, который говорит с другим человеком.*»

И тем не менее, в Нобелевской речи Швейцер оказался в позиции человека, который говорит со всем человечеством! Он предупреждал, что технический прогресс и, прежде всего, прогресс в области военной техники привел к тому, что «человек стал сверхчеловеком». Но, обретя сверхчеловеческую мощь, человек не стал обладать сверхчеловеческим разумом, который мог бы направлять эту мощь на мирные, созидательные цели. «Человеку нужен такой разум, — говорил Швейцер, — если он намерен употребить обретенную им силу для добрых и осмысленных целей, а не для распространения смерти и уничтожения. Знание и мощь дали пока результаты, которые оказались скорее губительны для человека, чем полезны».

Напомнив о чудовищных масштабах жертв недавно минувшей войны и атомных бомбардировок, Швейцер с горечью констатировал, что люди продолжают судить о них с позиций социальной группы, нации, к которой они принадлежат. И даже соглашаясь с оценкой этих действий как бесчеловечных, оправдывают их военной необходимостью или вынужденностью.

Допуская такое развитие событий, мы разделяем вину в варварстве с другими. «*Сегодня существенно, — подчеркивал Швейцер, — чтобы мы все признали себя виновными в бесчеловечности.*» Думаю, что к этой мысли Швейцера мы еще вернемся.

И все-таки Швейцер стремится оставаться оптимистом. Он выражает надежду, что «человеческий дух не мертв», что сила этого духа — в сострадании, что в душе каждого человека есть горячее, для приведения в действие которого нужна только ис-

кра. Этот дух человечности, по мнению Швейцера, способен создать в наш век подлинно этическое мышление. «Мое глубокое убеждение заключается в том, что мы должны отвергнуть войну по этическим мотивам, ибо она возлагает на нас вину в преступлении бесчеловечности».

Надо сказать, что торжества, связанные с вручением Швейцеру премии и с его Нобелевской речью, в Норвегии происходили чрезвычайно организовано, торжественно и пышно, к чему их виновник всем образом своей долгой жизни вовсе не был приучен и был чрезвычайно утомлен этим.

Но приближалось 80-летие «врача из джунглей», и многие города, с которыми была связана его биография, хотели достойно и торжественно, в присутствии юбиляра отметить этот день. Семья Швейцеров не успела отдохнуть от торжеств в Осло, как была засыпана новыми предложениями и приглашениями. Швейцер откликнулся на них по-своему: он просто вернулся в Ламбарене, к своей трудной и осмысленной жизни.

До сих пор мы редко упоминали о непрерывно нарастающей по мере ширящегося авторитета и популярности выдающегося гуманиста череде почетных званий, наград, премий и т. п. Славный юбилей значительно пополнил эту череду. Париж наградил его Большой золотой медалью (ранее, в 1952 г. Швейцер удостоился высшей почести, которая только существует во Франции — он был избран пожизненно действительным членом Академии этических и политических наук). Английская королева удостоила высшего английского ордена, а президент Германии — немецкого. Кембридж присудил ему почетную степень доктора права. Швейцеровское общество в США поступило по-американски, одарив от имени рядовых американцев суммой в 20.000 долларов. Город Гете — Франкфурт — назвал именем Швейцера одну из улиц и собрал в пользу больницы 700 фунтов. Париж прислал 2.000 фунтов. Княжество Монако выпустило швейцеровскую серию марок. В тех же США вышло специальное юбилейное издание со статьями друзей и поклонников Швейцера — М. Ганди, А. Эйнштейна и др.

Однако все эти чествования никак не меняли образ жизни и круг занятий их виновника. Что же касается прибывавших пожертвований и средств на нужды больницы, то и к ним он, ясное дело, относился по-швейцеровски. Так, отвечая на вопросы дошных журналистов о том, как он собирается распорядиться денежной частью Нобелевской премии (около 36.000 долларов),

Швейцер воскликнул почти раздраженно: «Деревню для прокаженных строить, что же еще!»

Швейцер стоял у истоков Пагоушского движения ученых в защиту мира. В 1957 г. он поставил свою подпись под воззванием, в котором выдвигалось требование прекращения атомных испытаний в атмосфере. Всего под этим документом стояло 9235 подписей виднейших ученых всего мира из 44 стран, в том числе 36 лауреатов Нобелевской премии. 13 января 1958 г. один из них, Л. Полинг вручил это послание Генеральному секретарю ООН.

Побывавший в 1957 г. в гостях у доктора из джунглей популярный американский журналист Н. Казинс издает книгу «Альберт Швейцер из Ламбарене». Выходит кинофильм Андерсена о нем, получивший Оскаровскую премию. Издается десяток монографий, публикуются многочисленные анкеты и письма сторонников «Братства Боли». Среди последствий этой, как выразились бы сегодня, пиар-кампании был не только всемирный авторитет стареющего эльзасца, но и финансовый успех африканской больницы в Америке. Несколько слов об этом подробнее.

Почта «Швейцеровского братства» в США собирает средства в пользу Ламбарене. Двадцать пять центов, т. е. четверть доллара присылают обитатели дома престарелых, незнакомый техасец — чек на 9.000 долларов, нью-йоркский бизнесмен — 27.000, какая-то женщина из Индианаполиса — 5.000. Но все это оказалось мелочью по сравнению с итогами письма 13-летнего негритянского пацана Бобби Хилла. Тот задумал послать в больницу бутылочку аспирина и, вдохновленный детской фантазией, написал генералу авиации просьбу сбросить ее, пролетая над Ламбарене, посреди джунглей. Корреспондент итальянского радио, которому попало на глаза письмо мальчишки, передал заметку по радио. Ее тут же перевели на три языка. Радиослушатели активно включились в «кампанию», каждый переиначивая «бутылочку» на свой лад. В итоге пришлось нанимать итальянские и французские самолеты, доставившие в Ламбарене четыре с половиной тонны медикаментов и самого инициатора кампании — Бобби Хилла, которому доверили передать доктору собранные всенародно «аспиринные» деньги — 400 тысяч (!) долларов. История имела продолжение, поскольку Америка не успокоилась на достигнутом. Через год транспортный самолет снова приземлился в Ламбарене и тот же Бобби Хилл доставил еще тонну медикаментов и чек на 100 тысяч долларов.

Вообще, стоит сказать, что по мере роста популярности Швейцера в мире его все больше донимали многочисленные журналисты, туристы, делегации, посланники, энтузиасты и скептики, любопытствующие и сомневающиеся и т. п. И он, как мог, старался никому не отказать во внимании, ибо по существу разделял мысль, столь четко сформулированную русским поэтом: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Это же относится и к его переписке — он всегда стремился не оставить без ответа ни одного послания, от кого бы оно ни исходило... Понятное дело, что в его положении это было невероятно сложно, и сложность эта непрерывно возрастала по мере роста его популярности в мире. Достаточно сказать, что в течение многих лет, работая в Ламбарене, он привык писать ежедневно от тридцати до пятидесяти писем. И все равно не мог ответить на все послания к нему, его сотрудники помогали доктору и в этом деле. А сам доктор признавался: «Я не имею права отказывать ни одному человеку, который верит, что я могу ему помочь, пусть даже автографом. Как знать, может, когда-нибудь это приободрит его в тяжелый час».

В этой связи почти анекдотический факт. Еще в 1924 году, собираясь возвращаться в Ламбарене после всех катаклизмов, связанных с войной, и в суматохе сборов не успев ответить на массу приходивших к нему писем, доктор берет их с собою в Африку, чтобы там найти время и ответить на каждое. Писем набирается четыре полных грубых мешка из-под картошки. Поскольку вывоз банкнот из Франции в это время был строго ограничен, таможенник воспринимает мешки как хитрую уловку и начинает перелопачивать их в поисках денежной контрабанды. Его дотошности и терпеливости хватает на два мешка, в которых за исключением конвертов и писем в них, естественно, ничего не находит... Покачав головой, чиновник отказывается от дальнейшего осмотра.

Со второй половины 50-х годов публикации о Швейцере начинают появляться в советской печати. Первой из них был очерк Мариэтты Шагинян, опубликованный «Литературной газетой» в 1957 г. А в 1961 г. Ламбарене посетила делегация советских туристов, в составе которой были женщина-экономист, узбекский и русский писатели, ветеран Великой Отечественной войны — женщина-снайпер, режиссер детских фильмов, сотрудница Союза обществ с зарубежными странами и два журналиста.

В беседе, состоявшейся после обстоятельного знакомства гостей с хозяйством Швейцера, последний, в частности, сказал: «Русские у меня в Ламбарене впервые. А ведь вы, молодые люди, наверно, и не представляете, что значили для нас в прошлом веке книги Льва Толстого. Мы тогда вдруг увидели, что человек может и должен быть Человеком».

На прощание стороны обменялись сувенирами и подарками. От гостей, среди прочего, — модель спутника и русские матрешки. Доктор удовлетворенно прокомментировал: «Ну вот, спутник приземлился в Ламбарене. Да еще с русскими красавицами, так не похожими на габонских». Сам же хозяин одарил гостей мешком бананов, который они, впрочем, забыли на аэродроме в суете предотлетных треволнений.

Автор наиболее обстоятельных повествований о жизни Швейцера на русском языке Б. Носик, повстречавшийся впоследствии почти со всеми нашими, как он выразился, счастливыми, непосредственно общавшимися со Швейцером, «допросил их с пристрастием», записал и опубликовал их отзывы о встрече. В частности, он приводит ответы на вопрос об общем впечатлении от визита к доктору и от самого Старого Доктора. Вот один из них, писателя Константина Коничева: «Ни от кого в жизни такого впечатления не было. Святой человек! Святой старик!» (заметим, кстати, что мы в своем изложении биографии великого гуманиста опираемся главным образом на последнее издание книги Б. Носика).

Летом 1962 г. «Литературная газета» опубликовала ответ Швейцера на анкету о возможности всеобщего разоружения. Доктор обстоятельно и аргументированно описывает в своем ответе губительные последствия испытаний атомного оружия как для ныне живущих людей, так и для будущих поколений. Он указывает на бессмысленность атомной войны, которая не может решить никаких проблем. «У нее не может быть других результатов, кроме безграничного уничтожения человеческой жизни. Ни Запад, ни Восток не могут ждать от нее ничего иного».

В этом же, 1962 г. Швейцер был приглашен в Москву на Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. К сожалению, по состоянию здоровья (не будем забывать, что ему шел 88-й год) он не смог приехать, но прислал текст выступления, который под заголовком «Доверие и взаимопонимание» также был опубликован «Литературной газетой».

Размышляя о губительном бремени гонки вооружений, которое ложится на плечи трудовых людей, призывая разумных политиков проявить мужество и взаимное доверие в продвижении дела разоружения, Швейцер настаивает на необходимости упрочения духовных связей между Востоком и Западом, формировании единого мирового общественного мнения, безоговорочно осуждающего применение атомного оружия. «Под властью этого оружия мы перестанем быть цивилизованными людьми. Пора закончить эту ужасную главу в истории человечества!» – заключает он.

И когда в решении этих проблем появились первые проблески надежды, когда продвинулись вперед переговоры между СССР и США о прекращении испытаний атомного оружия в воздухе, космическом пространстве и под водой, Швейцер пишет письмо президенту США Кеннеди с одобрением его позиции, его решимости преодолеть сопротивление противников соглашения в сенате США. Это письмо, как утверждают специалисты, сыграло немаловажную роль в подписании договора.

А как только Швейцеру стало известно о подписании этого договора, он обращается к руководителю Советского Союза Н.С. Хрущеву с письмом, в котором, в частности, говорится:

«Глубоко благодарен Вам за то, что Вы проявили дальновидность и мужество, положив новый путь в мировой политике в направлении к миру. Наконец блеснул луч света во мраке, в котором пребывало человечество! Наконец появилась возможность надежды на то, что мрак будет развеян светом!

... Когда я получил известие о Московском Договоре, я подумал о моем друге Альберте Эйнштейне, совместно с которым я ступил на путь борьбы против атомного оружия. Он умер в безысходной безнадежности в Принстоне, на чужбине. Однако на основе Ваших дальновидности и мужества я позволю себе сделать вывод о том, что человечество сделало первый шаг по пути, который ведет к миру.

*С глубокой благодарностью,
Преданный Вам Альберт Швейцер».*

Символическая деталь: письмо помечено датой 6 августа 1963 года. Швейцеру идет 89 год, а в очередную годовщину Хиросимы он делает все возможное, что в его силах, чтобы не допустить повторения трагедии.

Последним словом Швейцера в этом плане была поставленная им буквально за несколько дней до кончины подпись

(вместе с дважды лауреатом Нобелевской премии, лауреатом Ленинской и Нобелевской премии мира Лайнусом Полингом, Мартином Лютером Кингом и большой группой ученых — лауреатов Нобелевской премии) под обращением к главам великих держав с требованием прекратить войну во Вьетнаме. Так 90-летний юбилар в год своей смерти поставил точку в политическом диалоге своего времени...

До конца своих дней доктор оставался на своем посту, решал проблемы больничного комплекса, вел строительные работы, обширную переписку с огромным количеством корреспондентов. Он понимал, что жизнь подходит к концу, и спокойно готовился к смерти. Позаботился о преемственности в руководстве его делом, из молодых и верных его сотрудников был назначен главный врач ламбаренской больницы, административное руководство больницей было поручено дочери Швейцера Рене, приобретшей большой авторитет в коллективе больницы. Кстати, дочь доктора рассказывала, что его внучка Кристина тоже «заразилась Ламбарене» и изучает медицину в Швейцарии. Он позаботился и о том, чтобы похороны были «такие же, как и все другие похороны в Ламбарене, — простые и немедленные». Он ушел из жизни так же достойно, как жил.

Могилу его вырыли там, где он завещал, рядом с могилой его жены. Похоронили в простом деревянном гробу без крышки. На могиле поставлен сколоченный самим доктором простой деревянный крест с надписью «Альберт Швейцер» и указанием дат его жизни.

Весь мир откликнулся на печальное известие о смерти выдающегося гуманиста XX века. В речи на похоронах представитель президента Габона, сам будущий президент этой страны, в частности, сказал: «Жители всех континентов переживают этот уход от них великого философа, который словом письменным и устным сумел стать выше нашей повседневности, непрестанно возвещая людям свое учение, утверждающее мир, уважение ко всему живому и человеческое достоинство».

Здесь уместно напомнить, что Габон, переставший быть колонией Франции и получивший независимость в 1960 году, с первых дней своего существования в качестве независимого государства высоко оценивал миссию «Белого Доктора», не ограничиваясь наградами и знаками почтения. Оказывал ему и его делу практическую помощь. Уже в год обретения независимости республикой

Габон он был награжден орденом «Экваториальная звезда», первая почтовая марка страны вышла с портретом Швейцера, в год его 90-летия главная улица Ламбарене названа его именем. И что само собой разумеется, велико было уважение, почтение к Белому Доктору в народе этой страны, так же как велика и невыразима была всенародная скорбь при вести о его смерти.

Говорят, что ламбаренская больница существует и доныне. Правительством Габона ей присвоено имя Альберта Швейцера. Большая часть ее медицинского персонала — представители местного населения. Правда, мы об этом знаем очень мало. У сегодняшнего человечества на слуху и на виду другие заботы, герои, идеи, события...

И все же было бы неправильно утверждать, что в суете, заботах и трагедиях наших дней человечество совсем уж позабыло о Швейцере. К счастью, и сегодня находятся социальные силы, общественные организации, отдельные личности, предпринимающие усилия для сохранения, продолжения и развития лучших, достойнейших аспектов богатого наследия великого Гуманиста.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ШВЕЙЦЕРА: ЭТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

В беглом очерке биографии Швейцера мы не обошлись без упоминания ряда его мировоззренческих идей, высказываний, разъяснений, принципов. Без этого было невозможно ни изложить, ни сколько-нибудь осмысленно воспринять основные вехи его жизненного пути. С другой стороны, без знания многих биографических деталей нельзя понять и его теоретические установки и рассуждения. Приступая теперь к краткому изложению взглядов Швейцера, его философских, культурологических и этических идей, мы должны предупредить читателя, что будем вновь возвращаться к некоторым фактам из жизни Белого Доктора, поскольку, как мы уже упоминали, последние неразрывно связаны с первыми, так что ни того, ни другого нельзя понять в отрыве друг от друга, в изолированном виде.

Как мы видели, уже к 30-летнему возрасту Швейцер проявил и зарекомендовал себя как творчески мыслящий, эрудированный и талантливый философ, теолог, музыковед, публицист, оригинальный музыкант-органист, а в последующие годы – и как самоотверженный и искусный практикующий врач в невероятно сложных условиях, в джунглях тропической Африки.

Естественно, взгляды, мировоззрение Швейцера, сформировавшиеся в главном уже в юные годы, со временем, с обогащением его личного жизненного опыта, с социальными переменами как на его родине, так и в Европе и в мире в целом претерпевали изменения, подчас весьма существенные. Однако фундамент, основа этих взглядов оставались прочными и незабываемыми, неизменными на протяжении всей его долгой и такой активной жизни. Краеугольным камнем этого фундамента была этическая заповедь о необходимости благоговейного отношения к жизни.

С этого главного пункта мировоззрения Швейцера мы и начнем, не имея возможности здесь излагать прелюдию, историю

того, как мучительно, долго, постепенно он подходил к возможности четко, конкретно, однозначно и понятно сформулировать это основоположение, настроенность на которое он по существу ощущал в себе с детства (мы упоминали об этом при изложении его биографии).

Однако озарение пришло к Доктору сравнительно поздно, когда он уже трудился в Африке. Вот как он сам рассказывал об этом моменте. Это случилось в сентябре 1915 года. Доктору пришел вызов к больной, проживавшей в нескольких сотнях километров от Ламбарене вверх по течению реки Огове. Единственным попутным транспортом оказался маленький буксирчик, тянувший тяжело груженую баржу. Все пассажиры на борту, кроме Швейцера, были туземцы, которые, кстати, делились с Белым Доктором своим варевом, поскольку тот в спешке не успел запастись провизией.

«Погруженный в свои мысли, — вспоминал Швейцер, — я сидел на палубе баржи, пытаюсь отыскать универсальную и фундаментальную концепцию этического, которой я так и не смог обнаружить ни в одной философии. Я покрывал обрывками фраз страницу за страницей, стараясь сосредоточиться на этой проблеме. На исходе третьего дня, на закате, когда мы пробирались через стадо гиппопотамов, в моем мозгу, нежданная и непредвиденная, вдруг мелькнула фраза: «уважение к жизни». Железная дверь подалась: тропинка в зарослях была обнаружена. Я отыскал собственный путь к идее, в которой утверждение мира и этика сосуществовали бок о бок! Теперь я знал, что этическое приятие мира и жизни вместе с идеалами культуры, содержавшимися в этой концепции, имеют основание в мысли».

Здесь уместно пояснить, что немецкое выражение «Ehrfurcht for dem Leben» в данном случае, пожалуй, не совсем верно переводить как «уважение к жизни». Оно означает нечто большее: глубокое уважение, почтение, пиетет, преклонение, благоговение. И хотя некоторые русскоязычные биографы Швейцера предпочитают более благозвучное и ставшее уже традиционным «уважение к жизни» вместо тяжеловесного «благоговения перед жизнью», тем не менее, именно последнее, пожалуй, утвердилось как норма в переводах на русский язык швейцеровских трудов и в работах наших исследователей его творчества. Этому словоупотреблению последуем и мы, стараясь не забывать о неполной адекватности перевода одного из фундаментальнейших терминов, характеризующих суть и специфику мировоззрения Швейцера.

Читатель, конечно же, хорошо помнит знаменитое изречение одного из основоположников философии Нового времени французского мыслителя Р. Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую» («Cogito ergo sum»). Швейцер, по сути дела, оспаривает это положение, как бы «переворачивая» его. Ведь факту мышления, по его мнению, предшествует факт существования мыслящего субъекта. Следовательно, формулу Декарта следовало бы обратить: «Я существую, следовательно (благодаря этому, поэтому) мыслю». Но и этого недостаточно, поскольку не бывает мысли как таковой, мысли ни о чем. Всякая мысль конкретна, содержательна. И Швейцер предлагает и обосновывает свою формулу, свой основополагающий принцип: «*Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая также хочет жить*» (курсив мой — В. П.). Воля к жизни, выраженная в мысли, — вот что, в конечном счете, может определить направление мышления и деятельности человека разумного.

Именно исходя из этой аксиомы, Швейцер однозначно определяет другие основополагающие этические категории и прежде всего категории добра и зла.

Мыслящий человек, осознавший основополагающее значение воли к жизни, постигший противоестественность и нелогичность ее отрицания, самоубийственность и внутреннюю противоречивость попыток метафизического, философского обоснования пессимистических взглядов в этом вопросе, тем самым утверждает сугубо человеческое, благоговейное отношение к жизни. Он углубляет и возвышает истинное, адекватное отношение к воле к жизни. Он становится подлинно этической личностью, и сознательная реализация принципа благоговения перед жизнью, практическое воплощение и утверждение воли к жизни становится его нравственной целью и задачей.

«Этика заключается, следовательно, в том, — делает вывод Швейцер, — что я испытываю побуждение высказывать равное благоговение перед жизнью как по отношению к моей воле к жизни, так и по отношению к любой другой. В этом и состоит основной принцип нравственного. *Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей*» (курсив мой — В. П.).

Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что Швейцер сознательно расширяет сферу действия этики, не ограничивая ее, как это имело место, по его мнению, во всей

предшествующей и в особенности европейской философской и этической мысли, только межчеловеческими отношениями. Антропоцентризм, столь характерный, в частности, для эпохи Возрождения, эпохи гуманизма, направил философию и этику по ошибочному пути, ведущему к опасным заблуждениям и, в конечном счете, к глобальному кризису и катастрофе человечества. Швейцер же универсализирует мораль до космических масштабов, видя в этом залог возвращения человечества на путь истинный, на путь предотвращения глобальных угроз человеку и миру. «Этика есть безграничная ответственность за все, что живет», — утверждает он категорически. И не просто провозглашает, декларирует, но и стремится обстоятельно аргументировать, обосновать эту позицию рациональными доводами, иллюстрациями из жизни, обращаясь и к здравому смыслу, и к разуму мыслящего существа. Последуем же за размышлениями Доктора, воздерживаясь до времени от напрашивающихся и кажущихся нам самоочевидными контраргументов, возражений, полемики. Попытаемся проследить ход его мысли, понять его логику.

Подлинно нравственный человек, для которого священна жизнь как таковая, не сорвет листочка с дерева, не сломает ни одного цветка, не раздавит ни одного насекомого. Работая летней ночью при лампе, он закроет окно и предпочтет сидеть в духоте, дабы не увидеть бабочки, упавшей с обожженными крыльями...

Подобные рассуждения, и это понимает Швейцер, могут показаться чересчур сентиментальными, нереалистичными, а требование внимательного отношения ко всему живому, вплоть до низших его форм — не совсем нормальным требованием разумной этики. Автора это не смущает. Он напоминает о судьбе любой истины, бывающей предметом насмешек до ее признания. «Когда-то считалось глупостью, — напоминает он, — думать, что цветные люди являются действительно людьми. Теперь эта «глупость» стала общепризнанной истиной. Пройдут года, — оптимистически утверждает Швейцер, — и люди будут удивляться, что потребовалось так много времени, чтобы признать несовместимым с этикой бессмысленное причинение вреда жизни».

Если обратить внимание на терминологию Швейцера, нельзя не заметить, что он не проводит разграничений в содержании понятий «этика», «мораль», «нравственность», как это имело место в трудах мыслителей прошлого и встречается еще и сегодня. Если под этикой, как правило, понимают учение о нравственности,

ее теоретическое рассмотрение, а понятия «мораль» и «нравственность» характеризуют реальные отношения людей и все, что с ними связано, то для Швейцера, по существу, все эти три понятия являются синонимами. Более того, он категорически утверждает, что *«истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами»* (курсив мой — В.П.).

Одновременно и буквально на следующей странице своего труда «Культура и этика» он высказывается не менее категорично: «Этика должна полемизировать с тремя противниками: бездумностью, эгоистическим самоутверждением и обществом». Если сопоставить эти суждения, то приходится сделать вывод, что приверженец этики благоговения перед жизнью вынужден вести полемику с оппонентами не на словах, не на бумаге, а своими действиями, своим образом жизни. И действительно, он признавался в одной из своих бесед: «Я решил сделать свою жизнь своим аргументом. Я должен защищать то, во что я верю, в терминах жизни, которой я живу, и работы, которую я выполняю. Я должен попытаться, чтобы моя жизнь и моя работа говорили о том, во что я верю». Даже то небольшое, что мы уже знаем из краткого биографического очерка жизни Швейцера, позволяет сделать вывод, что в этом плане нам не в чем его упрекнуть. Между тем, заметим проходя, слова у людей не так уже редко расходятся с их делами, и это касается в том числе и известных философов, моралистов, богословов, не говоря уже о политиках или деятелях современного, скажем так, бизнеса. Вспомним хотя бы ответ известного античного моралиста Сенеки на упреки в том, что его жизнь расходится с его учением: «Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить». Но тут мы немного отвлеклись. Хотя сказанное, конечно, непосредственно относится к нашей теме и, в частности, приоткрывает смысл части названия нашего материала о жизни как аргументе.

Что же касается терминологии Швейцера, то здесь необходима постоянная внимательность и осторожность, поскольку традиционные философские, теологические, этические понятия он нередко употребляет, мягко говоря, в нетрадиционном смысле, придает им своеобразные оттенки и специфику, что, впрочем, по своему традиционно и характерно для многих крупных мыслителей прошлого и современности.

Присмотримся поближе к тем трем главным противникам этики благоговения перед жизнью, с которыми она, как трактует ее автор, должна полемизировать.

Первый из них – бездумность. Имеется ли здесь в виду то обстоятельство, что люди нередко плывут по волнам быстротекущей жизни, не мучая себя размышлениями о смысле своего пребывания в этом мире, не стремясь к реализации возвышенных целей и идеалов, не вникая в суть происходящего вокруг и в них самих? Да, это так. Но это еще не вполне раскрывает содержание швейцеровского требования полемизировать с бездумностью в этике. Хотя Швейцер считал себя сторонником рационализма, наиболее основательно развитого мыслителями эпохи Просвещения в XVIII веке, его отнюдь не следует отождествлять, скажем, с проповедниками теории «разумного эгоизма». Рационализм Швейцера особый. Вот как говорит об этом он сам в воспоминаниях «Из моей жизни и мыслей»: «В то время, когда все, что так или иначе считается продуктом рационализма и свободомыслия, выглядит смешным, обесцененным, устаревшим и давно преодоленным, и когда высмеивается достигнутое в XVIII веке представление о неотъемлемых правах человека, я заявляю о своем доверии к разумной мысли» (курсив мой – В.П.).

Но это «доверие» весьма специфично, ибо оно сочетается у Швейцера с мистицизмом, правда, понимаемым тоже несколько нетрадиционно. Поэтому правомерно говорить о своеобразной, единственной в своем роде диалектике мистики и рационализма в мировоззрении Швейцера (см. об этом, например, в книге А.А. Гусейнова «Великие моралисты»). Если традиционно этика истолковывалась как практическая философия или как философская практика, то учение Швейцера выпадает из этой традиции, ибо оно отрицает связь этики с теорией познания, с гносеологией и представляет собой осознанный и рационализированный факт первичности индивидуальной воли к жизни, усиленный мышлением способ существования человека как человека.

Дело в том, что жизнь изначально внутренне противоречива, ибо воля к жизни одного существа неизбежно сталкивается с аналогичной волей других существ, одна жизнь может реализовать свою волю, только разрушая, уничтожая другие жизни. Как говорится, «такова жизнь». Мир представляет собой в этом плане жестокую драму раздвоения воли к жизни. Но человек как разумное существо, осознавшее эту жестокую прозу жизни, противоречащую и, казалось бы, несовместимую с исходным принципом этики Швейцера, может и должен принять ситуацию такой, какова она есть, иметь мужество всякий вред, наносимый жизни, или тем более,

ее уничтожение называть злом, а всякое содействие жизни, ее поддержание и спасение — добром. Поэтому сознательная реализация главного этического принципа должна состоять в практическом содействии утверждению жизни всюду, где это возможно, и в сведении к минимуму вреда, наносимого любой другой жизни.

И поскольку разумный человек понял, что ущерб, наносимый жизни в любом ее проявлении, есть зло, хотя бы оно было абсолютно неизбежно, он должен понять и свою обреченность на то, чтобы жить с нечистой совестью. В этом пункте Швейцер, подобно Канту, придает концептуальный смысл утверждению о том, что чистая совесть есть «изобретение дьявола». Хотя корни такого хода мысли, если бы мы попытались их выяснить, увлекли бы нас в древние философские рассуждения «об изначально злом в человеческой природе» (так называется один из трактатов Канта), в христианскую идею о первородном грехе и, следовательно, о всеобщей греховности рода человеческого, да и в языческие дохристианские мифологические представления. Специфика швейцеровского подхода в данном случае заключается в том, что из рационального осмысления обреченности человека на совершение зла он делает категорические выводы, призывающие к максимально возможному ограничению в реализации этой обреченности.

Таким образом, борясь с бездумностью, этика должна опираться на разум, осознавший, в частности, внутреннюю противоречивость жизни и воли к жизни. Но наше отношение к жизни не может и не должно выводиться из рационального познания мира и жизни. «Мы больше не обязаны выводить наши взгляды на жизнь из знания мира», — утверждает Швейцер. Этика у него предшествует гносеологии. Этика рождается не из познания мира, она должна родиться из мистики, понимаемой как прорыв земного в неземное, временного в вечное. Но неземное и вечное не может быть выражено в языке. Поэтому Швейцер и утверждает, что этика возможна не как знание, а как действие, индивидуальный выбор личности, ее реальное поведение.

Здесь мы подошли ко второму противнику, с которым должна полемизировать этика благоговения перед жизнью — эгоистическому самоутверждению. Указание на необходимость такой полемики, если вдумчиво вчитаться, содержится уже в формулировке исходного принципа этики Швейцера: «...жить среди жизни, которая тоже хочет жить». Беда заключается в том, что человек, нередко уподобляясь низшим формам существования жизни, бездумно,

инстинктивно самоутверждается, не считаясь с волей к жизни других существ, включая даже других людей. Такое безоглядное, бездумное, животное-инстинктивное самоутверждение, лишь прикрываемое иногда демагогическими декларациями расового, этнического, религиозного, политического и т. п. фанатизма, ведет не просто к упадку нравственности, к социальным кризисам и катастрофам вроде локальных и мировых войн, но в перспективе чревато гибелью, самоуничтожением человечества.

Вопрос о полемике с эгоистическим самоутверждением так же не прост, как и все, что связано с мировоззрением Швейцера. Ведь сам он открыто и честно заявляет себя индивидуалистом. Но индивидуализм этот тоже весьма своеобразен, что мы и попытались обозначить, в частности, уже в заголовке нашего материала — «парадоксальный индивидуалист». Пришло время развернуть, пояснить эту формулировку: в чем заключается индивидуализм Швейцера и почему его правомерно характеризовать как парадоксальный.

Швейцера вполне заслуженно характеризуют как одного из наиболее выдающихся гуманистов XX века. Действительно, все его мировоззрение и практическая деятельность пронизаны идеями гуманизма. Однако само понятие гуманизма он тоже трактует по-своему. Противопоставляя индивидуальную этику нравственной личности надындивидуальной, социальной этике, он утверждает, что между ними возникает антагонизм именно по причине различной оценки ими понятия гуманности: *«Гуманность состоит в том, что человек никогда не должен жертвовать собой ради какой-то цели»*. Этика нравственной личности намерена уважать гуманность. Этика общества не способна на это» (курсив мой — В.П.). Эта формулировка не может не озадачить человека, истолковывающего понятие гуманизма традиционно. Но не следует спешить с выводами, вступать в спор, возражать или возмущаться. Продолжим следить за мыслью Швейцера.

«Одобрять мы должны только то, — утверждает он, — что согласуется с гуманностью. Мы прежде всего обязаны свято защищать интересы жизни и счастья человека. Мы должны вновь поднять на щит священные права человека... Фундаментом права является гуманность».

Говоря об эгоистическом самоутверждении как об одном из главных противников этики благоговения перед жизнью, не следует смешивать его с тем индивидуализмом, сторонником которого заявляет себя Швейцер. Его индивидуализм заключался,

по существу, в защите права (и обязанности!) человека самостоятельно, индивидуально, независимо от посторонних факторов решать свои смысложизненные проблемы. Никто и ничто не должно препятствовать реализации этого права. Индивидуализм Швейцера реализовался в его полной самоотдаче делу бескорыстного служения людям в том месте и в той сфере человеческой деятельности, которые он избрал самостоятельно, сознательно и свободно. Он провозглашает и требует предоставления такого права каждому индивиду, отрицая правомерность любых попыток вторжения в чужую душу, подчеркивая безнравственность подобных попыток. По его глубокому убеждению каждый человек должен делать только то, за что он может взять на себя всю полноту ответственности.

Если при этом вспомнить, что Швейцер, провозглашая свободу воли индивида, неоднократно ссылается на библейскую заповедь, запрещающую судить других, то напрашивается вывод, что полемизировать с «эгоистическим самоутверждением», то есть с самоутверждением, не считающимся с правами и интересами других людей, с естественными потребностями и притязаниями всех живых существ, полемизировать, повторяем, с таким поведением сторонник этики благоговения перед жизнью должен прежде всего и главным образом личным примером, своим образом жизни. Чем, по сути дела, и занимался Белый Доктор, реализуя свои умозрительные рассуждения в такой непростой жизненной атмосфере и столь длительное время. Может быть, это уж слишком субъективно, но мне представляется, что в этом пункте этика благоговения перед жизнью в чем-то все-таки перекликается с этикой сторонников антропологического материализма, нашедшей, в частности, свое литературно-художественное воплощение в этике разумного эгоизма Чернышевского-Рахметова, хотя, конечно, в подобной ассоциации имеются свои подводные камни. Впрочем, мы договорились до времени не выносить оценок и не полемизировать, а попытаться восстановить хотя бы в общих чертах, но, по возможности, близко к оригиналу суть и главное содержание мировоззренческих установок нашего героя.

Следует заметить, что свое служение людям Швейцер отнюдь не рассматривал как самопожертвование или самоотречение. Несмотря на многочисленные трудности, препятствия, неудачи, поражения и несчастья, встречавшиеся ему на жизненном пути, он считал себя счастливым человеком, ибо реализовал на практике свои мировоззренческие установки, воплотил в жизнь еще

в юности самостоятельно, добровольно принятый на себя обет, отдал все силы утверждению и защите гуманистических идеалов.

Третьим противником правильной этики, с которым она должна полемизировать, является общество. Казалось бы, в этом случае все ясно: Швейцер — индивидуалист и будучи таковым, он настроен против общества. Но давайте и здесь прислушаемся к аргументации. Мы уже приводили высказывание Швейцера о том, что этика общества, в отличие от этики нравственной личности, не способна уважать гуманность. Она (этика общества) поэтому в принципе антигуманна, ибо преследует цели, стоящие над отдельными личностями и не может учитывать интересы счастья и жизни отдельного человека. Между этими двумя этиками неизбежно возникает конфликт. Втайне признавая превосходство этики нравственной личности, общество всячески старается ущемить ее авторитет. «Этика общества хочет иметь рабов, которые бы не восставали». И это справедливо даже для высокоразвитого общества в состоянии расцвета... Если же общество переживает состояние кризиса, оно начинает оказывать чрезмерно сильное духовное влияние на индивидов, и в этих условиях этика нравственной личности погибает. Но именно таково было состояние современного Швейцеру общества в период между двумя мировыми войнами, когда он работал над своим главным мировоззренческим трудом. Поэтому выводы его звучат вполне категорично.

1. Подлинной этикой является только этика нравственной личности, этика благоговения перед жизнью. Этика общества — не подлинная, она, собственно, и не является этикой.

2. Прогресс этики состоит в том, что мы смело решаемся оценивать этику общества пессимистически.

3. Этот конфликт надо ясно понять и его не следует смягчать. Вопрос стоит только так: или этика нравственной личности доведет этику общества, насколько это возможно, до своего уровня, или она сама будет сведена до уровня этики общества, то есть, перестанет быть настоящей этикой.

Этот третий вывод как бы оставляет надежду на оптимистический вариант преодоления конфликта двух этик. Если этика общества, открыто признав правоту этики нравственной личности, приведет свои требования в соответствие с нормами последней, она сможет приблизиться к настоящей этике.

Поэтому человек может и должен служить обществу, не принося себя в жертву ему. Вместе с тем, человек должен быть

постоянно начеку, постоянно чувствовать недоверие к идеалам, создаваемым обществом, и господствующим в нем убеждениям. Общество преисполнено глупости и намерено обманывать своих членов относительно вопросов гуманности. «Общество — ненадежная и к тому же слепая лошадь. Горе кучеру, если он заснет!» — восклицает Швейцер.

Мы не случайно начали рассмотрение мировоззрения Швейцера с его этических взглядов. Он сам полагал, что история этической мысли представляет собой наиболее глубинный слой всемирной истории. обстоятельно и критично рассматривал развитие этических идей в учениях великих философов прошлого, в религиозных системах, в трудах своих современников. Главной задачей, над решением которой, по его мнению, билась вся предшествующая человеческая мысль, было создание и обоснование оптимистически-этического мировоззрения. Но эта задача так и не была решена, несмотря на многие важные, ценные, правильные мысли и идеи, содержащиеся в этих мучительных исканиях подлинно нравственной мысли. Этика благоговения перед жизнью, по мнению Швейцера, способна решить эту задачу. Мы должны осознать и принять на вооружение как бесспорную истину, что «там, где кончается гуманность, начинается псевдоэтика». Укоренение этой мысли повсеместно, в сознании каждого человека могло бы стать началом новой, светлой и уверенной в будущем эпохи. «Тот день, когда эта граница будет всеми признана и для всех станет очевидной, явится самым значительным днем в истории человечества».

Швейцер последовательно проводит мысль об определяющей роли нравственности в развитии общества. «Среди сил, формирующих действительность, — утверждает он, — нравственность является первой. Она — решающее знание, которое мы должны отвоевать у мышления. Все остальное более или менее второстепенно».

И завершая изложение этических взглядов мыслителя приведем его высказывание, с которым хотелось бы согласиться и которое в какой-то степени оправдывает то обстоятельство, что мы сравнительно много внимания уделяем рассмотрению именно этического аспекта его мировоззрения: «...Любое размышление над проблемами этики имеет своим следствием рост этического сознания». Увы, и в этом пункте наше согласие не может быть полным, поскольку, к сожалению, следствия и результаты размышлений и дискуссий о проблемах морали, как мы знаем, отнюдь не всегда бывают столь однозначно положительными.

Но свои критические замечания, сомнения и возражения, я надеюсь, мы выскажем в заключительной части нашего материала. Пока же продолжим изложение наиболее важных идей и взглядов Швейцера и перейдем к его трактовке проблем культуры и, соответственно, культурологии. Мне представляется, что эта часть мировоззрения ламбаренского доктора («часть», заметим, здесь как условное выражение, поскольку, строго говоря, такой феномен неделим на обособленные «части»), так вот эта «часть» не менее интересна, важна, поучительна и вместе с тем не менее противоречива, как и его учение о нравственности, как и его мировоззрение в целом, во всей его полноте и сложности

Прежде всего, Швейцер попытался определить сущность подлинной культуры, поскольку, как это ни странно, никто до сих пор в мировой литературе не ставил такого вопроса (не могу удержаться от того, чтобы в скобках не выразить свое несогласие с таким утверждением Швейцера. Другое дело — как именно определяли понятие культуры предшественники и современники Швейцера и что именно принимали они за «подлинную культуру»). Свою же концепцию культуры он с полным основанием называет моралистической: «В наиболее общих чертах культура — это прогресс, материальный и духовный прогресс как индивидов, так и всевозможных обществ». Считая конечной (!) целью культуры духовное и нравственное совершенство индивида, создание максимально благоприятных условий жизни, Швейцер отмечает, что человек ведет борьбу за существование «на два фронта»: с природой, ее стихийными силами и — в обществе — с себе подобными, с другими людьми. Отсюда делается вывод, что «и сущность культуры двояка. Культура слагается из господства разума над силами природы и из господства разума над человеческими убеждениями и помыслами».

Называя (в какой-то степени условно) господство разума над силами природы материальным прогрессом (условно, поскольку и этот прогресс также основывается на духовных достижениях человека), Швейцер отдает предпочтение как более существенному и несомненному — *духовному, этическому прогрессу*. Последний же заключается в том, что индивиды и сообщества людей соразмеряют свои желания и поведение с материальным и духовным благом целого, то есть общества, и всех других индивидов, в чем и проявляется их этичность.

Швейцер считает, что понятия «культура» и «цивилизация» по сути дела являются синонимами. А попытки их размежевания

лишь прикрывают желание каким-то образом узаконить понятие неэтической культуры, то есть фактически — бескультурия. И хотя имена авторы такого размежевания не называются, но чувствуется как минимум «камешек» в огород Шпенглера, последовательно разводившего и противопоставлявшего эти понятия, трактуя цивилизацию как умирающую и неподлинную культуру.

С эпохи Возрождения и вплоть до начала XIX века материальный и духовно-этический прогрессы развивались гармонически, как бы соревнуясь между собой. Но с указанного рубежа начинается их «разгармонизация», научно-технический прогресс непрерывно ускорялся и возрастал, в то время как духовно-этический иссыкал и затухал. Общество постепенно, не замечая того, все глубже погружалось в состояние духовного кризиса, различные проявления которого становились все более очевидными.

Отметим вслед за автором хотя бы несколько из этих проявлений, как они ему представлялись. Отказавшись от этической концепции культуры, от разумных этических идеалов, общество оказалось в состоянии, в котором «трудно вообразимое сочетание объективности и необъективности, трезвости и способности восторгаться бессмысленным составляет загадочную и опасную черту в складе мышления нашего времени». Становится обычным сочетание величайшей учености с величайшей предвзятостью, что ярко проявляется, например, в исторической науке. Труды ученых, а вслед за ними и учебники оказываются пронизаны тенденциозностью: «Наши школьные учебники по истории — рассадники исторической лжи».

Закат культуры завершается внешней катастрофой, виновником которой стал национализм, порожденный необъективным историзмом (здесь Швейцер, очевидно, имеет в виду Первую мировую войну с ее катастрофическими последствиями. А ведь недалеко впереди, учитывая, что это написано в 20-е годы, — нечто намного более чудовищное во всех отношениях — Вторая мировая). Что же такое национализм? — задается вопросом Швейцер, и отвечает: «Неблагодарный и доведенный до абсурда патриотизм, находящийся в таком же отношении к благородному и здоровому чувству любви к родине, как бредовая идея к нормальному убеждению». Поэтому сам по себе культ патриотизма, отвлеченный от гуманистических идеалов, должен считаться проявлением варварства, поскольку он неизбежно порождает бессмысленные войны.

Духовное начало в национальных культурах отступает на задний план, выступая лишь в роли маски, за которой скрывается материальный интерес. Национальная культура превращается в орудие пропаганды и статью экспорта, что, в частности, проявляется в трогательной заботе о рекламе: «Так мир становится ареной конкуренции национальных культур, пагубно сказывающейся на собственно культуре».

Как представлялось Швейцеру, его современники были единодушны в том, что причиной состояния полного бескультурья, в котором они оказались, является несостоятельность общественных институтов. Поэтому люди ждут возрождения и расцвета культуры от реорганизации общества.

Но и в этом проявляется полное непонимание сути дела и невероятная путаница, в которой повинен материализм, переворачивающий с ног на голову отношения между духовным и сущим в жизни человека и общества. «Даже от войны ждали, что она обновит нас духовно!» — возмущенно восклицает Швейцер.

В действительности же реальное соотношение диаметрально противоположно: только духовные ценности могут целесообразно воздействовать на формирование действительности. Не случайно, несмотря на огромное многообразие общественных и политических учреждений различных культурных народов — все они пришли, *все без исключения*, — подчеркивает Швейцер, — к одинаковому состоянию бескультурья».

Между тем, даже самые сложные проблемы, целиком относящиеся к материально-экономической сфере, могут быть успешно решены в конечном счете только путем этизации убеждений. Итак, причиной кризиса культуры стала ее оторванность от этики: «На истории нашего времени лежит печать никогда не виданной бессмыслицы». Есть ли выход из этой ситуации? Да. Он в возврате к подлинно этическим идеалам. Но как это можно сделать? Как встать на правильный путь?

Швейцер отмечает предположения, что на смену какой-то одной умирающей культуре придет некая новая культура новой расы, что погибнет не культура вообще, а лишь локальная культура. «Такая точка зрения, — возражает он, — ошибочна. (Заметим в скобках, что это опять-таки камешек в тот же огород концепции локальных культур-цивилизаций.) Культура всего человечества будет неизбежно обречена на гибель, если иссякнет этический дух, вера в возможность возрождения творческих сил челове-

ка. Но этого не должно произойти! В нашем образе мыслей и в идеях, определяющим образом воздействующих на действительность, должна вновь пробудиться этическая энергия». Программу или попытку такого возрождения он называет «экспериментом в мировом масштабе», заслуживающим того, чтобы эту попытку предпринять, поскольку альтернативой ей в конечном счете явится гибель культуры и всего человечества. Только поистине гигантская вера в силу этического духа сможет преодолеть величайшие трудности на пути реализации этой программы. Каковы же главные из этих трудностей?

Первая из них — отсутствие у нынешнего поколения правильного понимания того, что есть и что должно быть. Союз и противоборство бездумного оптимизма и столь же бездумного пессимизма, упадок веры в духовный прогресс человечества, требуют чрезвычайных усилий духа для их преодоления.

Вторая трудность заключается в восстановительном характере предстоящей работы. Дело в том, что в ходе истории использованные идеи, как правило, умирают и заменяются новыми. Но теперь задача заключается в том, чтобы «использованное превратить в неиспользованное», обновить, вдохнуть новую жизнь в, казалось бы, окончательно и бесповоротно отмершие идеалы.

Следующая специфическая трудность на пути возрождения культуры в том, что этому возрождению суждено найти выражение только во внутренних событиях, происходящих в мировоззрении человека, а не во внутренних и внешних одновременно, как это бывало раньше. И в этом деле, увы, нельзя положиться на современную науку, обособившуюся от глубоких философских размышлений и сочетающуюся с «предельно безликим мировоззрением». Также нет оснований уповать на реформы социальных институтов, демократизацию государственных устоев, потерпевших духовное банкротство. «Работая, мы должны уподобиться людям, обновляющим фундамент собора под давлением огромной тяжести его массивных стен. *Гигантская революция должна совершиться без революционных действий*» (курсив мой — В.П.).

Среди трудностей коренного обновления культуры и то обстоятельство, что «носителями движения могут стать исключительно личности, наделенные индивидуальностью». Только этическое движение, — убежден Швейцер, — может вывести нас из состояния бескультурия. Но подлинно этическое начало способно зародиться лишь в индивиде.

Величайшей задачей духа на пути возрождения и развития культуры является создание адекватного потребностям эпохи мировоззрения.

Что такое мировоззрение? — задается вопросом Швейцер. И отвечает: «Совокупность волнующих общество и человека мыслей о сущности окружающего мира, о положении и назначении человечества и человека в нем. Что означает общество, в котором я живу и я сам, живущий в мире? Что мы хотим видеть в нем? Чего ждем от него?» Ответы на все эти смысложизненные вопросы, к которым приходят люди, индивиды, позволяют судить о духе соответствующей эпохи. И именно от личностей, прежде всего — от выдающихся личностей, эпоха получает свои определяющие идеи, которыми затем сознательно или бессознательно руководствуются массы. «Кант и Гегель, — замечает Швейцер, — властвовали над умами миллионов людей, которые за всю свою жизнь не прочли ни одной строки их сочинений и даже не подозревали, что повинуются им».

Но современная эпоха глобального кризиса культуры, — жалуется Швейцер, — столь бедна подлинно глубокими мыслителями, как никакая другая. В результате люди начинают думать, что можно обойтись вообще без мировоззрения, руководствоваться в повседневной жизни случайными идеями, подсказываемыми сиюминутными обстоятельствами. В итоге мы смогли убедиться, что «мировоззрение, заключающееся в отсутствии всякого мировоззрения, наихудшее из возможных и что такое мировоззрение подрывает не только духовную жизнь, но и устои жизни человеческого общества вообще».

Поэтому возрождение культуры в современную эпоху может и должно начаться с возрождения культуротворческого мировоззрения. И первым и главнейшим требованием к нему будет требование, чтобы это мировоззрение было мыслящим. Здесь Швейцер еще раз особо подчеркивает важнейшую роль в решении этой задачи разумного мышления, рационализма, который «представляет собой необходимое явление всякой нормальной духовной жизни. Любой действительный прогресс в мире предопределен, в конечном счете, рационализмом». При этом разум трактуется не как сухой и холодный рассудок, подавляющий побуждения души, а как «совокупность всех функций нашего духа в их живом взаимодействии».

И здесь он вновь возвращается к той мысли, что подлинно рационалистическое мышление неразрывными узами связано

с мистикой, несмотря на их внешнюю несовместимость, взаимоотношение и непримиримую полемику. Так как наше знание в конечном итоге становится осмысленным переживанием жизни, универсальной воли к жизни, то «последовательное, не останавливающееся на полпути мышление так или иначе приходит к живой, логически оправданной и необходимой для всех людей мистике».

Швейцер с горечью отмечает известную правомерность сомнений относительно способности людей к раздумьям о самих себе и об окружающем мире, видит у современного ему человека резко ослабленную потребность мыслить самостоятельно: «Современный человек, — заключает он, — явление патологическое». В принципе же разумному человеку органически присуща способность мышления, которая превращает выработку собственного, выстраданного мыслящего мировоззрения не только в возможность, но и в естественную потребность. И об этом убедительно свидетельствуют не только исторический опыт, но и наблюдения за современными людьми, причем в этом плане особые надежды внушали ему занятия с молодежью (не будем забывать, что Швейцер каждое свое пребывание за пределами Африки использовал и для чтения лекций для студентов самых разных европейских университетов). Это общение с молодежью подкрепляло его веру в возможность — в конечном итоге — торжества разумного начала в человеке и в обществе.

С юных лет нами властно движет влечение к созданию для себя мыслящего мировоззрения, пробуждается потребность в самостоятельных раздумьях. Однако со временем, под грузом повседневных забот и преходящих суетных дел и целей мы, можем быть, непроизвольно позволяем заглохнуть этому влечению, хотя и понимаем, что обедняем себя и становимся менее способными на добрые дела. «Мы похожи на родники, — образно выражает эту мысль Швейцер, — которые, засоряясь все больше и больше, вообще перестают давать живительную влагу».

Он призывает расчистить накопившийся мусор, дать возможность пробиться на поверхность чистой родниковой воде, пробудить живую жизнь на орошенном песке мертвой пустыни. И тысячи родников мышления обретут свою первоначальную силу и позволят сполна утолить ту смертельную духовную жажду, от которой изнемогает современный человек. «Призвание каждого человеческого существа, — делает вывод Доктор, — состоит в том, чтобы, выработав собственное мыслящее мировоззрение, стать подлинной личностью». И это мировоззрение, конечно же, долж-

но быть оптимистическим и этическим, ибо настоящая культура представляет собой результат взаимодействия оптимистического мировоззрения и этики.

И в заключение — кратко о религиозных взглядах и идеях Швейцера. Уже из всего ранее изложенного очевидно, что он был глубоко убежденным религиозным человеком, мыслителем-богословом и практикующим священнослужителем. Вместе с тем, столь же очевидно, что его мировоззрение и в этом плане вовсе не было традиционно-догматическим, даже если вести речь о протестантской разновидности христианской религии, порожденной эпохой Реформации и отличавшейся наименьшими догматичностью и верностью старым канонам.

Со студенческих лет Швейцер проявлял особый интерес к апостолу Павлу, в наследии которого его привлекало прежде всего «абсолютное и непоколебимое уважение к правде». Это было созвучно швейцеровскому пониманию соотношения веры и знания. Он всегда придерживался мнения, что «вере нечего бояться мышления, даже если оно потревожит ее мир и поведет к столкновению, результат которого покажется губительным для благочестия». Швейцер всегда стремился отдавать предпочтение правде, не считаясь с догмами, предрассудками и канонами. В этом отношении его убеждения перекликались с мыслями Махатмы Ганди, признававшимся: «Я поклоняюсь Богу только как истине». Не случайно поэтому, что уже в преклонные годы в своем эпилоге к исследованию Э.Н. Мозли «Теология Альберта Швейцера» он вновь повторит мысль о том, что не может быть настоящей веры, которая боялась бы научного исследования.

Как теолог он настаивает на необходимости различения места и роли в жизни человека и общества религии, с одной стороны, и церкви, — с другой. Любое истинно мыслящее миро- и мировоззрение, по его мнению, необходимо становится религиозным. Этическая мистика открывает перед людьми сущность религии любви, тем самым возвращая разуверившихся в традиционной религии и порвавших с ней, на тропу подлинной веры. А в основе такой веры лежит, естественно, этика благоговения перед жизнью, развившаяся из рационально понятой и свободно принятой мистической воли к жизни.

Все мировые религии по существу так или иначе восходят к этой основе. Смысл религиозной проповеди Иисуса Христа, историчность личности которого он безусловно признавал вместе

с пониманием конкретно-исторической обусловленности его (Христа) взглядов духом того времени и той среды, в которой велась эта проповедь. Глобальный смысл христианства Швейцер видел в возможности общения человека с богом только через любовь к людям, только через самоотдачу им самого себя.

Между тем, исторические церкви и теологи, по мнению Швейцера, не пожелали признавать и проводить в жизнь эти основополагающие принципы христианства, отвернулись от бед и страданий человека и человечества и в результате утратили всякое влияние в мире. Поэтому уже в 1934 г. Швейцер был вынужден констатировать: «Первый вопрос, на который надо ответить, это вопрос, является ли религия силой в интеллектуальной жизни нашего века? Я отвечаю — нет... Доказательство? Война». Мы можем заметить, что прошедшие с тех пор более чем 70 лет, как это ни печально, лишь приумножили эти доказательства.

Но церковь может вернуть утраченное влияние и положительную роль в истории, так же как и государство, если эти социальные институты будут преобразованы в институты этические и духовные, сознательно руководствующиеся и проводящие в жизнь идеи благоговения перед жизнью, идеи оптимистического миро- и жизнеутверждения. Швейцер верит в реальную возможность такой перспективы и сознает невероятную сложность ее осуществления. Но альтернативой этой возможности является неизбежная гибель культуры, а с ней и всего человечества. Подводя итоги своим безрадостным размышления на эту тему, наш гуманист из последних сил стремится остаться оптимистом: *«Мое знание пессимистично, но моя воля и моя надежда оптимистичны»*.

«Знание» Швейцера было пессимистичным, в частности, потому, что, считая себя агностиком, утверждая невозможность рационального познания мира как целого, понимания «смысла всего», он в то же время исповедовал миро- и жизнеутверждение и этику благоговения перед жизнью. При этом он говорил о себе, что «первым в европейской мысли отважился признать этот в высшей степени удручающий результат познания и принять скептический взгляд на наше знание о мире, не отвергнув при этом миро- и жизнеутверждение и этику... *Всякое мировоззрение, которое не основано на отрицании постижения мира, является искусственным»* (курсив мой — В.П.).

Что же касается нередких в современной богословской литературе обвинений Швейцера в «еретизме», то здесь мне хотелось

бы ответить устами современного нашего отечественного священника и богослова: «Ибо все мы еретики перед Богом, поскольку все несовершенны в своих знаниях, и в чистоте жизни. Поэтому одним еретикам судить других – заранее бесперспективное занятие» (*Священник Филипп Парфенов. «Если ересь – грех, то любой грех есть ересь» // Империя Духа. Журнал о религии, № 2, март-апрель 2009, с. 9).*

О политических и правовых взглядах Швейцера мы упоминали при изложении его биографии и приводили его высказывание, объяснявшее стремление Белого Доктора не ввязываться в политические распри современности, а решать возникающие проблемы последовательным воплощением гуманистических принципов в своей собственной личной повседневной жизни и деятельности. Тем не менее, такое «воздержание» от публичных выступлений он был вынужден нередко нарушать, что особенно наглядно проявилось в его активном участии в развернувшейся после Второй мировой войны всемирном движении ученых за мир, за прекращение гонки вооружений, за запрещение оружия массового поражения и т. п. Но по важнейшим политико-правовым вопросам ему приходилось выступать и ранее. Так, еще в двадцатые годы он активно поддерживал африканцев, борющихся за национальную независимость. Например, в статье «Отношение белой и цветной рас» он выдвигал ряд требований, близких к тем, которые содержались в программах первых национально-освободительных партий Африки. Среди них – предоставление африканцам права на проживание, т. е. гарантированное право человека жить там, где он родился и где его жизнь будет протекать в естественных для его этноса условиях, право свободного передвижения по своей стране, предоставления права на землю местным жителям и т. п.

Не будучи принципиальным противником колониализма как такового, Швейцер развивал идеи о возможности «гуманистического колониализма» и, несмотря на утопичность подобных идей, всей своей практической жизнью стремился реализовать их, рассматривая свою практику как хотя бы минимальную компенсацию за все те беды и страдания, которые принесла народам Африки колониальная политика «цивилизованных» стран. Примером своей жизни Белый Доктор стремился доказать жизнечность и реалистичность своих гуманистических идеалов.

ОБСУДИМ? ПОСПОРИМ? ОЦЕНИМ?

По правде сказать, мы уже давно начали и обсуждать, и спорить, и оценивать, делая это пока еще не самым явным образом. В самом деле, ведь знакомясь с биографией, а затем и с основными мировоззренческими идеями Швейцера, мы, хотя и пытались всячески избегать преждевременных вопросов, возражений, недоумений и т. п., не смогли удержаться от того, чтобы то ли в скобках, то ли «в уме» не предьявлять претензии и не давать напрашивающихся оценок. Попробуем теперь легализовать свою реакцию на все ранее высказанное с учетом мнений хотя бы некоторых лиц, более нашего компетентных в обсуждаемых вопросах и более обстоятельно знакомившихся с наследием А. Швейцера. Это тем более уместно и желательно, поскольку к сему приглашает сам виновник наших размышлений. Цитирую: «Высочайшая честь, которую только и можно оказать философской системе, состоит в том, чтобы подвергнуть ее безжалостному анализу на предмет содержания истины точно так же, как проверяют закалку стали». Это цитата из его книги о мировоззрении индийских мыслителей, в которой критическому анализу подвергается философско-религиозно-этическая мысль Индии с древнейших времен и вплоть до XX века. Автор приходит к выводу, что, несмотря на свою славную многовековую историю, «индийская мысль находится лишь в начале своего преобразования», поэтому она пребывает все еще в состоянии наивности, «гордится собой и занимается распространением своих идей в мире».

«Но глубокая мысль скромна, — замечает Швейцер. — Она озабочена только тем, чтобы поддерживаемое ею пламя истины было сильным и чистым, а не тем, чтобы свет от него был далеко виден». Ну что тут скажешь?

Во-первых, всякая подлинно философская мысль в той или иной форме «гордится собой» и «занимается распространением

своих идей». То же самое можно сказать практически и о любой другой «мысли» — подлинной или неподлинной, философской или нефилософской, претендующей на признание или даже на несогласие с ней в обществе.

Во-вторых, именно в индийской мысли Швейцер нашел одну из самых ранних, ясных и четко высказанных формулировок главной своей философско-этической заповеди о благоговении перед жизнью как таковой. Не случайно он приводит древнюю джайнистскую молитву, идущую еще из III-го века до н. э.: «Все святые и боги прошлого, настоящего и грядущего так говорят, возглашают, глаголют: «Да не убий, не причини насилия и зла, и муки, не преследуй живое существо, любое существо, любое творенье, любую тварь, имеющую душу, любое существо живущее». Это чистая, вечная и навечно заповедь религии, провозглашенная мудрецами, понимавшими мир.

Но вернемся к наследию Швейцера. Прежде всего, массу недоуменных вопросов и категорических возражений вызывает уже этот исходный, основополагающий тезис нашего мыслителя о необходимости «благоговейного отношения к жизни» как таковой, независимо ни от каких обстоятельств. Автор многократно, настойчиво, страстно провозглашает эту свою главную мысль в самых различных вариантах.

Но позвольте. Ведь если хотя бы немного задуматься над смыслом этой идеи, то мы придем к выводу, что каждый человек, если он хочет оставаться настоящим человеком, разумным и моральным существом, просто обязан «благоговеть» перед всеми и всяческими (бесчисленными и бесконечно многообразными) формами жизни, которые напрямую, непосредственно несут в себе смертельную угрозу самому существованию человека, не говоря уже о его здоровье или благополучии. Как-то вот не позоывает меня (и одинок ли я в этом случае?) «благоговеть» перед тифозными (да и прочими) вшами, клопами, блохами, тараканами, крысами, болезнетворными и смертельно опасными микробами, бактериями и т. п. (знатоки могут составлять подобные перечни, доводя их практически до бесконечности). Правда, наш гуманист словно «разрешает» нам уничтожать подобные проявления жизни, но только при одном непременном предварительном условии — признании таких действий человека безусловным злом и, соответственно, ограничивая их масштабы жизненно необходимым минимумом. Значит, нельзя, не надо

убивать «лишнего» малярийного комара, ядовитого паука или клеща, таракана или мухи?

Приходит на память и, может быть, уместно здесь «для разрядки» привести коротенький анекдотец из изданного еще в 1769 г. российским профессором Н.Г. Кургановым учебного пособия «Российской увеселительной грамматики, или Всеобщего письмословия...с присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей». Вот вкратце его суть. Некий шут, будучи летом в одной беседе с пастором, спросил того: «Не грешно ли, батюшка, бить мух?» Поп на то отвечал: «Какой грех! Эту негодную тварь я разрешаю бить, где бы она ни была». Шут, увидев муху на лбу пастора, подошел к нему и дал тому такой пляск, что всю компанию рассмешил.

Но мы размышляем здесь отнюдь не о смешных, а об очень серьезных вещах. Всякая жизнь хочет жить, убеждает нас Белый Доктор (он же, не будем забывать, одновременно и пастор, и миссионер), – и человек, как единственно разумное на планете существо, сознавая и признавая эту аксиому, может и должен предельно ограничить свою «жизнеуничтожающую» деятельность и, напротив, всячески содействовать созданию максимально благоприятных условий для продолжения существования всех и всяческих форм жизни.

Подобные рассуждения звучат, на мой взгляд, особенно парадоксально в устах высококвалифицированного практикующего врача, более кого бы то ни было осведомленного о многообразии опасных для здоровья человека, а нередко и просто смертельных для него организмов. Именно поэтому мне представляются по меньшей мере нелогичными такие эпизоды из жизни Белого Доктора, как например, его трогательная забота о сохранности и нанесении вреда термитам при постройке очередного корпуса в его больничном комплексе в Ламбарене. Ведь эти спасенные им насекомые в последующем «благодарили» своего спасителя, в частности, приумножением количества его пациентов и осложнением процесса их лечения. И подобных примеров из его жизни и практики можно привести множество, в частности, знакомясь с деталями его быта в джунглях экваториальной Африки.

Правда, как говорится, всяк по своему с ума сходит. Вот недавно появились сообщения о новой моде в полуродной для Швейцера Германии – вместо аквариумов или певчих птиц там стали разводить «домашних муравьев», доставляющих хозяевам новые и весьма «приятные» и интересные развлечения. Инте-

ресно, как бы отнесся к подобной моде герой нашего очерка? Но вернемся к его наследию.

Что же получается, однако? Неужели в самом фундаменте, в основном положении, выражающем суть мировоззрения одного из самых выдающихся гуманистов XX века, нет рационального зерна?!

Думается, что такое зерно, конечно же, есть. Я понимаю это основоположение как призыв к человечеству задуматься над тем, как можно и нужно максимально ограничить вред, ущерб, неизбежно наносимый человеком живой (да и неживой тоже, о чем, правда, у Швейцера говорится сравнительно мало) природе в ходе развития цивилизации. Причем, может быть, даже термин «развитие» в этом контексте уместно заменить другим, более нейтральным, скажем, «функционирование»... Это призыв поразмыслить над тем, что человек нередко бездумно и бесцельно, как бы попутно, подчас чуть ли не в развлекательных целях, наносит колоссальный ущерб планете и, в частности, многообразным формам существования жизни на Земле. Достаточно упомянуть, к примеру, о пылающих каждое лето на всем земном шаре гигантских лесных пожарах, причиной которых, в 90% случаев является так называемый «человеческий фактор», т. е. либо следствие «культурного отдыха на природе», туризма и т. п., либо просто небрежно брошенного окурка или непогашенного костра охотников, рыболовов, геологов, лесорубов...

Если попытаться от частных примеров перейти к обобщенным размышлениям на эту тему, картина получится более чем впечатляющей. А ведь это, однако же, только одно, да и, пожалуй, не самое масштабное проявление бездумного и бездушного отношения «хомо сапиенс» к природе, к живой материи, а в конечном счете, и к самому себе. Поистине, люди «не ведают, что творят». Или все-таки – ведают?

Императив Швейцера можно истолковать и в том духе, что им сознательно выдвигаются заведомо нереалистические требования к образу жизни и поведению человека с учетом того обстоятельства, что, стремясь в идеале к выполнению невыполнимого гуманного максимума, человек сможет на деле, в повседневной жизненной практике избежать противоположной крайности, к которой он нередко склоняется в своих поступках. Ведь вот, к примеру, христианская заповедь о всеобщей любви, в том числе – и любви к врагам, казалось бы, очевидно нереализуемая в сознании и поведении человека, все же настраивает его

на гуманный лад, на размышления о том, что зло не побеждается злом, насилие — насилием и т. п. Или возьмем другой пример из совсем другой сферы. Лозунги революционного бунтарского студенчества Европы 60-х годов XX века: «Будьте реалистами: требуйте невозможного!» конечно же, не могли быть истолкованы в буквальном смысле и приняты на вооружение трезво мыслящими людьми. Ведь если нечто действительно и поистине «невозможно», то этого бессмысленно «требовать». Так, казалось бы, подсказывает здравый смысл и элементарная логика. Но фокус в том, что в жизни иногда бывает так, что нечто кажущееся нам невозможным на деле оказывается исторически не только возможным, но даже необходимым. Чтобы не ходить далеко за примерами, подтверждающими сказанное, достаточно напомнить факты нашей недавней отечественной истории. Распад Советского Союза, его исчезновение с карты мира как великой державы мало кому в нашей стране, да и в мире в целом, скажем, в 70-е–80-е годы казались событиями «возможными». И что же? Какие-то неведомые (или ведомые?) силы истории превратили-таки эту невозможность в реалии конца XX-го — начала XXI века. А у нас теперь есть почва для размышлений и споров о причинах этого распада, о том, был ли он неизбежен и неотвратим, об исторических уроках, которые нам необходимо извлечь, о вечных российских «граблях», на которые нам так не терпится всякий раз наступить еще и еще раз. Ну да это отдельная тема. И в каком-то плане еще более глобальная, чем обсуждаемая нами теперь.

С подобными вариантами понимания и трактовки заповедей и проповедей Доктора, конечно, можно было бы согласиться. И всё же трудно отделаться от мысли о некоторой наивности, что ли, либо безосновательной оптимистической сентиментальности великого гуманиста, заявлявшего, как мы упоминали ранее, о том, что его мышление пессимистично, а дух (чувства?) — оптимистичны... Несмотря ни на что, он был уверен, что именно ему удалось четко сформулировать принцип, указывающий человечеству единственно верный путь выхода из глобального кризиса. Более того, невзирая на все катаклизмы XX века, он полагал, что его «этика благоговения перед жизнью» уже практически утверждается в действительности. «Мне дано пережить, — с удовлетворением признавался Швейцер, — как этика благоговения перед жизнью начала прокладывать себе дорогу в мире. Это позволяет мне быть выше всего, что могут поставить мне в упрек

или причинить». Разумеется, с заключительной фразой этого высказывания трудно не согласиться. Действительно, никакие даже самые справедливые упреки и практические замечания не могут отменить или умалить его гуманистических заслуг, не могут нанести ущерб репутации этого Человека. Но вот что касается его утверждения, будто «этика благоговения перед жизнью» начала прокладывать себе дорогу в мире еще до ухода из него нашего мыслителя, то последние сорок с лишним лет, увы и к сожалению, позволяют сильно усомниться в истинности этой высказанной им мысли. Подлинные жизнелюбы, самоотверженные и деятельные, высоконравственные и активные настоящие человеколюбцы, альтруисты, самоотверженные труженики во благо ближнего и всего живого на земле всегда были; есть они сегодня и, будем верить и надеяться, не исчезнут в обозримом будущем. Но вот прибавляется ли их число в общечеловеческой массе, растет ли их удельный вес во все возрастающем количестве народонаселения планеты, становится ли их все больше и больше, — вот в этом, увы, приходится усомниться, наблюдая и являясь вольным или невольным участником текущих событий.

К сожалению, нельзя не признать, что печальнейшая статистика злобнейших и откровенно циничных проявлений бесчеловечности, жестокости, насилия и т. п. как в Отечестве нашем, так и в мире в целом, имеет достаточно стабильную тенденцию к росту. Все без исключения СМИ сегодня переполнены иллюстрациями, примерами, образцами, подтверждающими (а то и целенаправленно и эффективно насаждающими) подобный ход рассуждений и действий потребителям этой продукции. Печально, но факт. И, как с древнейших времен нас учили юристы, видимо, надо задумываться над тем, кому это все «выгодно»... Я очень хотел бы ошибиться в своих представлениях о перспективах человечества и родного Отечества в частности, но пока, по крайней мере, вот с таких глобальных позиций и масштабов — не вижу серьезных и достаточных оснований для исторического оптимизма. Впрочем, и наш герой ведь честно признавался, что «мышление его пессимистично»... Повторю: очень хотелось бы ошибиться в своем пессимизме, но и молчать сегодня об этом, смиряться с кажущимися очевидными фактами, думаю, нельзя. Ведь не исключена возможность, что найдутся-таки мыслящие люди, которые смогут убедительно и доказательно опровергнуть это беспросветное нытье. Да еще и опирающееся на авторитеты. И найдутся соответству-

ющие «факты», «статистика», «действия», «лозунги-призывы», «результаты-итоги» и т. п.

А вот Швейцер и в этом пункте уповает на возрождение старого доброго, а точнее — на появление принципиально нового варианта рационализма: «Я осмеливаюсь заявить всему человечеству, что оно не должно полагать, будто с рационализмом покончено... Когда оно совершит все мыслимые глупости и окажется на грани материального и духовного краха, ему ничего не останется, как довериться новому рационализму, более глубокому и действенному в сравнении с прежним, и искать в нем спасения».

Ну, что касается возможности совершения человечеством «всех мыслимых глупостей», то мне представляется, что оно (человечество) давным-давно уже реализовало эту возможность и, во многом повторяясь с упражнениями в мыслимых, постепенно, и опять-таки на сегодняшний день неоднократно, переходит, приступает, совершает глупости, еще недавно казавшиеся немислимыми либо абсолютно бессмысленными. Каков возможный финал подобных «упражнений», в общем виде нетрудно предсказать, а частности, детали, конкретные варианты такого финала — вещь в данном случае второстепенная... Впрочем, и сам этот финал, и его вероятные конкретные варианты предсказаны давно как в мифах и религиозных апокалипсисах, так и в социально-философских прогнозах, не говоря уже о научной (и не очень), и фантастической литературе (соответственно, кинофильмах, спектаклях, компьютерных играх и т. п.).

Упование же Швейцера на возрождение и обновление старого доброго рационализма, на возможность пересоздания, пересотворения его в обновленном, улучшенном варианте является, на мой взгляд, всего только еще одним убедительным, да и, пожалуй, лишним подтверждением идеалистического в целом характера его мировоззрения. Но с другой стороны, так же еще одним, и в этом случае, пожалуй, совсем не лишним доказательством того, что и человек твердых идеалистических воззрений может с успехом строить практически-созидательную линию жизни, несмотря на и вопреки бесчисленным и серьезнейшим материальным и духовным препятствиям на этом пути. Подозреваю даже, что сторонники идеалистического мировоззрения попытаются заявить в этой связи, что только на путях идеализма и возможно подлинное творчество и созидание. Я на этот счет придерживаюсь другого мнения, которое здесь и выражаю.

Как материалист, так и идеалист по своим философским взглядам в реальной жизни вполне могут проявить себя как порядочные и благородные люди, устремленные на созидание, творчество и т. п., так и, к сожалению, как совершенно аморальные и антигуманные, деструктивно ориентированные (если говорить о крайностях и противоположностях) субъекты. Как сказано в христианском священном писании, «по делам их узнаете их». Впрочем, в определенных ситуациях и само Слово может быть не менее значимым, чем «дела»... Для одних в начале было Слово, для других – Дело, для третьих – их органическое единство. Что же касается Швейцера, то вся его жизнь доказывает, что в этом вопросе он присоединялся скорее не к Евангелию от Иоанна («В начале было Слово...»), а к весьма уважаемому им И.В. Гёте («В начале было Дело!» или в другом переводе – «В Деянии начало бытия!»). По свидетельству В.А. Петрицкого, известного советского философа, исследователя наследия Белого Доктора: «Именно эти слова сделал главным девизом своей жизни и этики Альберт Швейцер». В связи с этим требует особых оговорок и уточнений и оценка мировоззрения Швейцера в целом как идеалистического, которая хотя и принципиально, в общем виде верна, но нуждается в пояснениях и конкретизации.

Утверждение относительно возможности различных вариантов жизненного поведения материалистов и идеалистов распространяется не только на них. Это же можно сказать о верующих и неверующих, бескомпромиссных богословах и воинствующих атеистах и т. п. В каком–то плане эта мысль может представиться очевидной и банальной, однако в глубокой своей основе обозначенные здесь вопросы не столь просты и однозначны, как может показаться с первого взгляда. Ведь не случайно же по всем мировоззренческим, смысложизненным, «вечным» проблемам в истории мыслящего человечества идет многовековая ожесточенная полемика, к сожалению, отнюдь не всегда ведущаяся только посредством духовного противостояния сторон. По понятным причинам мы не можем вдаваться здесь в эту интересную и чрезвычайно сложную область, но, возвращаясь к размышлениям о мировоззренческих позициях Швейцера, попытаемся кратко и в том же критическом ключе, рассмотреть его последующие этические идеи, которые развивают и конкретизируют его основной тезис. Речь пойдёт прежде всего о таких фундаментальных, базовых этических категориях как *добро и зло*.

Правда, ряд его высказываний (как и попутных собственных замечаний и недоумений) на эту тему мы уже приводили. Да простит нас благосклонный читатель за, может быть, назойливое повторение ранее сказанного и да покритикует за это же читатель, настроенный более строго.

Исходный и ключевой пункт взглядов Швейцера на проблему добра и зла, надеюсь, мы уже усвоили и помним хорошо. Он прост и понятен, этот пункт, он неоднократно высказывался автором, и мы уже цитировали его идеи на этот счет. Напомним все же, что он считает добром все то, что содействует продолжению и процветанию всяческой жизни, а злом, соответственно, все то, что эту самую любую жизнь притесняет, губит, уничтожает, препятствует так или иначе ее стремлению жизни к самоутверждению, самосохранению и т. п.

Не останавливаясь здесь на извечных разногласиях профессионалов-специалистов по этике в понимании и определении сути и содержания этих понятий, согласимся прежде всего с тем, что во всех случаях добро есть нечто многозначашее и безусловно положительное в человеческой жизни, а зло — нечто ему противоположное, столь же значимое, но оцениваемое безусловно отрицательно. Поэтому настоящее добро всегда и для всех есть нечто желательное и приветствуемое, а зло — нежелательно, противно нашим устремлениям и потому порицаемо. Человек, творящий добро, соответственно и по справедливости называется добродетельным, либо «добродетелем», а творящий зло — злодеем, «злодеем». Примеряя эти, пусть и несколько примитивные, но общепринятые рассуждения к только что изложенным идеям нашего мыслителя, мы с необходимостью должны прийти к выводу, что каждый и любой человек вольно или невольно бывает в своей жизни, поведении, действиях и т. п. не только добрым, но и непременно и неизбежно злым, злодеем, злодеем. В этой, на первый взгляд, неприемлемой для нас мысли, собственно нет ничего нового и неожиданного, особенно если не забывать о том, что Швейцер, кроме всех прочих его социальных ролей, еще и священник, богослов, протестант, христианин, миссионер (правда, мы уже упоминали, что многие известные ортодоксы не без оснований упрекали его в ереси и отказывали даже в праве называться христианином. Но это — особая и непростая тема). А ведь, согласно христианскому учению, все люди без исключения грешны, являются

носителями и жертвами первородного греха, допущенного изначально нашими прародителями.

Мы не обсуждаем здесь богословские проблемы, но, наткываясь на них при анализе мировоззренческих позиций нашего героя, было бы, думается, неправильно не учитывать и этих корней его взглядов — религиозно—традиционных. Новаторство его в этом пункте, как представляется, заключается только в том, что понятие греха он обозначает практически его синонимом, правда, более понятно и резко выражающим нравственно—отрицательный характер этого проявления изначальной природы человека. Спросить у людей вслед за основателем христианства: «Кто из вас без греха?» или, следуя Швейцеру (и Канту), провозгласить лозунг: «Чистая совесть есть изобретение дьявола» — будет по существу разными выражениями одной и той же идеи. Зло (грех, греховность) изначально заложены в человеческой природе. И осознавший это человек, понимающий сущность и неизбежность существования зла и греха в своей жизни, должен, обязан всячески стремиться если не к полной их ликвидации и уничтожению в себе и ближних, то к максимально возможному ограничению проявлений или к максимально возможному уменьшению масштабов и форм их проявления. Думается, повторюсь, в этом ходе рассуждений нет ничего принципиально нового.

Но если так категорично формулировать подобные идеи, то мы неизбежно приходим уже к совершенно неприемлемым, как мне представляется, размышлениям и выводам. Одним из таких выводов (на него неоднократно выходит и наш герой) при анализе бед и трагедий человеческой истории и попытках вскрыть их причины и истоки, является идея о том, что все люди без исключения одинаково виновны во всех этих бедах.

На этом я хотел бы остановиться особо. Замечу сразу же, что идеи подобного рода высказывались ранее и высказываются в наши дни многими авторитетными и высокоуважаемыми людьми. Да и Швейцер, пожалуй, не был первым автором такого хода мысли. Но все-таки у него это изложено особенно четко и однозначно. И поэтому нам не обойтись без подтверждающей это цитаты: «Став суперменами, мы стали чудовищами. Мы допустили, чтобы массы людей — во Вторую мировую войну число их достигло двадцати миллионов (заметим, что здесь ошибка в сторону значительного преуменьшения жертв этой войны, ошибка, в которой, конечно же, не повинен автор. Но мы-то сегодня знаем цифры и точнее,

и намного страшнее!) — были убиты, чтобы целые города с их обитателями были сметены с лица земли атомными бомбами, чтобы огнеметы превращали человеческие существа в пылающие живые факелы. Мы знаем об этих событиях из газет, но судим о них в зависимости от того, приносят они успех той группе наций, к которой мы принадлежим, или приносят успех нашим врагам. И даже соглашаясь, что подобные действия есть проявления бесчеловечности, мы оправдываемся, что события войны вынудили нас допустить это».

Это отрывок из нобелевского обращения лауреата от 4-го ноября 1954 года. И поскольку оно адресовано всему человечеству в целом, следует воспринимать его и как непосредственное обращение, взывание к совести и разуму каждого сознательного землянина. Видимо, швейцеровское «мы» в этом контексте так и следует воспринимать и истолковывать: «мы» — земляне, «мы» — современники-человеки. Это о нас, *о каждом из нас* сказано, что мы разделяем вину в варварстве с другими. Поэтому, заключает Швейцер, *«сегодня существенно, чтобы мы все признали себя виновными в бесчеловечности»* (курсив мой — В.П.).

Мне представляется, что подобные рассуждения вводят людей в заблуждение, дезориентируют их, тем более, если они звучат из уст уважаемых, авторитетных, всемирно известных личностей. Ведь если в чем бы то ни было повинны «все», это автоматически означает, что конкретно никто не виноват. Между тем, вопрос «Кто виноват?» — один из вечных вопросов отечественной (да и всемирной) истории. Но предлагаемый здесь ответ по существу снимает его. *Никто ни в чем не виноват, ибо во всё виноваты все.* Как тебе, дорогой читатель, нравятся такие выводы? Странно, что они периодически признаются, обсуждаются, оспариваются, в том числе и в нашем случае.

Что Швейцер в этом своем утверждении не одинок, подтвердим хотя бы одним небольшим, но весьма, на мой взгляд, показательным высказыванием одного из авторитетнейших представителей отечественной культуры XX века. Размышляя на очень важную тему ответственности каждого гражданина за судьбу своей страны, Д.С. Лихачев, в частности, указывал: «Ни один человек не может сказать, что на нем нет вины за то, что происходило в последние десятилетия. Подчеркиваю: все без исключения. Это моя принципиальная точка зрения...» (*Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. М.: 2006, с. 135*). Но если мыслители та-

кого масштаба подобные идеи высказывают и как-то обосновывают их, значит, в них не может не быть «рационального зерна», не так ли? Мы вынуждены тем самым это зернышко истины раскапывать, додумываться до него. Так, может быть, в этом подталкивании к размышлениям и спорам и заключается смысл и назначение того, что на первый взгляд представляется нам очевидной псевдоистиной? Мне, однако, думается, что такая разгадка была бы слишком примитивной и в какой-то мере оказалась бы проявлением неуважения к оппоненту. Ну что же, попытаемся заглянуть поглубже, осознавая при этом нетривиальность задачи. Но ведь наш автор не уставал призывать нас к рационализму и к проверке экзаменом разума любых высказываний и рекомендаций. Так что мы стараемся и в данном случае скрупулезно следовать заветам Швейцера, среди которых — анализ и критика идей независимо от их автора должны предвещать их одобрение или неприятие.

Итак, зло есть зло, а добро есть добро, и никакой «смеси» их не существует в реальности и, следовательно, не следует допускать ничего подобного в размышлениях о них. И то, и другое представляют собой некое качество человеческого поведения и не могут иметь каких-либо количественных характеристик. Добро или есть, или его нет. Его не может быть много или мало. Надо думать, что аналогичным образом дело обстоит и со злом. Всякий поступок представляет в своей основе либо проявление и реализацию добра, либо — зла. И опять-таки я не могу согласиться с подобным ходом мысли. Если уж нечто реально существует, то оно, на мой взгляд, с необходимостью обладает как качественными, так и количественными характеристиками. Я не могу приравнять, отождествить, к примеру, принесение в жертву аллаху барана, как это делают мусульмане в свой религиозный праздник, и принесение «в жертву» расистски-националистическим идеям фашизма миллионов людей в концентрационных лагерях. Я не могу приравнять как якобы одинаково вредные проявления зла улов рыбака или даже всей совокупности жертв «рыбачества» на земле с «уловом» и жертвами даже одного террористического злодеяния, не говоря уже о жертвах терроризма во всемирном масштабе. Надо ли конкретизировать далее ход моих рассуждений? Или все-таки сказанного достаточно, чтобы сделать вывод по обсуждаемой в данном случае теме? Мне представляется, что достаточно. Поэтому перейдем к следующему пункту взглядов Швейцера — *о соотношении этики и общества.*

Как последовательный индивидуалист, он изначально скептически и с подозрением относится к обществу, о чем мы уже упоминали ранее. Но тут беда еще и в том, что само понятие общества уж очень неопределенно и многозначно, и употребляя его весьма часто, Швейцер отнюдь не всегда дает понять, о каком именно «обществе» идет речь в данном конкретном случае. Вот, к примеру, читаем в одном из авторитетных вузовских учебников: «В этической критике общества Швейцер бескомпромиссен. Он говорит: «Гибель культуры происходит вследствие того, что создание этики перепоручается государству» (*Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. — М.: 1998, с. 221, 222*) Приводя перед этой цитатой размышления нашего «парадоксального индивидуалиста» о том, что его этика есть этика личности, что она может реализоваться только в индивидуальном выборе, что, как только этика начинает выступать от имени общества, она перестает быть этикой, авторы учебника полагают, что выдвигаемые в обоснование этих идей аргументы достаточно убедительны и не высказывают никаких оговорок, возражений или несогласия. Однако мне представляется, что здесь не лишним было бы и то, и другое, и третье.

В самом деле, если даже отвлечься от расплывчатости содержания этого понятия, нельзя не заметить, что мыслитель неправомерно отождествляет (или не различает?) понятия «общества» и «государства», что совсем не одно и то же практически при любом толковании смысла этих слов. Конечно, начиная с какого-то определенного исторического момента одно не существует без и вне другого, так что создаются предпосылки для смешения или отождествления понятий общества и государства. Но для обсуждаемого нами сейчас вопроса важнее то обстоятельство, что реальный процесс формирования человека (а следовательно, и его этики) просто немислим вне и без влияния и общества, и государства. Ибо человек, уже по Аристотелю, есть «политическое (по-нашему — «государственное») животное». А «жить в обществе, — вспомним классиков марксизма, — и быть свободным от общества нельзя». Не представляется возможным поэтому изолировать индивидуальный выбор субъекта от влияния на него как государства, так и общества в самых различных их проявлениях. Большой и отдельный разговор еще и о том, что как государство, так и общество всегда были, остаются на сегодняшний день и в неопределенной исторической перспективе будут оставаться весьма многообразными и противоречивыми образованиями.

Этот аспект его взглядов не остался незамеченным специалистами. «В своей концепции он странным образом не придавал сколько-нибудь существенного значения различиям в строении общества, его форм, — отмечает, к примеру, А.А. Гусейнов. — И это, пожалуй, самый слабый пункт его мировоззрения: в нем гуманность оказалась противопоставленной праву, живое служение людям — профессионально организованной деятельности, индивидуальный выбор — общественному. Путь его этики не совпадает с магистральной дорогой, она намечает боковую тропу. И с этой точки зрения уход Швейцера в африканский девственный лес оборачивается иной символикой — знаком того, что этический выбор можно реализовать лишь вне существующей цивилизации» (Гусейнов А.А. *Великие моралисты*. М.: 1995, с. 255).

Добавим к сказанному, что сам Швейцер отнюдь не отрицал возможности положительного воздействия на государство и общество созидательно-творчески ориентированной личности и в своей как практической, так и теоретической деятельности всячески содействовал этому. Не лишним будет добавить здесь еще и то соображение, что в его поистине героической гуманной миссии в Африке в немалой степени принимали активное участие как отдельные самоотверженные личности, так и самые различные общества и сообщества, возникавшие по всему миру, начиная от знаменитого «Братства Боли», «Международной ассоциации друзей Альберта Швейцера» и заканчивая различными другими обществами содействия Швейцеру. Надо думать, что даже в этих супергуманных по своим целевым установкам сообществах разные люди принимали участие, руководствуясь самыми разными соображениями личного порядка. Но, по видимому, судить об этом и давать нравственные оценки было бы справедливо, конкретно рассматривая каждый отдельный такой случай. Известно, например, что некий миллионер из Соединенных Штатов предлагал Швейцеру взять на свое обеспечение все материальные потребности его лечебного комплекса. Но Швейцер отказался от этого «благодейния» (подозреваю, что не в последнюю очередь из соображений сохранения своей полной материальной независимости). В то же время грошовые пожертвования от бедных старушек он всегда принимал с благодарностью.

Что же касается мотивов выбора лично Белым Доктором места приложения и реализации своих взглядов и теоретических

размышлений, то они так и остаются все еще загадочными и не до конца проясненными, несмотря на неоднократные его личные объяснения и многочисленные попытки его биографов как можно более полно разобраться в этих мотивах, не только открыто изложенных им самим, но и возможных подсознательных стимулов и «повелений». Вопрос, конечно, интересный, и он остается открытым. Бесспорным представляется лишь высказанное им однажды положение о том, что он рассматривал свою жизнь как решающий аргумент в пользу проповедуемых им взглядов и идей. Столь же бесспорным остается и приоритетное значение этики и морали в решении всех социальных проблем, которые анализировались мыслителем. Он подчеркивал: «История этической мысли – наиболее глубинный слой всемирной истории. Среди сил, формирующих действительность, нравственность является первой. Она – решающее знание, которое мы должны отвоевать у мышления. Все остальное более или менее второстепенно».

Швейцер прекрасно понимал, что развиваемая им концепция благоговения перед жизнью в тех конкретно-исторических условиях, в которых ему приходилось жить и творить, может показаться уж слишком удаленной от жестокой прозы жизни, от трагедий и бед, переживаемых человечеством, от конкретных нужд и забот повседневного бытия каждого человека. Куда уж тут до размышлений о смысле человеческой жизни или, тем более, об отношении человека к жизни как таковой во всех её проявлениях, об отношении человечества не только к настоящим проблемам сегодняшнего дня, но и к историческим перспективам общественного бытия и природы во всей её полноте и сложности! И тем не менее, только в этом повороте как индивидуального, так и общественного сознания к вопросу о смысле жизни он видит единственно возможный путь выхода цивилизации из тупика, из глобального кризиса, грозящего в конечном счете гибелью всему человечеству. В части первой своего главного труда, озаглавленной «Распад и возрождение культуры» он высказывает мысли, во многом, как мне представляется, остающиеся актуальными и в наши дни, а в какой-то части приобретающие ещё более непосредственную остроту и справедливость. Вот только одна цитата: «Требование вернуться к столь далеким нам теперь раздумьям о смысле жизни звучит поистине как насмешка в условиях, когда народы переживают состояние внутреннего разложения, когда народные страсти

и народные безумства достигают столь большой силы и размаха, когда люди страдают от безработицы, нищеты и голода, когда повсюду в мире имеющие власть самым бесстыдным и бессмысленным образом третируют лишенных её, когда человечество во всех отношениях распадается как единое целое. Но, тем не менее, только такое самоуглубление людей в состоянии породить силы, способные преодолеть все эти препятствия и эту нищету. Любые другие попытки в этом направлении – меры сомнительные и совершенно недостаточные».

В вопросе об оценке этической концепции Швейцера в целом придется, на первый взгляд, может быть, и несколько парадоксально, отказаться от безоговорочного признания ее концепцией гуманистической. Не в том, конечно, смысле, что она, как и вся его жизнь, не соответствовала принципам гуманности, человеколюбия, уважения чести и достоинства каждого человека. Нет. Просто современные представления на сей счет и классификация этических систем в зависимости от содержащихся в них основополагающих идей значительно усложнились и отличаются большим разнообразием. Швейцер в определенном смысле прав, утверждая, что все (правда, здесь уместнее было бы сказать, что большинство, но не все) предшествующие европейские этические учения сосредоточивали внимание прежде всего, а то и исключительно, на проблемах межчеловеческих отношений. Швейцер же своим основным принципом благоговения перед жизнью как бы расширил горизонты этического знания, выступая тем самым против известной ограниченности антропоцентрического мировоззрения, ставившего человека безоговорочно на первое место в мире живых, а тем более неживых «объектов». Поэтому мировоззрение Швейцера точнее назвать в этом плане не гуманистическим, а биоцентристским или биофильским. В современных представлениях на сей счет становятся популярными такие определения сути этических взглядов как «неантропоцентрические», разновидностями которых являются, в частности, пассиоцентризм или «синтеицизм» (включающие в систему этической регуляции только чувствующих животных), «биоценитризм» (сторонники соблюдения прав всего живого, независимо от уровня его развития), «экоцентризм» или «глубокая экология» (предполагающая целостное (холистическое) признание приоритета природы в рамках отношений «человек-природа»), различные варианты так называемой «универсальной этики»,

в частности, «космическая телеологическая этика» и т. п. (См. об этом, например: *Этика: Учеб. Пособие. -3-е изд. Минск. 2004, с. 289–294*).

От общей оценки этических взглядов Швейцера логично переключиться на обсуждение его философии культуры. Ведь он сам всегда подчеркивал органическое единство морали и культуры, отдавая в вопросе их соотношения безоговорочное первенство морали. Не случайно одно из главных его произведений на этот счет озаглавлено «Культура и этика», а свою концепцию культуры он называл моралистической. Вне этики (морали, нравственности) для него не существует культуры. Все, что так или иначе относится к сфере культуры, так как он ее понимает, имеет свои глубокие корни в этике.

Приступая к рассмотрению в критическом плане его культурофилософских идей, может быть, уместно напомнить читателю, что само исходное понятие культуры сегодня столь же, а может быть и еще более неоднозначно, как и понятие этики-морали. Во всяком случае, если говорить о главных вариантах его истолкования, то, с одной стороны, в самых различных источниках мы можем встретиться с пониманием культуры как всего того, что существует не «по природе», а что создано человеком, что выражает его человеческую внеприродную суть, что может быть названо «второй природой». С другой стороны, еще чаще мы встречаемся с таким толкованием понятия культуры, которое включает в себя с необходимостью оценочный аспект. С этой точки зрения культура — отнюдь не все сотворенное человеком, а только то, что может быть оценено положительно по своей роли в его жизни. Ибо, как аргументируют сторонники этой позиции, отнюдь не все, что сотворено человеком, пошло ему на пользу и во благо. С чем, наверное, трудно не согласиться. Я бы охарактеризовал эти две основные и противостоящие друг другу позиции как «предметно-субстанциональную» или «вещную», сосредотачивающую свое внимание на объективации, опредмеченности, материализации всех культурных феноменов, а противоположную ей позицию — как «прагматически-аксиологическую», концентрирующую наше внимание на той роли, которую играет любое человеческое «изобретение-приобретение» в человеческой жизни. Не является нашей задачей здесь вдаваться в анализ достоинств и недостатков этих подходов. Согласимся только с тем, что герой наших размышлений безусловно примыкает к привержен-

цам второй традиции, поскольку культура для него немислима вне морали-этики, а эта последняя не существует без оценок, без одобряемого или порицаемого поведения человека во всех его проявлениях. Надо сказать, что Швейцер отнюдь не одинок в такой трактовке. С того момента, как люди впервые начали задумываться над сутью культуры как способа существования «человека разумного», и до сегодняшнего дня неразрывную связь культуры и морали, нравственности подчеркивали практически все мыслители, правда, по разному толкуя характер, смысл и варианты этой связи в зависимости от самых разных параметров их анализа. Не будем забывать при этом, что Швейцер расширил толкование морали за пределы межчеловеческих отношений до отношения человека ко всему живому.

Столь же не одинок и не оригинален Швейцер и в его пространственных рассуждениях о кризисе культуры человечества. Здесь тоже отличия только в понимании того, когда и как этот процесс начался, как он протекал и протекает, каковы его истоки и причины, а также возможные перспективы, пути выхода из него, ослабления его негативных социальных последствий или пессимистические размышления апокалипсического характера о кризисе культуры как предвестнике неизбежной в конечном счете гибели человечества. Пожалуй, первым ярким представителем пессимистической трактовки кризиса культуры в Европейской философии был Ф. Ницше, один из основоположников так называемой «философии жизни», влияние идей которого на мировоззрение Швейцера отмечают практически все исследователи. Здесь же стоит упомянуть и о том, что Доктор категорически не соглашался с безграничным пессимизмом Ницше (и Шопенгауэра) в вопросе о перспективах человечества, хотя в оценке современного ему состояния человечества он также оставался пессимистом («космический оптимизм» Ницше с его воспроизведением древней идеи «вечного круговорота» ни в коей мере не был близок Швейцеру).

Не случайно, определяя само понятие культуры, он подчеркивал, что она представляет собой «совокупность прогресса человека и человечества во всех областях и направлениях при условии, что этот прогресс служит духовному совершенствованию индивида как прогрессу прогрессов». Рассматривая культуру как «результат взаимодействия оптимистического мировоззрения и этики», мировоззрения единства «миро— и жизнеутверждения»,

он полагал, что «пока обе эти опоры сохраняют необходимую прочность и устойчивость, зданию ничто не грозит». В другом месте он замечает, что культура, рассматриваемая в ее наиболее общих чертах, представляет собой «материальный и духовный прогресс как индивидов, так и всевозможных сообществ», причем прогрессу духовному он отдает безусловное предпочтение: «Материальные достижения — это еще не культура; они становятся ею лишь в той мере, в какой их удастся поставить на службу идее совершенствования индивида и общества».

Понятие прогресса он наполняет культурно-нравственным содержанием, опираясь на свой главный исходный принцип благоговения перед жизнью. Таким образом, для Швейцера как понятие культуры, так и понятие прогресса не сводятся только к улучшению условий существования человека и человечества или совершенствованию межчеловеческих отношений. Три вида прогресса для него играют определяющую роль. Это, во-первых, прогресс познания и практики, во-вторых, прогресс приобщения человека к обществу и, в-третьих, прогресс духа. Мышление, по его мнению, постоянно полемизирует со всеми видами прогресса, исходя из четырех идеалов, которые в совокупности и образуют культуру. Это: идеал человека, идеал социального и политического единения, идеал религиозно-духовного единения, идеал человечества («*Культура и этика*», с. 329). Думается, Доктор в высшей степени одобрительно отнесся бы к мысли, столь категорично и кратко выраженной одним из наших отечественных поэтов: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек!»

Не вдаваясь здесь в размышления о том, как в современном «человечестве» обстоит дело с практической реализацией названных идеалов (а оно обстоит явно не идеально), сконцентрируем внимание на положительных и актуальных сегодня рассуждениях мыслителя.

Во-первых, нельзя не согласиться с тем, что, пытаясь каким-то образом решать важнейшие глобальные проблемы современного человечества, необходимо подходить к ним комплексно, системно, по возможности всесторонне, не заикливаясь на каких-то из хотя и важных, но изолированных аспектах этой проблемы, ибо «все связано со всем». И хотя нельзя объять необъятное, к этому надо стремиться. Во всяком случае, каждый размышляющий, а тем более действующий в этой области человек должен учитывать

всю сложность и многоаспектность проблем, решением которых он занимается. Ведь не случайно одним из важных дополнений к этике благоговения перед жизнью ее автор в своей последней книге по этике добавил принцип «человек и природа». Мы вспоминали ранее, что на эту тему он высказывался значительно реже, чем о принципе благоговения перед жизнью, но теперь следует отметить, что вопросам взаимоотношения человека со всей природой мыслитель уделял всевозрастающее внимание по мере осмысления как личного, так и, в особенности, всечеловеческого опыта XX века. Он приходит к выводу, что в своих отношениях с природой человек должен руководствоваться принципом осознанной необходимости. Тем самым он расширяет сферу нравственной ответственности человека, не ограничивая ее только отношением к живому. Это уже не только биоцентристская, но, пожалуй, космоцентристская этика.

Во-вторых, и на это тоже особое внимание обращает Швейцер, человек в любых условиях обязан быть озабочен тем, чтобы сохранять в себе подлинную человечность, не превращаясь даже в самых экстремальных условиях ни в дикого зверя, ни в механическое существо, ибо «у того, кто выполняет свои дела как машина, образуется машинное сердце» (*Там же, с. 33*). И опять-таки, словно конкретизируя основное положение своего этического учения, в последнем труде по этике он развивает принцип «человек человеку». Прогресс в этике состоит в том, что в сферу нравственного сотрудничества вовлекается все большее число людей. И исходный принцип этики благоговения перед жизнью практически реализуется во взаимопомощи, взаимослужении, взаимответственности людей. А такие отношения принципиально не могут быть «механизированы» без утраты их гуманной сущности. Сегодня это во много раз более актуально, чем во времена прошедшие, ибо «машина» в бесконечно многообразных ее проявлениях все больше вторгается во все сферы как личностно-человеческой, так и социально-практической жизни.

В-третьих, весьма актуальны размышления Швейцера о необходимости и возможных путях совершенствования общественного строя, государства со всеми его атрибутами. Мы уже упоминали о его мыслях о возможности практически-положительного влияния человека на государство. Ввиду особой актуальности этой проблематики в современных условиях напомним еще несколько его мыслей на этот счет. «Если люди начнут критически

относиться к государству, то государство сможет образумиться. Прежде чем государство сможет стать лучше, должно стать общим убеждение всех людей в его нынешней абсолютной несостоятельности» (*Там же*, с. 339). Думается, сегодня человечество в целом максимально приблизилось к такому «общему убеждению», хотя, конечно, нельзя не считаться и с тем обстоятельством, что все-таки государства сегодня, как и всегда, были и есть весьма различные. Тем не менее, в общем виде мысль о необходимости критического отношения к государству и его структурам остается весьма актуальной, в том числе и в пределах нашего отечества. Естественно, не только в этих пределах. Правда, здесь хотелось бы добавить, что серьезнейшей проблемой для современного человечества остается проблема повышения культуры несогласия, культуры социального протеста, ибо формы и способы их (несогласия и протеста) проявления сплошь и рядом даже в самых цивилизованных странах зачастую приобретают абсолютно бесчеловечный, дикий характер.

Сюда примыкают, и это будет в-четвертых, и размышления Швейцера по национально-расовому вопросу и по вопросу о «патриотизмах». Характеризуя мировоззрение Швейцера и рассказывая об основных этапах его жизненного пути, мы уже приводили некоторые его мысли на сей счет. Дополним сейчас еще несколькими принципиальными соображениями, опять-таки в связи с их актуальностью для наших дней. «Мы никоим образом не обязаны определять понятие культурного государства в согласии с требованиями национализма и национальной культуры...» (*Там же*, с. 340). По мнению Швейцера, в свете его принципа благоговения перед жизнью человечество может вернуться (не удержусь от реплики: вернуться к тому, чего никогда не было, нельзя! — *В.П.*) «к той глубокой наивности, когда представляют себе государство как управляемое этическими и культурными идеалами. Мы черпаем силы для построения такого культурного государства в вере в силу морали, вытекающей из благоговения перед жизнью» (*Там же*, с. 340). Весьма актуальны и размышления Швейцера о соотношении патриотизма и национализма.

В свете исторического опыта первой половины XX века, двух мировых войн и политики колониализма и неоколониализма он рассматривал национализм как неблагородный, доведенный до абсурда патриотизм. Пропаганда экстремистских вариантов национализма неизбежно приводит к противопоставлению и вражде

народов, к оболваниванию масс (добавим от себя: прежде всего — молодежи), отказывающихся в результате такой пропаганды от всякого влияния разума и нравственности в решении национальных вопросов». Культ патриотизма как таковой, — заявляет Швейцер, — должен считаться проявлением варварства, ибо таковым он обнаруживает себя в бессмысленных войнах, которые неизбежно влечет за собой. Аналогичны швейцеровским размышлениям на эту тему и взгляды выдающихся представителей нашей отечественной культуры. «Патриотом обязан быть каждый народ по отношению к своему народу, — писал, например, цитировавшийся нами ранее Д.С. Лихачев еще в 1991 году, — *но националистами мы никогда и ни при каких случаях быть не должны*» (курсив мой — В.П.). Дмитрий Сергеевич называл национализм «страшным бедствием человечества».

Конечно, и здесь можно заметить, что «национализмы» бывают разные и не каждый из вариантов влечет с необходимостью столь печальные последствия. Сегодня довольно нередки попытки оживления, возрождения националистической и даже расистской идеологии с самыми благими намерениями, научно-рационалистической аргументацией, гуманистическими декларациями и ссылками на великие авторитеты прошлого. Но мы-то хорошо знаем, куда ведет дорога, выложенная такими намерениями. Наверное, прав Гегель, с горечью заметивший, что если история чему-нибудь и учит, то только тому, что никто, никогда и ничему из нее не научался. Как иначе объяснить популяризацию свастики и оголтело нацистские по своей сути лозунги и действия в среде определенного слоя наших соотечественников сегодня? Для полноты отечественной истории нам не хватает только нацистски-расистской России с «воодушевляющими» лозунгами «Россия только для русских!», «Бей черномазых!» и т. п., к сожалению, чего уж замалчивать это, сегодня популяризируемых (и не без успеха) определенными силами. А ведь проходили же: «Бей жидов, спасай Россию!» И до чего dospасались?

Завершая размышления о культурологической концепции Швейцера, еще раз подчеркнем, что в целом она представляет собой подтвержденный всем его практически-жизненным опытом философский протест против всякого рода национализма и шовинизма, расизма, фашизма во всех его вариантах, против милитаризма и войны. Упреки в абстрактности его рассуждений по этим вопросам отчасти справедливы, конечно, но ведь не сле-

дует забывать и о том, что все провозглашаемые им принципы, требования к человеку и обществу он стремился прежде всего воплотить в своем жизненном опыте, в повседневном бескорыстном и преданном служении своему благородному гуманистическому призванию. Обратимся поэтому в заключение к оценкам его жизненного пути в целом, к оценкам его как одной из наиболее выдающихся личностей XX века, к тем урокам и выводам, которые могут следовать из нашего хотя бы и краткого и популярного изложения его биографии и идей.

И вот тут выявляется своеобразный парадокс швейцерианы, заключающийся в чрезвычайно противоречивых оценках специалистами его наследия практически во всех областях жизни и деятельности Доктора. Изучая все написанное о Швейцере, мы можем при желании обнаружить и собрать воедино бесчисленное количество как в высшей степени положительных оценок его личности и трудов, так и негативных, отрицательных. В последнем случае, наверное, правильнее было бы назвать это антишвейцерианой. Так, один из английских журналистов написал объемистую книгу, направленную против Швейцера и его дела, под названием «Осуждение Швейцера». Но даже и тогда, когда в целом Швейцер оценивается высоко положительно, авторы, стремящиеся быть объективными, отмечают как противоречия и неувязки в его трудах, так и негативные аспекты его характера как личности и его поведения и высказываний в различных ситуациях.

«Рассматривая отдельные компоненты воззрений Швейцера, — пишет Ю.А. Левада, — мы ни в одном из них не обнаружим целостной и оригинальной системы. Он проявлял огромную эрудицию и талант во всех областях, в которых работал, но ни в какой отдельно взятой области он не открыл новых путей и не поставил новых проблем» (Ю.А. Левада. *«Старомодность и современность Альберта Швейцера» в: От Эразма Роттердамского до Бертрана Рассела (Проблемы буржуазного гуманизма и свободомыслия)*. М., «Мысль», 1969, с. 143-144). Это же можно сказать и о деятельности Швейцера как музыканта-органиста, как органостроителя или автора капитального труда о Бахе, о его богословских трудах, а также и о его многолетней подвижнической деятельности в Африке как миссионера и практикующего врача.

Интересны размышления Ю.А. Левады и вот по такому вопросу: а что было бы, если бы многие, если бы все думали и поступали

так, как этот удивительный человек? Правда, сам Левада считает этот вопрос лишённым всякого смысла. Видимо, он действительно лишен смысла в том отношении, что это «бы» не грозит ни Европе, ни Америке, ни всем другим странам и народам. Швейцер был уникальным одиночкой. «Его жизнь и личность, — заключает Ю.А. Левада, — это горький упрек эпохе и обществу, которые не имеют героев и не нуждаются в них».

Вместе с тем, его «одиночество» не следует абсолютизировать, ибо сочувствующих, содействующих и даже так или иначе следующих его примеру и при жизни Доктора, и после было немало, о чем мы уже упоминали. Это, во-первых. А во-вторых этот вопрос не кажется мне лишённым всякого смысла еще и потому, что сама его постановка заставляет, принуждает человека конкретнее и обстоятельнее задуматься над вопросом о смысле твоей сегодняшней и такой дорогой тебе, и уникальной, единственной, неповторимой жизни. А как считал тот же Швейцер, всякое такое размышление отнюдь не проходит бесследно и не является бесполезным, при том, конечно, условии, что за размышлениями следует соответствующая коррекция поведения, ориентации в ценностной структуре личности.

Приведу ещё несколько кратких характеристик личности и дела Швейцера. Первое слово его тёзке А. Эйнштейну, именовавшему своего друга «самым великим человеком нашего века»: «Ни в ком не находил я столь идеального единения доброты и страстного стремления к прекрасному, как в Альберте Швейцере». Австрийский писатель Стефан Цвейг называл Швейцера гением человечности (так же, кстати, как и выдающийся английский политический деятель Уинстон Черчилль), а французский писатель, музыковед и общественный деятель Ромен Роллан — «великим эльзасцем». Хорошо знавший Швейцера, Р. Роллан рассказывает, что тот выказывал откровенное презрение в отношении некоторых своих коллег по проповеднически-религиозной деятельности, а также той части их паствы, которая относилась формально к религиозной вере и заповедям, лицемерно и только на словах соглашаясь с ними и нарушая их на каждом шагу в своей практической деятельности. «Он испытывает отвращение, — писал Р. Роллан, — к богословию, отвращение к писцам храма, отвращение к той непрерывной лжи, в какой его заставляют жить не только его коллеги и начальники, но его паства — стадо, которое ни во что не верит и не имеет мужества сознаться, что не верит, апатичное и равнодушное стадо,

в котором нет ни веры, ни безверия, ни жизни... Так как я — искренний нехристианин, он легче находит взаимопонимание со мной, чем с теми христианами, которые сами не знают, христиане они или нет. И он убежден, что в моем неверии больше истиной религиозности, чем в их верованиях».

Поэт Никос Казанцакис сравнил Швейцера с Франциском Ассизским: «Они сходны между собой, как два брата». В пояснение напомним, что Франциск Ассизский (1182-1226) — один из наиболее почитаемых святых католической церкви, основатель нищенствующего монашеского ордена, проповедовавший самоотверженную любовь не только к человеку, но и ко всему живому.

В беседе с советским писателем Борисом Полевым, отвечая на вопрос, кого он считает самым большим человеком XX века, известный латиноамериканский революционер Эрнесто Че Гевара ответил: «Ленин, конечно... Но Ленин не в счет. Такие рождаются раз в тысячелетие». И, задумчиво помолчав, вдруг сказал: «Альберта Швейцера. Он с юных лет был для меня примером. Когда студентом я был на Огненной Земле на эпидемии, я всюду возил с собой его портрет». Известный борец за права негров в США, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Мартин Лютер Кинг так откликнулся на известие о смерти Швейцера: «С кончиной Альберта Швейцера исчезла одна из самых ярких звезд на нашем небосводе. Его долгий и богатый трудами жизненный путь ученого и подвижника во имя человечности стал героической поэмой XX столетия».

А вот интересное мнение Гельмута Тилике: «Ему можно верить, потому что у этого человека слово не расходится с делом... Не нужно ничего идеализировать; этого старика можно принимать таким, каков он есть — с его ворчанием, капризами и странностями. По той же причине совсем не обязательно прислушиваться к каждому его слову (тем более что порой их бывает трудно понять). Цельность — вот главная черта его жизни». Добавим от себя, что мы в своем изложении меньше внимания уделяли «ворчанию, капризам и странностям», хотя и упоминали о них, но стремились сосредоточить внимание на словах мыслителя, которые действительно порой бывает трудно понять, а иногда и просто нельзя согласиться. Тем не менее, даже ошибки и заблуждения таких людей, как Швейцер, весьма и весьма поучительны.

В.В. Маяковский, который, по словам И.В. Сталина, «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», обращаясь к современной ему советской молодежи, писал:

*«Юноше,
обдумывающему
жизнь,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу не задумываясь:
«Делай её с товарища
Дзержинского».*

Мы же, заканчивая наши размышления о Швейцере, тоже обращаемся к «юношам, обдумывающим жизнь». Но при этом вовсе не призываем их «делать жизнь с товарища Швейцера» и, конечно же, не советуем стремиться делать жизнь вопреки и против всего того, чему нас учит знакомство с этим Человеком, его биографией, делами и мыслями. Наш материал в этом плане имеет единственной целью предоставить полезную, как мне думается, духовную пищу мыслящему современному юношеству в наше столь непростое время для более сознательной, четкой, продуманной смысложизненной ориентации. И если эта пища хотя бы в ком-нибудь пробудит стремление самостоятельно, критично, принципиально разобраться с собой, буду считать свою миссию успешно выполненной. *Dixi et salvavi animam meam.*

ИНТЕЛЛИГЕНТНА ЛИ ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ МОЛОДЁЖЬ?

*К 100-летию выхода в свет сборника статей
о русской интеллигенции*

В марте нынешнего (2009 — *Ред.*) года исполнилось сто лет со дня выхода в свет сборника статей о русской интеллигенции под названием «Вехи». Далекое не каждому подобному изданию бывает уготована судьба, выпавшая на долю «Вех». Во-первых, в России незамедлительно последовала самая бурная реакция как сторонников, так и противников тех политических, философских, религиозных и проч. позиций, которые нашли свое отражение в сборнике. Уже в следующем, 1910 году, вышел в свет новый сборник статей на ту же тему, но «антивеховского» направления — «Интеллигенция в России». Впрочем, в 1909-1910 г.г. появились четыре подобных сборника.

Во-вторых, не минуло и десятилетия, как те же и присоединившиеся к ним другие авторы отреагировали на новые, еще более грандиозные исторические события, произошедшие за это время как в Отечестве, так и в мире, сборником статей под названием «Из глубины», имевшим, правда, совсем иную судьбу, поскольку это издание пролежало на складах ввиду неразберихи революционного времени несколько лет нереализованным, а затем, когда работники типографии начали его распространять, было конфисковано новой властью и уничтожено. Правда, текст удалось переслать за границу, где он был опубликован лишь несколько десятилетий спустя...

В так называемом «русском зарубежье» двадцатых годов. XX века происходили, помимо прочих событий, полемические столкновения авторов, не принявших советскую власть и продолжавших отстаивать непримиримую антисоветскую позицию, с теми эмигрантами, которые стремились к примирению с новой

властью во имя высших интересов Отечества. Это проявилось, в частности, в появлении за границей нового сборника статей, авторы которых пересматривали позиции «веховцев». Не случайно и название этого сборника — «Смена вех». Это — в третьих.

Можно долго продолжать перечисление связей «веховских идей» с историческими процессами и событиями, опытами их осмысления и т. д. Переходя к сегодняшнему дню, я думаю, нельзя не признать, что эти «юбилейные вехи» во многом не только не утратили своей остроты и актуальности, но в чем-то стали для нас, сегодняшних россиян, еще острее и актуальнее. В частности, чтобы это подтвердить конкретными аргументами, напомним читателю вкратце содержание сборника и призываем его совместно поразмышлять над поставленными проблемами и обменяться мнениями.

Среди авторов «Вех» — известные уже в то время отечественные философы, юристы, литераторы, экономисты, общественные деятели и проч. Соответственна и тематика их публикаций. Думаю, здесь уместно назвать авторов и их статьи.

М.О. Гершензон написал краткое предисловие и статью «Творческое самосознание». Но первой в сборнике была работа Н.А. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда». Далее шли: С.Н. Булгаков «Героизм и подвижничество», затем уже названная статья Гершензона, далее — Б.А. Кистяковский «В защиту права», П.Б. Струве «Интеллигенция и революция», С.Л. Франк «Этика нигилизма» и заключала сборник статья А.С. Изгоева «Об интеллигентной молодежи». Уже только перечисление названий статей дает представление об актуальности обсуждаемых в них вопросов, особенно если учесть исторический момент появления сборника — один из труднейших в отечественной истории период поражения первой русской революции 1905–1907 г.г. Минувший с тех пор век в определенном аспекте можно рассматривать как «практический комментарий», как своеобразную реакцию на идеи авторов этого сборника. И опять-таки с учетом того обстоятельства, что как на практике, так и в теории этот нескончаемый спор о России и в России (и не только!) продолжается и сегодня. Поистине здесь поднимаются и предлагаются варианты решения «вечных вопросов» отечественной истории.

А о том, что «Вехи» буквально взвихрили общественно-политическую мысль тогдашней России, свидетельствуют хотя бы

вот эти две общеизвестные на сегодняшний день, цифры: до конца того же 1909 года вышло в свет еще пять изданий этого сборника, поскольку он пользовался необычайным спросом, а полемических откликов апологетического, но чаще резко критического «антивеховского» характера в различных периодических изданиях появилось в том же году более двухсот двадцати. Естественно, что наиболее негативную оценку «Вехи» получили прежде всего со стороны всех левых политических сил тогдашней России — от анархистов и эсеров до легальных и нелегальных марксистов. В частности, В.И. Ленин назвал этот сборник «энциклопедией либерального ренегатства», сплошным потоком «реакционных помоев, вылитых на демократию», а имя одного из авторов этого сборника, о котором скажем подробнее, в ленинских работах того времени встречается более пятидесяти раз. И хотя статья А.С. Изгоева (именно о нем речь) заключает сборник, свои размышления начнем именно с этой статьи.

1. Правда, предварительно нельзя не упомянуть о таком существенном обстоятельстве, как разнотолки в трактовке самого исходного в данном случае понятия — «интеллигенция».

Эти разнотолки бытуют у нас и сегодня. И вопрос этот достоин отдельного (да и не одного, пожалуй) рассмотрения и обсуждения. Не случайно в современной литературе можно встретить (и неоднократно) такой термин, как «интеллигентоведение». Мы же отметим здесь только такое своеобразное толкование понятия интеллигенции авторами «Вех», согласно которому они устраняют из состава российской интеллигенции, скажем, таких представителей отечественной культуры, как П.Я. Чаадаев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, как наши славянофилы, как Л.Н. Толстой и Н.В. Гоголь, не говоря уже о А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове и т. д. Все они, по мнению веховцев «интеллигентами» не были. Возникает вопрос: а кто же тогда были интеллигентами и в чем заключался смысл их взглядов и деятельности? Названный ранее инициатор этого издания Гершензон выражается на сей счет весьма категорично: «Мы не люди, а калеки, все, сколько нас есть, русских интеллигентов, и уродство наше — даже не уродство роста, как это часто бывает, а уродство случайное и насильственное... Сонмище больных, изолированных в родной стране — вот что такое русская интеллигенция». То есть, иначе говоря, — это шайка психов, орудующая за пределами дурдома. Правда, уже из приведенных высказываний Гершензона видны названные

нами «разнотолки» в трактовке самого понятия «интеллигенция», поскольку он не исключает из состава этой социальной группы как самого себя, так и своих соавторов по сборнику. А вот, к примеру, ответ другого «веховца», П.Б. Струве на этот вопрос. Интеллигенция в России — это представители «просвещенного» класса, характеризующиеся двумя существенными признаками: «отщепенством» от государства и враждебностью к нему, а также безрелигиозностью. Причем, социальную роль интеллигенции Струве сравнивает с ранним российским казачеством XVII-XVIII веков, т. е. с тем социальным слоем, в котором «были навыки и вкусы к военному делу, вкусы, которые, впрочем, оставались у этого слоя на уровне организованного коллективного разбоя». Здесь же автор говорит и о том, что само слово «интеллигенция» может употребляться в разных смыслах, и что «история этого слова в русской обиходной и литературной речи могла бы составить предмет интересного специального этюда». Мы только что уже упоминали об этом, здесь же можно добавить лишь то, что на сегодняшний день «специальным этюдом» в этом деле не обойдешься, ибо если попытаться собрать воедино тексты размышлений и споров по этому вопросу, то получится, скорее всего, капитальный многотомник, при том, что мы имеем в виду только отечественную, «русскоязычную» сферу публикаций. Но вернемся все-таки к Изгоеву.

Александр Соломонович Изгоев (он же — Арон Соломонович Ланде) родился в семье учителя виленского раввинского училища в 1872 г. В 1889 г. окончил гимназию в Минске. Уже в гимназические годы он был впервые арестован по политическим мотивам и в связи с начальными опытами журналистской деятельности. В 1889-1894 г.г. учился на медицинском факультете Томского университета, из которого был исключен опять-таки в связи со студенческими волнениями. В 1900 г. окончил юридический факультет Одесского университета.

Был в числе организаторов нелегального политического объединения буржуазно-либерального направления «Союз освобождения» и руководителем его одесского отделения. Со времени второго съезда партии кадетов (1906 г.) и до 1918 г. он — член ее ЦК. Был одним из руководителей газеты «Речь», а после ее закрытия в ноябре 1917 г. организовал издание газеты «Борьба», в которой призывал к вооруженному сопротивлению большевикам. В начале ноября 1918 г. арестован и отправлен на окопные работы в Волог-

ду. Тогда его спасли М. Горький и Союз писателей. В январе 1919 г. он был освобожден и возвратился в Питер. Однако в сентябре 1919 г. вновь арестован и отправлен в Андроньевский концлагерь под Москвой, где пробыл без суда до марта 1921 г. по решению президиума ВЧК. После освобождения возобновил работу в Публичной библиотеке. С августа по октябрь 1922 г. — снова арест. Из Публичной библиотеки уволен с 1 октября 1922 г. «согласно прошению». В ноябре того же года выслан из Советской России в Германию, откуда переехал в Чехословакию, а затем в дачное место Хаапсалу в Эстонии.

Помимо политической, Изгоев непрерывно занимался публицистической, журналистской, научно-исторической деятельностью, активно выступал с лекциями, принимал участие в публичных дискуссиях. Основные его работы: «Общинное право» (1906), «Партии во второй Госдуме» (1907), «Русское общество и революция» (1910), им написана первая биография Столыпина (1912) и многочисленные статьи об аграрной реформе и землеустройстве России. Неоднократно вступал в публичную полемику с Лениным.

Одной из тем размышлений Изгоева, волновавшей его на протяжении всей жизни, была тема о роли русской интеллигенции в истории Отечества, в революционных потрясениях, переживаемых Россией в первые десятилетия XX в., и в решении вопросов ее — России — будущего бытия. Статья в «Вехах» — яркий показатель и образец проявления и реализации этого интереса. Причем, здесь он сосредоточивает внимание на анализе роли и места в революционных событиях в России 1905-1907 г.г. не просто интеллигенции, а именно интеллигентной молодежи, о чем говорит уже само название статьи — «Объ интеллигентной молодежи» и подзаголовок — «Заметки объ ея быте и настроениях».

В самом начале статьи автор описывает эпизод из жизни «очень хорошей семьи русских революционеров», которую ему довелось довольно близко наблюдать в Париже.

Сынишка в этой семье, примерно десять лет от роду, присутствовал при всех разговорах взрослых и был «прекрасно осведомлен о русском царизме, и о жандармах, и о революционерах. О Боге, о религии, о попах мальчик слышал, конечно, только обычные среди интеллигенции речи». Да и сам он нередко вставлял в разговоры взрослых свои резкие суждения в подобном духе, что, по-

видимому, не могло не радовать родителей, с которыми сын был «на дружеской ноге».

И вдруг в один не прекрасный день отец мальчика сделал поразившее его открытие. Он увидел, как на улице его сын подошел к католическому священнику, поцеловал у него руку и получил благословение. Последовала объяснительная беседа, в ходе которой сынишка на вопрос, почему он это проделывал тайком, чистосердечно признался, что не хотел огорчать папу и маму. Родители были действительно гуманными и разумными людьми и не стали насильно «перевоспитывать» сына. Чем кончилась эта история, признается Изгоев, он не знает. Но рассказана она автором в качестве яркого и парадоксального примера, подтверждающего, по его словам, «один почти всеобщий для русской интеллигенции факт: родители не имеют влияния на своих детей» (*курсив мой* – В.П.).

Далее автор развивает и обосновывает тезис о том, что «русская интеллигенция бессильна создать свою семейную традицию, она не в состоянии построить свою семью».

В качестве аргументов, подтверждающих этот высказанный в столь категоричной форме тезис, он приводит, во-первых, свидетельства радикальных публицистов, их жалобы на отсутствие «идейной преемственности» поколений, отмечая одновременно поверхностный характер шаблонных попыток объяснения причин такого явления правительственными репрессиями, как это делал, к примеру, Н.К. Михайловский. А во-вторых, Изгоев активно использует данные имевших уже тогда место в России социологических исследований, касающихся в том числе и студенческой молодежи, таких как «Половая переписка московского студенчества» М.А. Членова или книжки «Страницы из половой жизни московского студенчества», изданной в 1908 г.

Не будем приводить здесь эти весьма печальные и красноречивые цифры, свидетельствовавшие, по мнению автора, «об отсутствии всякой духовной связи с семьей», о слабом влиянии семьи на формирование мировоззрения детей, об отсутствии воспитательного воздействия интеллигентной семьи на ребенка, о нравственном и, в частности, половом растлении большинства детей еще до их поступления в университет и т. п. (автор приводит цифры откровений опрашиваемых о поразительно раннем вступлении детишек в половые сношения (в возрасте 14-12 лет и моложе), об «опасном для расы зле – онанизме»

и т. п. Любознательного читателя адресуем к первоисточнику. Нас же в данном случае интересует такой вопрос: изменилась ли ситуация в нашем отечестве в этой области за истекшие сто лет сколь-нибудь существенно? Прав ли автор в своем категорическом утверждении-выводе: «*Урусской интеллигенции семьи нет*» (курсив мой — В.П.)?

Что касается моего мнения по высказанным вопросам, то сегодняшняя ситуация с проблемами семьи, с нашей молодежью в морально-юридически-медицинском плане в целом представляется мне несколько не лучше ситуации столетней давности. Фактов и цифр, статистики, в том числе из социологических исследований, в СМИ на эту тему сегодня у нас море разлитое, как, впрочем, не только у нас, но и в самых развитых, цивилизованных и культурных странах мира, начиная с мирового лидера США. А по вопросу о том, есть ли семья у сегодняшней интеллигенции, я бы не смог дать четкого и однозначного ответа, во-первых, потому, что, как уже отмечалось в начале, остается и на сегодняшний день слишком неопределенным понятие интеллигенции, а во-вторых, столь же неоднозначной трактовке поддается и понятие семьи. Хотя множество проблем, связанных с вопросами семьи, брака, потомства и взаимоотношения поколений остаются на сегодняшний день жгуче актуальными не только в теории, но и на практике. Кстати сказать, Изгоев в своей статье определяет принадлежность опрошенных студентов Москвы к «интеллигентным семьям» по такому критерию: «у 60% отцы получили образование не ниже среднего». Если мы последуем этому примеру, то современное не только московское, но и все без исключения российское студенчество должно быть причислено к «интеллигентным семьям» на все 100%. А так ли на самом деле?

В минувшем 2008 году, названном в России Годом семьи, как и в нынешнем последовавшим за ним Годом молодежи поступали и поступают, кстати сказать, излюбленные нашими СМИ факты и статистика, свидетельствующие, мягко говоря, о неблагополучном положении дел в стране с вопросами семьи, детства и т. п. И хотя государство прилагает определенные усилия в этой области, об успехах говорить не приходится. От 600 тысяч до миллиона (по разным подсчетам) бездомных детей, беспризорников при живых родителях; чуть ли не ежедневно вскрываются факты издевательств, избиений, а то и умерщвлений как родных, так и приемных детей

родителями — и не только законченными алкашами, но и вполне «благополучными», а нередко и весьма «интеллигентными». Известны факты подобного рода издевательств над детьми, усыновленными гражданами США и других стран.

Не сенсация сегодня и такие факты, как выбрасывание на помойку новорожденных младенцев, причем нередко несовершеннолетними матерями. Курить, употреблять алкогольные напитки, а нередко и знакомиться с наркотой наши дети начинают во все более раннем возрасте. Все более распространенной становится в России педофилия во всех ее проявлениях, также нередко заканчивающихся смертельным исходом для детей. В минувшем 2008 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 3,3 млн преступлений — об этом говорил Президент страны на коллегии МВД РФ. Примерно десятая часть из них — это преступления, совершенные несовершеннолетними, то есть, нашими детьми. К этому следовало бы добавить, что официальная статистика обычно «хромает» в одну сторону, а если попытаться учесть еще и незарегистрированные, но совершенные преступления, то речь, по мнению экспертов, должна идти примерно о 12-15 млн преступлений, совершаемых ежегодно. Не хочется продолжать эту статистику, но она не может не наводить на грустные размышления.

Масштабы преступности по отношению к детям, включая их изнасилования и убийства, как и масштабы преступлений, совершаемых несовершеннолетними, то есть детьми, на сегодняшний день высоки как никогда. Слабым утешением служит информация о том, что нечто подобное имеет место не только в России. Читатель может при желании продолжать перечень аналогичных проблем-фактов-статистики-криминалистики. И наш вечный вопрос: что же делать?!

Размышлять над этим вечным вопросом нашей истории, по-видимому, предстоит до ее, истории, скончания. Сейчас же, однако, возвратимся к статье Изгоева.

2. Таким образом, «интеллигентная молодежь» России с самого раннего возраста, еще в семейном кругу подвергается духовному и физическому растлению и извращению. Столь «успешно» начатый процесс формирования личности в том же ключе продолжается в школе, занимающей второе место после семьи в жизни «интеллигентного ребенка». По мнению автора, о воспитательном влиянии школы и говорить нечего. И все же для сомневающихся приводятся

результаты упоминавшейся анкеты – опроса, проведенного среди московских студентов – 86% опрошенных заявили, «что ни с кем из учебного персонала средней школы у них не было духовной близости» (курсив мой – В.П.).

Правда, влияние школы на формирование мировоззрения учащихся не отрицается, однако категорически утверждается, что если оно и имеет место, то влияние это только и категорически отрицательное. «В школе ребенок себя чувствует как во вражеском лагере, где против него строят ковы, подсиживают его и готовят ему гибель», – констатирует Изгоев. «Учитель – нападает, ученик – обороняется». К тому же в борьбе учителя и ученика последний находит себе союзника в лице семьи, родителей, взгляд которых на школу и учителей мало чем отличается от взглядов школяров. Правда, начальная вина за такую ситуацию дискредитирования школы, по мнению автора, лежит на педагогической администрации и министерстве народного просвещения, ставящих своей целью «сделать из гимназий политическое орудие». Но к настоящему времени все так перепуталось в этой области, что всякие попытки восстановить авторитет правительственной школы, по мнению нашего публициста, разделяемому «многими серьезными наблюдателями», будет обречена на неудачу.

Однако же интеллигентный русский юноша все-таки получает воспитание в средней школе, правда, не у педагогов, конечно, а в своей товарищеской среде. Именно это воспитание получает свое продолжение затем и в университете.

Это школьное воспитание российского юношества внутренне двойственно и противоречиво. С одной стороны, оно, бесспорно, имеет свои положительные стороны, среди которых называются приобретение определенных взглядов, вовлечение в общественные интересы, привитие навыков общения, учета мнения и воли других людей, упражнения собственной воли и т. п. Вместе с тем, в трактовке Изгоева, отрицательные стороны в этом процессе школьного воспитания юношества, безусловно, преобладают: «Начинаясь с боевого союза для борьбы с учителями, обманывания их для школьнических бесчинств, товарищество продолжается не только в виде союза для попок, посещения публичных домов и рассказывания неприличных анекдотов, но и в виде союза для совместного чтения, кружков саморазвития, а впоследствии и кружков совместной политической деятельности.

В конце концов это товарищество — единственное культурное влияние, которому подвергаются наши дети».

Не будь его, заключает автор, «количество детей, погрязших в пьянстве, в разврате, нравственно и умственно отупелых, было бы гораздо больше, чем теперь».

Опасными и вредными сторонами этого «единственного» культурного влияния на молодежь Изгоев считает прежде всего то обстоятельство, что юноша в результате этого влияния уходит в подполье и становится «отщепенцем», его личность уродуется. Таким образом «развитый» гимназист самоизолируется в коллективе, презирает гимназическую (а впоследствии и университетскую) науку, создавая «свою собственную», с настоящей наукой не имеющую ничего общего и т. д. Он проникается чрезмерным уважением к себе и чрезмерным высокомерием по отношению к другим — своим учителям, родителям, соученикам по классу, незнакомым с нелегальной литературой. Это высокомерие приумножается затем в университете «и превращается бесспорно в одну из характерных черт нашей интеллигенции вообще, духовно высокомерной и идейно нетерпимой» (курсив мой — В.П.).

При этом автор высказывает результаты своих наблюдений, согласно которым большинство бойких и развитых юношей с честными и хорошими стремлениями, но не обладающие особой творческой одаренностью, проходят эту специфическую «школу революционных кружков» и только благодаря этому предохраняются от «нравственной гибели и умственного отупения».

А вот особо творчески одаренные натуры «как-то не захватываются такими кружками». И делается вывод: «До последних революционных лет творческие даровитые натуры в России как-то сторонились от революционной интеллигенции, не вынося ее высокомерия и деспотизма».

Так постепенно вырисовывается непривлекательная картина формирования духовного облика тогдашней революционной интеллигенции еще на ранних этапах становления человеческой личности. В полной мере черты этого облика развиваются и начинают проявляться в университете. Здесь следует заметить, что, говоря об «университете», автор, по-видимому, имеет в виду вообще студенческую молодежь России, а не только обучающихся именно в университетах, хотя последние, конечно, тогда «маршировали» впереди революционных колонн молодежи. Именно этому этапу формирования и проявления рево-

люционного мировоззрения российской молодежи посвящен, как мне представляется, основной в данной статье ее третий раздел. Вчитаемся.

Но прежде — несколько слов о современном состоянии нашей российской школы в сравнении с изложенным в статье Изгоева. Конечно, это состояние принципиально отличается от тогдашнего практически во всех отношениях. И все же при всех коренных отличиях есть и немало общего. И прежде всего это общее — в той важной роли школы в деле обучения и воспитания детей; деле, которое во все времена представлялось главной функцией школы как социального института. И в вопросах образования, и в вопросах воспитания наших детей у современной школы хватает трудностей и немного, увы, достижений. При современном развитии всяческих ранее неведомых средств информации наши школьники обладают знаниями и умениями оперировать этими средствами, навыками, обретаемыми, пожалуй, еще в дошкольный период. Но что это за «знания» и «умения»? Всегда ли полезные, действительно содействующие образованию и воспитанию будущего гражданина, труженика, патриота и т. п.?

Вопрос, конечно, риторический. Преобладает здесь, как правило, либо игровая, с позволения сказать, «информация», либо, будем откровенны, развращающая, соблазняющая и разлагающая, духовно уродующая личность. А вот реально необходимые и полезные знания практически не извлекаются пользователями, несмотря на усилия педагогов, родителей, общественности и проч. И это сказывается как на общей грамотности школяров, так и на будущих успехах в учебе уже в вузе. Вспоминаю, как несколько лет тому назад, ректор одного из сибирских вузов жаловался, что некоторые абитуриенты делают по три ошибки в написании слова «Россия». Нечто подобное встречается и в моей сегодняшней практике работы в вузе. В таком же плане можно говорить и о владении сегодняшним выпускником школы историческими знаниями вообще и знаниями из отечественной истории, в частности и в особенности. Печальных и анекдотических примеров можно приводить множество, но мы не будем утомлять читателя. Не безвинны в этом плане и наши педагогические кадры, подвергающиеся давлению руководителей системы образования, в частности, связанным с насаждением всеобщего ЕГЭ, тестоманией и т. п. Не зря ведь даже президент России возмущался в одном из интервью содержанием школьных

тестов по отечественной истории. Короче говоря, современный выпускник нашей средней школы покидает ее нередко полуграмотным, недообразованным и невоспитанным гражданином. И зачатки этих качеств, обретенные им еще до поступления в школу, конечно же, совершенствуются и множатся в процессе «обучения», начиная от пристрастия к куреву, употребления спиртных напитков, от «легкого» и всемерно рекламируемого пивка и заканчивая крепчайшими напитками, не говоря уже о матерке как способе вербального «человеческого» общения, и даже приобщения к наркоте и половым развлечениям, о чем тоже можно узнать и прочесть, и услышать, и увидеть, в частности, в наших мегаполисах, прежде всего.

Уместно здесь упомянуть и о том, что весьма немалое количество детей школьного возраста по тем или иным причинам вообще не посещают школу. Очевидным также является факт, что в периодически повторяющихся актах того, что у нас принято ныне называть вандализмом, вроде осквернения памятников, разорения кладбищ и мемориалов ветеранам Великой Отечественной войны и тому подобных «подвигов», основная роль принадлежит недорослям школьного и начальностуденческого возраста. В приведении примеров подобных акций нет нужды — они у всех на виду. Но вот все-таки хотя бы один показательный, но отнюдь не исключительный пример в подтверждение сказанного. В марте этого года в Даниловском районе Волгоградской области были осквернены захоронения и сброшен с постамента памятник воину-интернационалисту. Порезвились, как было выяснено, учащиеся 5–6 классов. На совести деток и осквернение 30 могил в городе Калач-на-Дону той же Волгоградской области. Старшему из вандалов — 12 лет, еще двоим — по восемь. Зачем, почему это сделано, внятно, естественно, ни один объяснить не мог: «Прикольно», вот и весь сказ. И, конечно, нет оснований считать, что Волгоградская область — какое-то исключение из правил. Нет, примеры, к сожалению, типичны. Об этом ведь тоже нельзя молчать, нельзя не задумываться и не искать путей решения таких проблем.

Вернемся, однако, к нашему публицисту.

3. Изгоев не изменяет категоричности своего стиля и в третьем разделе своей статьи. Уже в самом начале читаем: «*Студенчество — квинтэссенция русской интеллигенции*» (курсив мой — В.П.) Подобные высказывания, конечно же, могут быть

по-разному истолкованы, но в любом случае в категоричности (излишней?) им не откажешь. Это, впрочем, может быть вполне осмысленная и преднамеренная категоричность, ведь весь сборник пронизан полемическим духом. И конечно же, со многими посылами автора трудно не согласиться, если рассматривать их, скажем так, в общем виде. Вот, к примеру, здесь же, в начале третьего раздела, Изгоев обращает внимание на то, что «в прогрессивных кругах о нашем студенчестве принято говорить исключительно в восторженном тоне и что эта лесть приносит много вреда». Автор призывает, не отрицая и не умаляя достоинств студенческой молодежи, решительно указать на ее отрицательные стороны, которых, как ему представляется, в конечном счете больше, чем хороших. Однако, каковы критерии, чем измерить соотношение положительных и отрицательных черт в характеристике студенчества? Естественно, в этой сфере нет четких, определенных и однозначных критериев и мер. Но вопрос интересный, и посмотрим, как автор решает его.

Прежде всего, он разделяется с мифом, легендой, будто наше русское студенчество на голову выше заграничного. Миф этот не может быть истиной хотя бы потому, что, как считает автор, наше студенчество отдает занятиям как минимум вдвое меньше времени, чем заграничное. Приходится признать, что в обосновании этих неприятных для российского студенчества характеристик автор во многом прав. И как это ни печально, характеристики эти, увы, и сегодня не выглядят устаревшими. Вот несколько изгоевских иллюстраций к сказанному.

«У нас на юридическом факультете студенты, записывающие профессорскую лекцию, насчитываются немногими единицами, на них смотрят с удивлением, товарищи трунят над ними». А вот в парижской *Ecol de droit* картина поразительно иная. Причем эти свои утверждения автор подтверждает личным опытом, рассказывая о том, как внимательно слушают и старательно конспектируют лекции парижские студенты. «А как слушают наши студенты?» — задается он далее вопросом. И отвечает: «Точно гимназисты, они читают на лекциях посторонние книги, газеты, переговариваются, и проч. и проч. Само посещение лекций происходит через пень-колоду, случайно, больше для регистрации». Вот так...

И что же сегодня у нас в этом плане — намного ли лучше обстоят дела? Только давайте отвечать честно и откровенно, не ссылаясь на то, что «дела» обстоят по-разному, в зависимости от

многих и многих фактов и причин. И все же, в целом-то лучше ли относится российское студенчество к своему делу, к учебному процессу, чем теперь уже на век удаленные от него предки? Из личного опыта признаюсь, что не могу отметить коренного улучшения ситуации. Замечу только, что к посторонним книгам, разговорам, газетам сегодня добавились мобильные телефоны, аудио-видео-наушники и наглазники и проч., не говоря уже об опозданиях, непосещениях, прогулах и т. п.

Изгоев, также исходя из личного опыта и наблюдений, сопоставляет работу наших и французских студентов с учебной литературой и другими источниками информации, в частности, студентов-медиков и студентов-юристов. И в том, и в другом наша молодежь колоссально уступает своим французским сотоварищам. Так, например, о будущих юристах-французах он сообщает, что те не могут окончить курса, «не ознакомившись в подлиннике с классическими работами французских юристов и государствоведов». И продолжает: «А у нас — я смело утверждаю это — 95% юристов кончают курс, не заглядывая в другую книгу, кроме казенного учебника, а то и компендиума». И опять-таки можно только заметить, что сегодня у нас к этим «компендиумам» добавились либо многочисленные сверхобъемные и сверхдорогие вузовские учебники, либо «сверхжутые» доступные по цене всякого рода «шпаргалки», «выжимки» и т. п. Изучение же подлинных трудов выдающихся представителей во всех областях знания сводится, в лучшем случае, к отрывочному знакомству с их идеями по антологиям и хрестоматиям или через компьютерно-интернетное «тыканье».

В подобном же ключе автор сопоставляет русское студенчество с англо-американским и немецким. Отмечая у двух последних не только достоинства, но и отрицательные черты в их нравах и поведении, он, тем не менее, делает вывод, что в конечном счете наши соотечественники уступают тем и другим и в культурно-моральном плане. Так: «глупое веселье молодых «бычков» (имеется в виду пьянка и дебош немецких «буршей»), — признается Изгоев, — все же не возбуждало во мне такого тяжелого чувства, как попойки русских передовых студентов, кончающиеся большей частью ночной визитацией публичных домов. Самое горестное в этих попойках и есть эта невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и т. д.».

Вместе с тем, стараясь быть объективным, автор не отрицает, что у нашего студенчества имеются определенные преимущества перед западным. Уступая последнему в трудолюбии, в объеме выполняемой научной работы, в чистоте нравов, наши сотворяют то, чего у тех нет: товарищеский дух и построенную на нем своеобразную студенческую культуру. Беда, однако, заключается в том, что, не успев получить документ о законченном образовании, наш «горячий юноша-идеалист, полный возвышеннейших революционных порывов... мгновенно превращается либо в чиновника-карьериста, либо в своекорыстного дельца». А это в свою очередь заставляет нас задуматься, нет ли чего-то ложного в студенческом идеализме, приводящем к столь печальным результатам.

Далее Изгоев, ссылаясь на вышедший примерно десятилетием ранее сборник статей В.В. Розанова «Религия и культура», рисует яркую картину формирования и функционирования этой своеобразной культуры российского студенчества, уподобляемого Розановым, кстати сказать, запорожскому казачеству с его островом Хортицей. (Заметим, что выше мы уже приводили это сравнение, которое использовал П.Б Струве. Так не у Розанова ли он позаимствовал это сравнение? Кто же все-таки «автор» этой оригинальной аналогии?) Суть картины сводится к тому, что все отечественные так называемые «радикальные» журналы на самом деле ничего действительно радикального в себе не содержат, а представляют собой лишь «журналы для юношества», «юношеские сборники», в своем роде «детские сады», по сути дела занимающиеся лишь разложением умов молодежи под видом ее просвещения. (Заметим, что сегодняшние подобные «детские сады» ужасно многоцветны и соблазнительны для молодежи.) Но Розанов, нарисовав яркую с добродушной иронией правдивую характеристику нашего студенчества, упустил, по мнению Изгоева, один существенный момент. Дело в том, что, выходя из этой своеобразной «младенческой культуры», русский интеллигент ни в какую другую культуру не попадает и остается как бы в пустом пространстве.

Свои отношения с профессорско-преподавательским составом российское студенчество строит не в зависимости от его научных заслуг и трудов, а главным образом в зависимости от более или менее верно угадываемых политических симпатий. Автор приводит ряд примеров, об этом свидетельствующих. Он обильно цитирует в подтверждение своих оценок «горячую и искреннюю»

статью студента В. Левченко о молодежи, беспощадно бичевавшую нравы, царившие в студенческой среде. Вот одна из таких цитат: «Равнодушие в вопросах национальной чести, узко самолюбивое понимание принципа свободы и самовластно жестокая нетерпимость к чужому мнению, вот те наиболее характерные черты, которые восприняты русской учащейся молодежью из среды породившей ее интеллигенции».

Пустая суэта, взвинченность и напряженность псевдополезной политической активности студенчества мешает молодым людям заглянуть себе в душу, дать себе четкий и справедливый отчет в мыслях и поступках своих, без чего немислимо нравственное самосовершенствование. Впрочем, сама идея такого самосовершенствования воспринимается студенчеством почему-то как «реакционная выдумка».

В этой среде, как правило, бытует двойная мораль, под красивым «флагом» провозящая какие угодно «грузы». Изгоев приводит примеры провокаторов Азефа или Гуровича, которым прощались их всем известные нравственные пороки и поступки до тех пор, пока они громко произносили революционные речи и объявляли себя революционерами. Подобным образом и в студенческой среде не вызывает адекватной нравственной реакции поведение взрослого студента, «идейного интеллигента», стремящегося «проскочить» на экзамене с помощью обмана или подделать выпускные документы. Тот же цитировавшийся уже Левченко пишет о широком распространении лжи в студенческой среде: «Лгут в полемическом раздражении, лгут, чтобы побить рекорд левизны, лгут, чтобы не утратить популярности». Революционер, гремевший на сходке революционными лозунгами, чтобы «проскочить» на экзамене без знаний, прибегает к жалким обманным приемам, а проскочив, снова ведет себя самонадеянно и гордо.

Все это, конечно же, по-своему проявляется во всех сферах общественной жизни молодежи. «Когда студентам в чем-либо уступают, — пишет Изгоев, — они начинают думать, что их боятся, требовательность их растет, тон приобретает заносчивый характер». Встретив же грубый физический отпор, они отступают и сдаются, прикрываясь по возможности какой-нибудь звонкой фразой вроде «студенчество готовится к бою».

Все эти отрицательные черты студенчества, по мнению Изгоева, особенно остро и болезненно дают себя чувствовать

после 17 октября 1905 г., когда, как известно, был опубликован царский Декрет, провозглашавший некоторую демократизацию общественного строя России. До появления этого документа русское общество и русский народ могли и должны были прощать своему студенчеству все его названные здесь грехи за ту огромную положительную роль, которую оно играло в жизни страны, добиваясь демократических преобразований, заботясь не только о своих личных интересах, но и об интересах своей страны и всего народа, пробуждая общественную мысль, тревожа правительство и самодержавную бюрократию. Во всем этом «была огромная заслуга, за которую многое простится». Но теперь, заключает автор третий раздел своей статьи, «эта непосильная задача снята и общество требует от него (студенчества – *В.П.*) другого: знаний, работоспособности, нравственной выдержки». От себя хотелось бы добавить, что три последних названных качества, как и множество здесь не названных, не были бы лишними как у современной нашей студенческой молодежи, так и у всего народа во всех жизненных обстоятельствах.

Конечно, в сегодняшней России, скажем прямо, молодежи вообще и студенческой в частности уделяется большое внимание. Тут и Год молодежи, и ежегодно отмечаемый в России в июне День молодежи, и вот уже более шестидесяти лет подряд ежегодно 10 ноября отмечаемый по инициативе ВФДМ Всемирный день молодежи, и состоявшийся в конце мая текущего года тринадцатый Всемирный русский народный собор, уделивший основное внимание молодежной проблематике, и прочее, прочее. И при всем при том проблемы остаются, ширятся и множатся.

В целом эти проблемы, связанные с жизнью сегодняшней молодежи, как мне представляется, намного сложнее, многообразнее и по-своему противоречивее, чем это было сто лет тому назад. Но хотелось бы, чтобы опыт осмысления подобных проблем, хотя бы и столь отдаленный от нынешних дней, не был забыт, а в чем-то и мог быть взят на вооружение всеми, кого эти проблемы, волнуют.

4. В самом начале заключительного четвертого раздела статьи автор весьма своеобразно трактует понятие идеала, которым движима интеллигентная революционная молодежь в своей политической деятельности. Независимо от конкретных политических взглядов, от «той или иной мечты о грядущем счастье человечества» этот идеал, в конечном счете, «выражается в стремлении к смерти, в желании и себе, и другим доказать, что я не боюсь смерти

и готов постоянно ее принять». (Заметим, кстати, что «стремление к смерти» и готовность доказать отсутствие страха смерти — это все-таки разные вещи, и их не следовало бы отождествлять. Однако, в данном контексте это не столь принципиально.)

Градация «левизны» или, как пишет Изгоев, «левости» в обыденном сознании выражается в степени близости к смерти политического деятеля: «Левее» тот, кто ближе к смерти, чья работа «опаснее» не для общественного строя, с которым идет борьба, а для самой действующей личности». В этом плане выстраивается что-то вроде «цепочки» возрастающей левизны — от социал-демократа к социалисту-революционеру, далее — к максималистам, анархистам и т. п. Всякие возражения на этом фоне пресекаются одной фразой: «В вас говорит буржуазный страх за свою шкуру».

И далее анализируются социально-психологические последствия подобных установок интеллигентно-революционного сознания, базирующихся на принципе «Иди и умирай!»

До тех пор, пока этим принципом руководствовались лишь немногие избранные, он еще мог держать их на высоком нравственном уровне. Но по мере расширения круга «обреченных» с неизбежной внутренней логикой это приводит к тому, что и случилось в России — «ко всей этой грязи, убийствам, грабежам, воровству, всяческому распутству и провокации». Но вот минул век от этих «Вех». И что? Поубавилось ли «грязи» в России? Или меньше стало ее на всей планете нашей на сегодняшний день? Вопрос опять-таки риторический... Хотя «идеал смерти» сегодня буйствует на всех волнах СМИ. А что касается понятий «правизны» и «левизны» в политической жизни современной России, то тут, как говорится, «все смешалось в доме Облонских» и разобраться в «левости» и «правости» нынче не под силу не только молодым.

Конечно, соглашается Изгоев, все имеет свои причины, включая психическое состояние сегодняшней русской интеллигенции. «Но одно из двух: либо всей России суждено умереть и погибнуть, и нет средства спасения, либо в этой основной и, по моему мнению, глубочайшей черте психического склада русской интеллигенции должен произойти коренной перелом, всесторонний переворот». И далее, говоря о глубоком идейном брожении, охватившем современное ему образованное русское общество, автор утверждает, что оно, это брожение, «будет плодотворным

и творческим только в том случае, если родит новый идеал, способный пробудить в русском юношестве любовь к жизни. *В этой основной задаче нашего времени»* (курсив мой — В.П.).

Дилемма, как видим, сформулирована весьма категорично. На место «любви к смерти» (за которой, впрочем, по мнению автора, скрывается «своеобразный страх ея») должна стать любовь к жизни, которая отнюдь не означает страха перед смертью. Да и саму смерть надо учить людей встречать «спокойно и с достоинством».

За десятилетия советской власти, казалось бы, эта исторической важности проблема была успешно решена. Коммунистический идеал воплотился во многих выдающихся деяниях и подвигах: от великой победы в войне с фашизмом до пионеров овладения космическими высотами, не говоря уже о достижениях советской эпохи в области культуры («И даже в области балета мы впереди планеты всей!») спорта, образования и т. д. Но вот прокатилась по Руси демократическая революция. Распалась великая держава. И сегодня мы можем подвести черту и посмотреть на предварительные итоги. Не хочу расстраивать читателя. Он сам все видит и все понимает...

Возвращаясь к мыслям Изгоева, остановим внимание на его выводах из размышлений об итогах этого духовно-идейного разброда в кругах русской революционной интеллигенции и ее своеобразного толкования смысла революционной деятельности как отрешения от кропотливой и повседневной созидательной работы по совершенствованию культуры бытия во всех его сферах, начиная от семьи и заканчивая повышением культурного уровня народа как целого. Конечно, рассуждает автор, неприглядная «духовная физиономия русской интеллигенции явилась следствием многовекового господства над нашей жизнью абсолютизма». Но, как считает Изгоев, эта «эра абсолютизма» завершилась уже упоминавшейся датой 17 октября 1905 г.

На фоне новых исторических условий, созданных этим событием, представляется необходимым, отдавая должное заслугам интеллигенции в прошлом, в годы борьбы против абсолютизма, осознать, дать себе отчет в том, «какой вред приносит России исторически сложившийся характер ее интеллигенции».

В заключительной части статьи внимание читателя концентрируется на двух последствиях «огромной важности», двух выводах из всего сказанного. Первое последствие: «Средний массовый интеллигент в России большею частью не любит своего дела

и не знает его. Он — плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч., и проч.». В качестве одного из аргументов, подтверждающих сказанное, автор призывает иметь смелость сознаться, что в тогдашних российских государственных думах, за исключением небольшого числа кадетов и октябристов, огромное большинство депутатов не проявили знаний, необходимых в вопросах управления и переустройства России. (Интересно было бы, кстати, сопоставить эти утверждения с анализом качественного и профессионального уровня наших нынешних российских Дум. Тут есть о чем задуматься...)

И второе, не менее важное последствие. Во времена кризисов, во времена общественных возбуждений именно крайние элементы овладевают инициативой, овладевают «всеми, не встречая почти никакого отпора со стороны умеренных». Поэтому, когда сразу же после 17 октября выяснилось, что в России нет сил, способных «крепкой рукой сдерживать революцию и немедленно приступить к реформам» (курсив мой — В.П.), стало ясно, что дело свободы проиграно и что потребуются многие годы упорной борьбы за воплощение идей этого манифеста в жизнь. Здесь уместно заметить, что, начиная с горбачевской «перестройки» середины 80-х г.г. ушедшего века и вплоть до наших дней мы весьма «немедленно приступили» к реформам во всех сферах жизни, от развала великой державы до сегодняшних кризисных явлений, также во всех без исключения сферах общественного бытия и общественного сознания. И во всех этих «начинаниях» тем или иным кругам российской интеллигенции принадлежит не последняя роль...

Заключительным аккордом статьи Изгоева является замечание о том, что «самый тяжелый удар русской интеллигенции нанесло не поражение освободительного движения, а победа младотурок, которые смогли организовать национальную революцию и победить почти без пролития крови». Победа эта, по мнению автора, заставляет нас еще раз серьезно задуматься над вопросами «жизни и характера русской интеллигенции, о которых до сих пор у нас почти вовсе не думали». Оставим, однако, турок в покое, у них свои проблемы как тогда, так и сегодня... А вот «еще раз серьезно задуматься» — стоит.

Мы познакомились вкратце с содержанием только одной статьи из сборника «Вехи». Конечно, по ходу изложения мы перекликались с современностью, сравнивая тогдашние размышления отечественных патриотов с сегодняшними реалиями и проблемами.

И, как мне представляется, трудно не согласиться с тревожными и печальными мыслями, навеваемыми сопоставлением положения дел вековой давности и современности. Одна из самых интеллигентных газет сегодняшней России, например, формулирует это так: «Грустное впечатление оставили перечитанные заново «Вехи». Грустное — будто все повторяется, и мы заходим на новый круг испытаний, и не было этих ста лет, и непонятно, к чему эти бесконечные жертвы двадцатого века со стороны России. Когда оглядываешься на нашу историю, охватывает чувство жалости и боли. Сколько героизма и сколько горя! И во имя чего? Неужели во имя этих безвкусных особняков в Подмоскovie или нелепых попок в Куршавеле» (*Алла Глинчикова. Самостерилизация. // ЛГ. 2009, № 15*). К особнякам в Подмоскovie и куршавельским изыскам, конечно же, можно было бы добавить, как мне представляется, и еще весьма немало...

А всего 35 лет тому назад в статье «Образованщина» А.И. Солженицын писал: «Сегодня мы читаем ее (речь о книге «Вехи» — В.П.) с двойственным ощущением: нам указывают язвы не только минувшей исторической поры, но во многом — сегодняшние наши. И потому всякий разговор об интеллигенции сегодняшней... почти нельзя провести, не сравнивая нынешних качеств с суждениями «Вех». Историческая оглядка всегда дает и понимание лучшее». Жаль, что Александр Исаевич не может высказаться на эту тему сегодня.

Конечно, проще всего закрывать глаза и не видеть проявлений бескультурия, интеллектуальной и моральной деградации нашей сегодняшней молодежи. И аргументировать такую позицию как противостояние чрезмерному негативизму, бесплодному и даже вредному пессимизму и т. д., и т. п. Можно также прибегнуть и к историческим параллелям. Дескать, во все времена, и это общеизвестно, дряхлые и немощные старики жаловались на молодежь и предрекали гибель рода, племени, народа или всего человечества на фоне современного этому старичью негатива (или того, что только кажется таковым) в поведении и господствующих нравах молодежи. Документы подобного рода действительно наличествуют во все известные истории эпохи. Можно также рассуждать о бесплодности призывов извлекать уроки из опыта истории. Что подтверждается, к примеру, мнением на сей счет, высказанным Г. Гегелем: «Правителям, государственным людям и народам, — писал он, — с важностью советуют извлекать

поучения из опыта истории. *Но опыт и история учат, что народы и правительства ничему не научились из истории* и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее» (курсив мой – В.П.). Или что проще и понятнее нам – повторимся, вспомнив из российского фольклора поговорку – наступать на старые «грабли»... Вот и вся польза от «исторической оглядки». И вообще, при желании к каждому негативному историческому факту из той или иной сферы общественной жизни всегда можно припомнить «антифакты», контраргументы, опровержения столь же убедительные и значимые.

Все это так. Но ведь от банальной, но от этого не становящейся ненужной или неактуальной истины, что молодежь – наше будущее, никуда не денешься. А также, конечно, она, молодежь наша, – и наше настоящее. А также, что, может быть, менее очевидно, но убедительно подтверждается теми же «Вехами»: молодежь сегодня – это еще и наше прошлое... И поэтому размышлять о молодежи, «об ее быте и настроениях», делать практические выводы из размышлений и предпринимать все возможные усилия, направленные на формирование у молодых людей позитивных социальных установок, созидательного, творческого, высокообразованного и культурного поколения – наша общая задача: семьи, школы всех уровней и всей системы образования, церкви, государства и общественных организаций и движений; задача, соответствующая сложным условиям нашего времени. И откровенный, заинтересованный и нелицеприятный разговор на эту тему как среди взрослых людей, так и с молодым поколением крайне необходим и актуален сегодня.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ

Задача совершенствования подготовки юристов в принципе была актуальной всюду и во все времена существования такой подготовки. Однако, эти времена, естественно, всегда накладывали свой отпечаток, определяли особенности и специфику как постановки, так и вариантов решения возникающих при этом проблем и задач. Следовательно, подход к постановке и решению такой задачи всегда в значительной степени определялся особенностями и состоянием той эпохи, той социокультурной среды, в которой эта задача ставилась. Мы же сегодня задумываемся над постановкой этих проблем и поиском путей их решения в современных условиях, естественно, с учетом как обстоятельств всемирного масштаба, так и процессов, происходящих в жизни нашего Отечества и нашего народа, руководствуясь так или иначе общепризнанным философским принципом всеобщей взаимосвязи всего сущего. То есть, начиная размышлять над этой проблематикой, мы, как мне представляется, не имеем права и не должны игнорировать этот древнейший и общепризнанный философский принцип. Это с одной стороны. С другой же, мы не можем не считаться и со столь же общепризнанной истиной обыденного мышления: «нельзя объять необъятного», хотя к этому и можно стремиться. Следовательно, размышляя на эту актуальную тему всегда желательно определить по возможности конкретно круг рассматриваемых нами вопросов, естественно, ограничив себя какими-то определенными рамками. Могут возразить, что нет смысла задумываться над теми или иными событиями и процессами, на ход и исход которых мы никак не можем повлиять. Да, такие явления, конечно же, существуют. Но мы можем и даже обязаны знать о них, понимать и учитывать их воздействие и влияние на те сферы нашего бытия, в которых и от нашего отношения, и от наших действий тоже кое-что зависит.

Если мы хотим рассмотреть вопросы инновационного развития правовой среды в процессе подготовки профессионалов-юристов, то, очевидно, нам необходимо исходить из четкого понимания двух ключевых понятий: инновационное развитие и правовая среда. Второе из этих понятий, давно вошедшее в теорию и практику правоведения, более или менее четко и однозначно толкуется, по крайней мере, специалистами в области права, юристами, социологами, философами (правда, и здесь встречаются разногласия и разночтения), а вот о понятии «инновационное развитие» этого не скажешь, хотя сам термин «инновация» в многочисленных его вариантах и разновидностях сегодня, можно так сказать, более чем моден. Само понятие «инновация» появилось в научных исследованиях еще в XIX веке. В начале XX века новый оттенок смысла ему придали научные исследования австрийско-американского экономиста Шумпетера, занимавшегося анализом инновационных комбинаций, изменений в развитии экономических систем. Поэтому и у нас этот термин изначально использовался преимущественно в сфере экономики и в ее связи с техникой и научно-техническим прогрессом. Однако, поскольку научные открытия, технические изобретения рано или поздно проникают во все сферы жизни как отдельного человека, так и общества в целом, постольку и термин «инновация» стал распространяться на все сферы бытия и сознания. Теперь он употребляется в самом широком смысле как «синоним успешного развития социальной, экономической, образовательной, управленческой и других сфер на базе разнообразных нововведений», — поясняет директор Института стратегических инноваций, председатель Комитета по инновационной культуре Комиссии России по делам ЮНЕСКО А. И. Николаев, утверждая, что «отсутствие инновационной культуры общества — одна из главных причин инновационной стагнации». Таким образом, «инновационная культура» сегодня становится одной из важнейших сфер общественной жизни и задача ее глубокого осмысления, практического развития и внедрения во все эти сферы приобретает особую актуальность. При этом важно, как мне представляется, и в данном случае постараться избежать крайностей как недооценки, недопонимания существа, места и роли инноваций и инновационной деятельности в постановке и решении актуальных социальных проблем, в частности, в сфере образования, так и противоположной крайности, сводящейся

по существу к словесному преувеличению их роли, а на деле — к игнорированию инноваций и замене их формальными, полусхоластическими рассуждениями и толкованиями. Причем этих крайностей нужно по возможности избегать как в теории, так и в практике.

Понятие «инновация» не отменяет и не заменяет, как мне представляется, бытовавших в советское время понятий «новация», «новаторство» и ряда производных от них, но расширяет, углубляет и конкретизирует их смысл применительно к современным условиям, делая акцент не просто на необходимости обновлений в той или иной сфере практической деятельности, материального производства, организации и на совершенствовании различных сфер социальной жизни, но на сочетании, органической связи новаторских идей, научных открытий, изобретений и т. п. с их эффективным, максимально ускоренным внедрением в практику, во все сферы жизни человека и общества, где эти идеи и открытия могут содействовать социальному прогрессу. Сказанным определяется специфика и отличие смысла понятия «инновация» от ряда близких к нему по содержанию, но не являющихся синонимами, таких как «изобретение», «нововведение», «улучшение», «креативность», «изменение» и т. д. Русский язык сам по себе чрезвычайно богат, но при этом отнюдь не чуждается заимствований и переосмыслений всемирного языкового богатства, что подчас порождает проблемы и толкования смысла слов, и взаимопонимания участников общения.

Социально-культурная среда сегодняшнего российского общества чрезвычайно сложна и противоречива. В ней переплетаются как многочисленные остатки недавнего советского прошлого (называвшего себя «социалистическим» и строящимся коммунистическим обществом) во всех сферах общественной жизни, включая духовную, образовательную; постперестроечного «переходного периода» 90-х годов (так и не осмелившегося устами государственных руководителей четко определить себя как переход к капитализму); так и современного периода, начавшегося с приходом XXI века и также до сих пор не определившего четко, какое же общество, какой социально-политический строй мы хотим создать. Мы все последние десятилетия «переходим», по существу не зная, от чего и не понимая, к чему. Не зря ведь ныне действующий Основной закон нашей страны своей 13-й статьей провозглашает: «1) В Российской Федерации признается

идеологическое многообразие. 2) Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3) В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность». Да уж, наверное, по количеству политических партий Россия скоро станет, если уже не стала мировым лидером (в соответствии с действующим законодательством для создания политической партии достаточно собрать 500 сторонников). А что касается «безыдеологичности» нашего государства, то тут, как говорится, есть над чем задуматься. Идеологию можно не озвучивать, но ведь как любое государство, так и любая политическая или правовая деятельность невозможны без идеологии. А «плюрализм» государственной идеологии (я бы выразился точнее — идеологическая эклектика) вряд ли может обеспечить устойчивое и прогрессивное развитие общества и государства. Еще сомнительнее влияние подобного государственного плюрализма на всю глобальную сферу права в целом и на подготовку кадров профессионалов-юристов в частности...

И хотя самая первая статья в самом первом пункте нашей Конституции категорически провозглашает: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеральное правовое государство с республиканской формой правления», многими специалистами в области теории государства и права это положение трактуется не как констатация сегодняшних реалий, а как установка, цель и задача как для политического руководства, так и для всего народа нашей страны. То есть, одной из важнейших стратегических целей России нашего времени является построение правового государства. А это означает, в частности, значительное повышение роли права во всех сферах жизни общества, а следовательно, и возрастание социальной роли всех граждан, профессионально связанных с правовой, юридической сферой деятельности и, в частности, с юридическим образованием. Конечно, юридических учебных заведений во всех их разновидностях сегодня в нашей стране, очевидно, намного больше, чем их было в Советском Союзе. Но вот соответствует ли это количество и в особенности качество подготовки их выпускников потребностям нашего времени — вопрос открытый.

Да и трудно говорить о качестве работы сотрудников правовой сферы в условиях всего происходящего в сфере права сегодня как в мире, так и в отечестве. Достаточно только заглянуть хотя бы в официальную статистику преступности и ее динамики, ска-

жем, за последнюю четверть века, чтобы было о чем задуматься в том числе и каждому из работников правовой сферы, правового образования, да и каждому сознательному гражданину страны. Или вот самые свежие статистические данные: за январь-март 2012 г. в России совершено 556.845 преступлений, из которых 149.230 — тяжкие и особо тяжкие. При этом не будем забывать, что официальная статистика, как правило, бывает не всегда объективной, полной, не всегда учитывает все относящиеся к делу факты. На этом фоне, возвращаясь к ранее высказанному нами положению о том, что в толковании понятия правовой среды по крайней мере среди специалистов не существует принципиальных разногласий, нельзя не заметить и наличие возможностей достаточно серьезных расхождений в этом вопросе, о чем мы уже отмечали в скобках. К примеру, когда в «Яндекс-словарях» разъясняются «элементарные начала общей теории права» и, в частности, понятие правовой среды, то там же в скобках отмечается: «Правовая среда предполагает: *совершенное законодательство*, эффективную юстицию, правовую развитую культуру и *правовой менталитет населения* и государственных структур, predisposing их действовать в соответствии с правом и др.» (курсив мой — В.П.). Возникает вопрос: да существует ли в мире хотя бы одно государство, в котором имела бы место «правовая среда» при таких условиях? И какое сегодняшнее законодательство мы могли бы назвать «совершенным». Есть над чем задуматься.

А ведь на характер социально-культурной среды вуза так или иначе влияют практически все процессы, происходящие как в узком кругу многообразных отношений внутри самого учебного заведения, так и во внешней по отношению к вузу среде во всем ее еще большем многообразии, сложности, противоречивости, динамичности и т. д. Есть основания задуматься и над вопросом о том, как влияют все эти глобальные, массовые негативные процессы в отношении нарушений правопорядка в стране и в мире на состояние подготовки юридических кадров. Речь, в частности, о массовой коррупции, пронизывающей все сферы и уровни деятельности государственных и общественных институтов, о мошенничестве как в особо крупных размерах, так и самом мелком взяточничестве снизу доверху тоже во всех сферах жизни и т. д., всего не перечислить. И как все это сказывается на учебном процессе в юридическом вузе, на психологии обучаемых и обучающихся?

А как могут влиять на образовательную деятельность в сфере права такие происходящие в сегодняшнем мире и, в частности, в нашем Отечестве, процессы и события как международный и национальный терроризм, грабежи и убийства, массовые беспорядки, наркомания и наркомафия, различного рода насилия, включая педофилию? Ведь молодой человек, изучающий в вузе теорию права и готовящийся посвятить свою трудовую деятельность этой сфере, не может не воспринимать бушующую по бесчисленным каналам и СМИ подобную информацию и не размышлять об этих явлениях применительно к перспективам своего жизненного пути, своей будущей профессиональной деятельности.

Что же касается самого понятия инноваций в сфере образования в целом и юридического образования в частности, то нельзя не согласиться с мнением квалифицированного отечественного педагога Константина Сумнительного, связывающего это понятие с более широкими по содержанию понятиями «качества жизни» и «качества образования» и предупреждающего, что эффект от внедрения инноваций в этой сфере иногда выявляется через достаточно длительное время. «Эти обстоятельства, — предупреждает нас педагог, — делают педагогические инновации крайне рискованной областью». Нельзя не согласиться с подобным мнением, учитывая, что речь идет фактически об «экспериментах» с человеческим «материалом». А эффект от инноваций может быть и не очень положительным.

Постсоветский период в истории нашего образования в целом характеризуется хаосом, приведшим, в частности, к снижению и падению уровня подготовки обучающихся в учебных заведениях начального, среднего и высшего образования. Достаточно вспомнить хотя бы все еще не завершённую историю с введением ЕГЭ, с дискуссиями и проблемами, возникшими в ходе реализации этого новшества, процедуры с кадровыми перестановками в Министерстве образования и науки, со скандалами в системе ВАК и т.п. Чего стоит, к примеру, такой факт: ректор Государственного университета управления (ГУУ) В.А. Козбаненко арестован за взятку в 7 млн руб. Это доктор юридических наук, автор более 100 научных трудов, шести монографий, со-автор трех учебников. Или: по результату проверки комиссией Минобрнауки только в одном вузе (МПГУ) из 25 проверенных научных работ 24 имели признаки плагиата и откровенной халту-

ры. И это ведь только отдельные фактики, вырванные из общей картины состояния российской науки и образования сегодня. А если эти факты обобщить и подумать, как они влияют на систему образования в целом и юридического, в частности? И как может такая «фактография» повлиять на психологию и поведение современного студента?

Возвращаясь к философским размышлениям на тему об инновациях в системе образования и в социально-культурной сфере, хотелось бы вспомнить некоторые простые истины, давно и прочно вошедшие в обыденное сознание, начиная от библейского «ничто не ново под луной» и заканчивая нашей поговоркой о том, что «новое — это хорошо забытое старое». Вот, скажем, по инициативе президента РФ мы сейчас возвращаем систему ГТО в рамках решения задачи развития и совершенствования физической подготовки и укрепления здоровья детей и молодежи. (Напомним в скобках, что было еще и БГТО. Почему бы и его не вернуть?) Или опять-таки по инициативе В.В. Путина возвращается звание Героя Труда. (И снова в скобках напомним, что прежде было звание Героя *Социалистического* Труда. А сегодня — *какого*?) Среди «инноваций» в системе образования, так или иначе возвращающих нас к «забытому старому», встречаются и весьма оригинальные. Так, 31 марта 2013 г. в Московском государственном университете технологии и управления (МГУТУ) им. Разумовского состоялся первый выпуск высших атаманских курсов. Так что, сегодняшнее казачество России, как видим, тоже не чурается инноваций, в том числе и в сфере образования.

Большой опасностью процесса внедрения инноваций в систему образования мне представляется «технизация», механизация, автоматизация этого процесса. Конечно, многочисленные технические новинки нашего времени, наверное, в принципе повышают эффективность, качество, уровень подготовки специалистов. Но опасность, по моему мнению, заключается в том, что человек, будем откровенны, под влиянием этой техники вольно или невольно в какой-то степени обезчеловечивается, становится придатком механизма, продуктом и жертвой технического прогресса. Вот ведь уже более века тому назад один из оригинальнейших отечественных мыслителей размышлял на эту тему: «Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Получилась «техническая душа», лишь с механизмом творчества, а без вдохновения творчества» (В.В. Розанов. *Сумерки*

просвещения. М. 1990, с. 431). А у нас сегодня, как мне представляется, возникающей при этом проблематике и опасностям, грозящим «расчеловечением» человека, уделяется недостаточно внимания. Здесь ведь тоже работают как «ядро диалектики» — закон единства и борьбы противоположностей, так и обыденный здравый смысл — «нет худа без добра» (как и добра без худа?). «Меру во всем соблюдай», — говаривал Фалес Милетский. Это отдельная большая и очень актуальная тема, неразрывно связанная с проблематикой инноваций в сфере образования — самым серьезным образом анализировать, вскрывать как плюсы, так и минусы в ходе внедрения инноваций в жизнь. А посередине между крайностями, как замечал еще Гёте, лежит не истина, а проблема.

Хотелось бы еще заметить, что инновационная деятельность в сфере образования имеет свою специфику в зависимости от профиля вуза: гуманитарного, естественно-научного, технического или, скажем, университетов, в которых наличествуют все эти профили в органическом единстве. Это же касается и педагогических, и медицинских, и сельскохозяйственных и т. д. вузов, каждый из которых имеет свою специфику, и она не может не сказываться на характере и содержании производимой там инновационной деятельности. И конечно же, совершенно особая специфика инновационной деятельности в области юридического образования ввиду особой и всевозрастающей роли государства, права и закона во всех сферах жизни общества.

КОНСТИТУЦИЯ РФ И МОРАЛЬ

Юбилейная дата принятия ныне действующей Конституции Российской Федерации стимулировала процесс осмысления и заинтересованного обсуждения как достоинств этого важнейшего государственного документа, так и возможных имеющихся в нем недостатков, пробелов или недоработок и путей их преодоления. Причем, естественно, основное внимание специалистов, да и всех заинтересованных лиц при обсуждении этого документа, следовало бы, как мне представляется, сосредоточить не на восхвалении и воспевании Конституции как «шедевра» юридического творчества (чем по должности занимаются некоторые наши государственные чиновники), а на путях выявления и устранения, повторимся, имеющихся в ней недостатков, недоработок или пробелов. Впрочем, оглядываясь сегодня на прошедший юбилей можно констатировать, что у нас наличествовало (и продолжает «наличествовать») в избытке и то, и другое. В этом плане, конечно, важно и такое обстоятельство, что отмеченный юбилей мог (и должен был!) эффективно способствовать более обстоятельному знакомству с текстом Конституции всех сознательных граждан нашей страны. Между тем, современные социологические опросы показывают, что более половины даже взрослых граждан (!) так и не читали по сей день её текст. Здесь же, думаю, уместно заметить, что отмена в тексте Конституции её подзаголовка («Основной закон») представляется мне нецелесообразной и необоснованной.

История разработки и принятия этого документа — отдельная, большая и весьма сложная тема, которая будет оставаться еще долгое время задачей тщательного исследования ученых-историков и актуальной темой дискуссий его сторонников и противников. Причем на сегодняшний день у нас имеется немалое количество как тех, так и других. В условиях господства «плюрализма мнений» и отсутствия единой, общепринятой государственной идеологии,

что, как известно, запрещается нашей Конституцией: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13, п. 2.) неизбежны, необходимы и, в конечном счете, могут оказаться полезными подобные столкновения мнений, правда, только в том случае, если они будут происходить на уровне культурного, толерантного, аргументированного и взаимоуважительного диалога участников. И конечно, при всех дискуссиях по проблемам, относящимся к содержанию Конституции и толкованию ее норм, следует придерживаться правила, согласно которому необходимо исполнять действующие нормы Конституции, независимо от нашей оценки их. (Заметим, что процитированное конституционное отрицание или запрещение государственной идеологии, по нашему мнению, также является положением весьма сомнительным и спорным. Ведь от идеологии никуда не денешься, если не оставаться на уровне обыденно-бытовой, социальной психологии. В подтверждение сказанному сошлемся хотя бы на выступление бывшего тогда президентом России Д.А. Медведева, который накануне очередного юбилейного Дня Победы СССР в Великой Отечественной войне, категорически возражая против «возвращения сталинизма в наш повседневный быт», заявил: «Этого нет и не будет. Это абсолютно исключено. И в этом, если хотите, *нынешняя государственная идеология* и моя оценка как президента РФ» («Комсомольская правда», 7.05.2010) (курсив мой – В.П.). Так что же? Не нарушает ли президент России её Основной закон? «Если хотите», можно ведь сделать и такой вывод из этой «оценки».)

Сегодняшняя Конституция, как и Российская Федерация в качестве самостоятельного государственного образования, с одной стороны, исторически молоды (в самом деле, что такое для истории 20 лет!), а с другой, поскольку и Конституция, и государственность российская имеют не такие уж краткие исторические предпосылки, заслуживают и требуют конкретно-исторического подхода при их рассмотрении. Ведь история государства Российского давно превысила тысячелетие, а история нашей Конституции, если даже начинать её биографию с 1918 года (когда была принята первая Конституция РСФСР), приближается уже к столетнему юбилею, что все-таки выглядит солиднее по сравнению с двадцатилетием. А если, изучая историю нашего Отечества, учесть мысли, предложения, проекты и обещания «сотворить» российскую конституцию, то можно вспомнить и императора Александра I, который в речи

при открытии сейма Царства Польского в марте 1818 года обещал «даровать» России конституцию, и разные проекты российской конституции, подготовленные декабристами Н.М. Муравьевым или П.И. Пестелем, который назвал свой проект «Государственным заветом».

Здесь уместно упомянуть и о том, что и всемирная история конституций не такая уж древняя. Как известно, первый в истории документ с таким названием был принят в Соединенных Штатах Америки в сентябре 1787 года. Интересен и такой исторический факт, что второй появившейся в мире конституцией была конституция Польши, просуществовавшая, правда, всего один год. Впрочем, заслуживает внимания и другой, тоже по-своему небезынтесный факт, что значительное число российских юристов сегодня склонны вести летоисчисление конституционной мысли с ветхозаветных библейских времен, насчитывая тем самым в истории конституции более трех тысяч лет (см., к примеру, *сборник статей на тему «Библия и конституция», изданный в 1998 г. Московским клубом юристов*). Но и эти вопросы об истории как отечественной конституции, так и конституций других государств по своему содержанию также весьма сложны, важны и неисчерпаемо противоречивы и являются предметом изучения целого ряда соответствующих научных дисциплин. Нас же сегодня интересует лишь один аспект из этого многообразия, а именно вопрос о соотношении ныне действующей Конституции РФ и морали. Однако же, и этот вопрос, в свою очередь, представляет собой по сути один из подвопросов или аспектов тематики более глобального характера, а именно, вопроса о соотношении морали и права.

Нет и не может быть разногласий по вопросу о существовании или несуществовании неразрывной органической связи этих двух важнейших способов или форм регуляции жизни более или менее цивилизованного социума. Такая органическая связь, конечно же, существует. Все признают это как непреложный исторический факт. А вот в его толковании, в понимании генезиса, содержания, характера, тенденций и перспектив развития этой связи нет, да и никогда, наверное, не может быть достигнуто хотя бы относительное согласие или, тем более, единодушие. Но к взаимопониманию, по крайней мере, нам, гражданам России, желательно стремиться и в этих немаловажных вопросах.

Одной из характерных тенденций нашего времени в рассмотрении проблем о соотношении права и морали является

концепция, в соответствии с которой в разные исторические эпохи в деле регуляции межчеловеческих отношений определяющую роль играли разные формы социальной регуляции, начиная с мифологии, бытовых традиций, обычаев, религиозных заповедей, норм морали и завершая правом. В соответствии с этой трактовкой именно в нашу эпоху на первый план в деле регуляции социальных отношений и поведения человека в обществе выдвигаются право и закон. Не зря ведь в самой первой статье нашей Конституции, заявляют сторонники такой трактовки, провозглашается, что «Российская Федерация *есть* демократическое федеративное *правовое* государство с республиканской формой правления» (курсив мой – *В.П.*). Заметим, что и вопрос о соотношении права и закона трактуется как юристами, так и философами права тоже весьма неоднозначно. Да и то, что РФ уже «есть», а не стремится «стать» тем, чем она себя провозглашает, тоже понимается у нас неоднозначно. И конечно же, при обсуждении вопросов, касающихся Основного закона страны, не следует забывать о том, что этот документ, юридически-правовой по своей сути, так или иначе связан со всеми сферами как общественной, так и индивидуальной жизни каждого человека. Действительно, ведь и право, и мораль сегодня пронизывают практически все сферы жизни человека и общества. Но, как мне представляется, все-таки сфера морали более всеохватна и всепроникающа, поскольку право и закон затрагивают только внешнюю сторону бытия – отношения, действия и поступки граждан, в то время как мораль, конечно же, пронизывает еще и внутреннюю духовную жизнь человека, различных сообществ и межчеловеческого общения.

Размышляя сегодня об актуальных проблемах, стоящих перед Отечеством, не стоит забывать как о его богатом историческом опыте, так и об осмыслении этого опыта нашими соотечественниками в разные исторические периоды и эпохи. Мне представляется, к примеру, что сегодня заслуживают внимания высказанные еще в первой половине прошлого века И.А. Ильиным, видным российским мыслителем и философом права, вот такие идеи: «Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервизма. России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу

и творчески-содержательное по своей цели» (*Русская идея. М.; Республика, 1992, с. 443*).

Тут можно заметить, что исторически обстоятельства сложились так, что в западноевропейской цивилизации приоритет в отношении между правом и моралью изначально (и вплоть до наших дней) принадлежал (и принадлежит) праву, в то время как в России («Третьем Риме»), наоборот, в духовной жизни общества, в общественном и индивидуальном сознании граждан всегда превалировала мораль. Между тем, хорошо известно, что авторы нашей Конституции при ее разработке очень скрупулезно «советовались» со многими иностранными специалистами прежде всего из высокоразвитых европейских государств. Есть и такая версия, провозглашенная американским Государственным департаментом, что текст последней российской Конституции, как и ряд ключевых законов нашей страны, написаны юристами США (напомним в связи с этим и такой известный исторический факт, что ныне действующая конституция Японии была написана по окончании Второй мировой войны в 1947 г. юристами и военнослужащими оккупационных войск США). Конечно, при решении столь важных социальных проблем как сотворение Основного закона страны, не следует игнорировать мировой опыт, но ведь нельзя и не учитывать её, этой страны, национальные, региональные, исторические, религиозные и др. особенности. Крайностей и односторонностей желательно избегать и в этих вопросах. «Меру во всем соблюдай», — говаривал Фалес Милетский.

Трудности для размышлений по вопросу о соотношении нашей Конституции и морали представляют и различные толкования смысла таких фундаментальных исходных понятий как «мораль», «нравственность», «этика». Часто эти понятия употребляются и в бытовом общении, и в справочных изданиях, да и в научных кругах как синонимы, но, также нередко, имеют место и попытки их различения по содержанию и смыслу. Причем и тот, и другой варианты толкования этих понятий имеют длительную историю и продолжают иметь место и сегодня. (В скобках замечу, что в данном тексте я тоже использую эти понятия как синонимы, включающие положительно-гуманное содержание, в отличие от противоположных им по смыслу понятий «аморальность», «безнравственность» или «неэтичность»). А вот лишь один сегодняшней пример различия смыслов этих понятий. О. Осадчая

в работе «Моральный вред в российском законодательстве и его регулирование Конституцией России», отмечая, что наша Конституция «не содержит определений ни морального вреда, ни таких важнейших понятий, как мораль и нравственность», считает что эти понятия было бы целесообразно закрепить в Конституции и предлагает свой вариант их определений:

Мораль — приемлемые для определенного круга лиц, социальной среды, слоя, класса корпоративные правила поведения.

Нравственность — приемлемые правила поведения для всего общества в целом.

Моральный вред — негативные последствия умаления прав, свобод и законных интересов человека, проявляющиеся в сфере эмоций и чувств и выражающиеся в физических страданиях и духовных переживаниях».

Можно было бы и согласиться с этими предложениями, но таких и подобных им, весьма разумных и актуальных предложений сегодня поступает столько, что если все их одобрить и принять, то Конституция России перестанет быть основополагающим юридическим документом и превратится в гигантский Моральный кодекс обновляющейся России. Между тем, ведь многие моральные нормы межчеловеческих отношений сегодня так или иначе нашли отражение как в целом ряде наших новых законодательных актов, развивающих и конкретизирующих положения Конституции, так и в различных общественных, профессиональных, религиозных «кодексах», «уставах», «заповедях» и т. п. Я уж не говорю о бесчисленных «комиссиях по этике», начиная с таковой в Госдуме и заканчивая «Объединенной комиссией по корпоративной этике при РСПП — АРС». А в самом тексте Конституции понятия «этика» и «мораль» действительно даже не упоминаются ни разу, а слово «нравственность» — только один раз, да и то, скажем так, вскользь вот в таком контексте: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, *нравственности*, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (Ст. 55, п. 3. *курсив мой — В. П.*). Поэтому мне представляется, что с мыслью о том, что в нашей Конституции недостаточно внимания уделяется нравственным, моральным, этическим проблемам, можно согласиться, а вот вопрос о том, как конкретно устранить этот недостаток, остается открытым.

И еще хочу добавить, что предлагаемое О. Осадчей определение понятия «мораль» напомнило, как мне представляется, тоже остающуюся актуальной и сегодня, мысль Ф. Энгельса: «Каждый класс и даже каждая профессия имеют свою собственную мораль, которую они притом же нарушают всякий раз, когда могут сделать это безнаказанно» (*К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 298-299*) Да, сегодня чуть ли не каждая профессия и любая другая общность людей стремится разработать свой «моральный кодекс» или, как мы только что упомянули, свои «комиссии по этике», со всеми вытекающими из этого последствиями. А Конституция для них всех, по идее, должна бы предоставлять лишь законодательную основу.

Не случайно поэтому во вступительной статье к изданному в 2000 году тексту Конституции начальник Управления юстиции Московской области, действительный член Академии гуманитарных наук РФ Ю.Н. Власов подчеркивает: «Конституцию РФ несправедливо было бы воспринимать только как правовой акт — она содержит нормы, во многом определяющие нравственные ориентиры, ориентиры справедливости для общества и государства. Занимая в иерархии законодательства Российской Федерации высшее место, по сути Основной закон является правовым и моральным столпом правовой системы России как многонационального демократического федеративного правового социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (*Конституция Российской Федерации. М.; Юрайт, 3-е изд. 2000, с. 16*).

А наши современные образцы конкретизации этого «правового и морального столпа» в самых различных вариантах можно приводить бесконечно. Вот, к примеру, содержание гл. 6 «Прикладная этика» новейшего вузовского учебника по этике: «6.1. Предмет прикладной этики 6.2. Корпоративная этика 6.3. Профессиональная этика 6.4. Этика бизнеса 6.5. Биоэтика» (*Этика: учебник для бакалавров. Под ред. А.А. Гусейнова. М.; Изд-во Юрайт. 2013 г., с. 6.*). Неисчислима масса изданий, учебных пособий по этике права, этике юристов, судебной этике, этике уголовного процесса, юридической этике и т. д., и т. п. В ходе осуществления судебной реформы в нашей стране принят Нравственный кодекс представителей судебной власти, а Совет судей РФ еще в октябре 1993 г. принял документ под названием «Кодекс чести судьи Российской Федерации». Здесь уместно упомянуть, что именно

представителям юридических профессий наиболее часто приходится сталкиваться с наличием противоречий между истиной и требованиями формально-правового и морального порядка. Решает эти проблемы каждый индивидуально. И конечно, аналогичные проблемы возникают практически во всех других профессиональных сферах человеческой деятельности.

Наши законодательные органы за последние два десятилетия приняли тысячи законов и обсуждают сегодня столько же проектов новых, в частности, включающих проблемы морали и нравственности (скажем, к примеру, закон «Об оскорблении чувств верующих», или о запрете курения в общественных местах, или о так называемых «гей-парадах» и т. п.).

И что же в итоге? Невольно вспоминается мысль древнекитайского мудреца Лао Цзы: «Чем больше законов и приказов, тем больше воров и разбойников». Увы, наша сегодняшняя статистика преступности, пожалуй, подтверждает эту печальную истину. Упомянем в этом плане хотя бы глобальную проблему коррупции во всей её сложности и многообразии. Правда, винить в возникновении подобной ситуации законодателей, следуя Лао Цзы, конечно, не приходится. Да и даже самые резкие моральные осуждения и проклятия в адрес актов коррупции и коррупционеров сами по себе вряд ли могут эффективно содействовать хотя бы их количественному сокращению или нравственному «очеловечению». Ведь причины подобных явлений кроются где-то глубже, корни их, как мне представляется, в тех исторических предпосылках и сегодняшних глобальных кризисных явлениях, которые переживает человечество в целом. И эти корни можно и нужно искать и находить как в материальной, так и в духовной сфере общественной жизни, и, конечно же, не в последнюю очередь в сфере морали. А руководству нашей страны, да и всем сознательным гражданам не стоит забывать мысли древних мудрецов, также остающиеся актуальными и по истечении тысячелетий. В плане нашей темы здесь можно вспомнить еще не только древнекитайских мыслителей, но и в какой-то мере более близких нам по духу древних греков. К примеру, еще родоначальник атомизма Демокрит заявлял: «Законы бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше».

Так что же? Отменить все законы? Да нет, конечно. Нужно предпринимать все усилия для обеспечения их качественно

справедливого содержания и, соответственно, исполнения, используя при этом не только репрессивные государственно-правовые методы, но и весь арсенал материальных и духовных средств общества, арсенал, который можно и нужно множить, развивать и совершенствовать. Скажем, обозначенному нашим президентом В.В. Путиным в одном из недавних программных выступлений «аморальному интернационалу», в составе которого «распоясавшиеся, обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России, и продажные сотрудники правоохранительных органов, которые «крышуют» этническую мафию, и так называемые «русские националисты», разного рода сепаратисты, готовые любую бытовую трагедию сделать поводом для вандализма и кровавой бузы», такому «интернационалу», наверное, можно и нужно было бы противопоставить подлинно «моральный Интернационал», поскольку проблемы установления нравственного порядка, утверждения высокоморальных межчеловеческих отношений, гуманизма, порядочности являются ведь не только нашими внутригосударственными или – внутри России – межэтническими, но и подлинно международными, всеобщими для человечества как единого целого. Ведь «кровавой бузы» в мире и на сегодняшний день, к сожалению, ужасно много. И для утверждения нравственных ценностей и гуманных отношений между людьми, конечно же, недостаточно деятельности государственных или межгосударственных военных антитеррористических мероприятий, решений и актов организаций вроде ООН, ее различных филиалов, национальных и международных юридических актов и т. п., но не помешал бы и организованный подлинно «нравственный Интернационал». Хотя, конечно, сегодняшним российским руководством даже само понятие «Интернационал» воспринимается как нечто негативное и неприемлемое.

И если, как мы уже заметили, в нашей Конституции термины «мораль» и «этика» вообще не употребляются, это вовсе не означает, что в ней не уделяется внимание соответствующей проблематике. Здесь важно иметь в виду, что смысл и содержание многих понятий являются неоднозначными и в значительной степени зависят как от замысла авторов, от контекста их употребления, так и от их восприятия и истолкования адресатом, соответствующим субъектом. В этом плане текст нашей Конституции содержит множество положений, которые могут и должны быть истолкованы и в этически-моральном, а не только в формальном

юридически-правовом аспекте с полным на то основанием. Чтобы не быть голословными, подтвердим мысль примерами. Так, уже в преамбуле документа говорится не только о правах и свободах человека, гражданском мире и согласии, об общепризнанных принципах равноправия и самоопределения народов, но и о том, что мы принимаем Конституцию, «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Неоднократно упоминается в тексте Конституции и такое, безусловно, этическое, понятие как «достоинство личности». Вот, скажем, формулировка ст. 21 из второй главы:

«1. Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием его умаления.

2. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

Хотелось бы обратить особое внимание и на такой факт, что в содержании нашей Конституции так или иначе нашел воплощение и один из важнейших и общепризнанных в мире принципов, получивших название «золотое правило морали» или «золотое правило нравственности». Варианты формулировок этого правила во всемирной истории культуры неисчислимы. Их можно найти в древних и современных религиозных текстах самых различных религий, и в трудах выдающихся мыслителей, философов также всех времен и народов, и в народных пословицах и поговорках (*подробнее смотри об этом – Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М.; 1988 г.*). Положения же нашей Конституции неоднократно «перекликаются» с этим «золотым правилом нравственности». Вот, к примеру, пункт 3 статьи 17 гласит: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Или пункт 2 статьи 36: «Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц». Для сравнения – заповедь Конфуция: «Не делайте другим того, чего себе не пожелаете», или пословица – «Чего в других не любишь, того не делай сам», или общеизвестная христианская Новозаветная заповедь из Евангелия от Матфея: «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо

в этом закон и пророки». Примеры различных формулировок и толкований «золотого правила» тоже можно приводить бесконечно. И, пожалуй, не только можно, но и нужно. Остается только один вопрос: а как на деле выполнялись и выполняются эти мудрые и гуманные заповеди, принципы, правила «золотые» в повседневной жизненной практике всех времен и народов? Увы, вопрос, как мне представляется, риторический. Не зря А.А. Гусейнов в названной выше работе замечает: «Золотое правило само по себе не имеет общечеловеческого статуса. Каждый класс и каждая эпоха вкладывают в него свое содержание» (*Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М.; 1988 г., с. 128*). Добавлю только, что таким «вкладыванием» занимаются не только классы и эпохи, но и практически все люди и во все времена. Так что проблема и в праве, и в морали, и в нравственном кодексе и в Конституции концентрируется на необходимости обеспечения практического исполнения их положений и заповедей. А тут вспоминается известная ироническая мысль М.Е. Салтыкова-Щедринина о том, что «строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения». И это, как мне представляется, верно не только в отношении наших российских законов и моральных установок, но, увы, так или иначе проявляется и во всемирном масштабе. «Категорический императив» этики Канта, так же в своем содержании перекликающийся с «золотым правилом нравственности», заставляет нас вспомнить и его трактат «Об изначально злом в человеческой природе», и его не менее знаменитое высказывание: «Из такого кривого полена, как человек, ничего прямого не выстругаешь». И никакая конституция, никакой нравственный кодекс или религиозно-нравственная заповедь, как показывает исторический опыт, сами по себе не способны решить задачу эффективного противоборства аморальности и преступности. Достаточно хотя бы бегло взглянуть на статистику негативных реалий юридического и нравственного порядка сегодняшнего дня, как в отечестве, так и в мире в целом.

Реальная жизнь и сегодня предоставляет богатейший материал для сопоставления того, что юристы называют «де-юре» и «де-факто», а теоретики этики — «должным» и «сущим».

А что касается текста нашей Конституции в аспекте употребления в нем этических понятий и суждений, то внимательный читатель может отметить и такие, к примеру, как «Достойная жизнь и свободное развитие человека» (*ст. 7*), «достоинство

личности» (ст. 21), «защита своей чести и доброго имени» (ст. 23), «свобода совести» (ст. 28), недопущение агитации или пропаганды, «возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду» (ст. 29), недопущение экономической деятельности, направленной «на монополизацию и недобросовестную конкуренцию» (ст. 34), под защитой государства находятся – «материнство, детство, семья. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей», так же как и забота взрослых детей «о нетрудоспособных родителях» (ст. 38), поощряется «благотворительность» (ст. 39), «долг и обязанность гражданина – защита Отечества» (ст. 59) и т. п. По сути дела, вся Конституция наполнена такими понятиями, положениями, установками, правильное понимание и исполнение которых, как мы уже упоминали, предполагает и требует учета их морально-нравственного содержания.

Поэтому каждое из приведенных положений и понятий, как и текст Конституции в целом, а также все другие правовые акты, конечно же, достойны внимательного этического осмысления и, в зависимости от аудитории и других обстоятельств, их разъяснения или дискуссионного обсуждения.

В этом плане представляет определенный интерес сопоставление текста нашей конституции с текстами основных законов других стран и всего мира в целом. Вот несколько конкретных данных на сей счет. Слово «*нравственность*» в среднем употребляется в конституциях стран Латинской Америки – 10,6; Африки – 2,9; Азии – 2,4; Европы – 2,2 и России – 1 раз. «*Мораль*» – соответственно: 8,6; 5,8; 3,7; 2,5 и 0. В такой же последовательности употребление слов «*дух*», «*духовность*»: 5,3; 3,4, 4,3; 2,5; 0. Слово «*справедливость*»: 15,4; 15,9; 7,9; 3,7 и 1 раз. А вот по использованию в Конституции слова «свобода» наша страна является одним из мировых лидеров – впереди только Основной закон ФРГ. И поскольку «свобода – базовая ценность либеральной идеологии», постольку конституции Российской Федерации и ФРГ являются наилиберальнейшими. Здесь уместно заметить, что толкование многосмысленного понятия «свобода» в нашей обыденно-бытовой, общественной психологии нередко сводится на практике к идее вседозволенности: «Я свободен, значит, я волен делать всё, что хочу, без всяких ограничений». Как не вспомнить при этом мысль Г. Гегеля: «Когда мы слышим, что свобода состоит вообще в возможности делать все, что хотят, то мы можем признать такое

представление полным отсутствием культуры мысли, в этом представлении нет еще ни малейшего даже намека понимания того, что есть в себе и для себя свободная воля, право, нравственность и т. п.» (Г.В.Ф. Гегель. *Философия права*. М.; 1990, с. 465).

Автором приведенной нами статистики словоупотреблений в конституциях мира является В.Э Багдасарян, доктор исторических наук, профессор, член-корр РАЕН, выступивший с докладом на тему «Конституция Российской Федерации как конституция побежденного государства» на научно-экспертной сессии «Либеральная конституция России 1993 г.; проблема смены», прошедшей 6 декабря 2013 г. Кстати, в этом докладе содержится еще и такое утверждение: «Российская Конституция – единственная в мире, допускающая частную собственность на природные ресурсы» (Ст. 9, п. 2). Эта информация тоже ведь стимулирует и определенные размышления о соотношении нашей Конституции и морали, как и вся приведенная выше статистика морально-этического словоупотребления в этом документе.

В плане нашей темы представляют интерес и другие, приводимые в названном документе В.Э. Багдасаряна данные. Так, понятие «Родина» в нашей Конституции встречается один раз, в европейских же конституциях в среднем – более двух, а в целом по миру – около трех раз. Слова «патриот», «патриотизм» присутствуют в конституциях стран Европы и ближнего зарубежья в среднем один раз, около двух раз – в среднем в конституциях стран мира. В конституции КНР – четыре раза. О советском патриотизме заявляла Конституция СССР. Современная Конституция России, не обращаясь к теме патриотизма, естественно, не использует и соответствующую терминологию.

Здесь уместно напомнить и о том, что слово «право» во всех конституциях мира употребляется чаще, чем слово «обязанность». В нашей – в шесть раз, и это наивысший показатель в мире, где в целом это соотношение – 1:3. (В скобках замечу, что хотя в общественном сознании, в том числе и у нас в России, и господствует здравая мысль о том, что «нет прав без обязанностей, как и обязанностей без прав», тем не менее, общественных движений за расширение и усиление обязанностей граждан я что-то не припомню, ни в нашей стране, ни в мире. А вот за права и свободы мир борется непрерывно, веками и тысячелетиями. То же самое относится и к понятиям «свобода» и «ответственность». Есть над чем поразмышлять в плане нашей темы.)

Понятное дело, что такие размышления и выводы, даже основывающиеся на приведенных здесь конкретных социологических данных (а их тоже можно бесконечно умножать), могут быть неоднозначными, противоречивыми, вызывающими полемику и даже, возможно, не всегда полезными. Стоит только пожелать участникам таких дискуссий по возможности избегать резких, категорических суждений и оценок, свидетельствующих только о том, что их автор считает свою позицию единственно правильной, бесспорно истиной и не приемлет никаких возражений или других позиций по обсуждаемому вопросу. Вот только один краткий пример подобных категорических рассуждений. «Вся первая глава Конституции «Основы конституционного строя» – сплошная ложь. Ни один пункт из всего, что записано в ней, никогда не исполнялся» (*Савельев А.Н. Время русской нации. М.; 2007, с. 88*). Между тем, примеры подобного стиля «полемики», в том числе и по обсуждаемой нами теме, в наших СМИ, в общении граждан и даже специалистов далеко не малочисленны. И об этом тоже не вредно поразмышлять и подискутировать нам, скажем так, в общецивилизационном, да и в конкретном морально-этическом плане. Но это уже вопросы культуры и этики межчеловеческого общения, выходящие далеко за пределы обсуждаемой сегодня темы.

Внушает определенный оптимизм и такая, приведенная в том же докладе В.Э. Багдасаряна, информация, что наша Конституция пока еще сравнительно молода, что средний возраст действующих конституций в мире – 18 лет и что 116 конституций других стран еще моложе нашей. А молодым всегда открыты пути дальнейшего развития, роста и совершенствования, как и возможности успешного преодоления возникающих на этом пути препятствий. В целом же тема, затронутая нами, бесконечно сложна, противоречива, актуальна и всеохватна и, я уверен, еще долгое время будет оставаться таковой.

КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ МНЕ НУЖНА

Предположим, кто-то осознал или его убедили, что сегодня быть цивилизованным человеком и не философствовать невозможно, что без философии ему не обойтись, желает он того или нет. Естественно, перед этим человеком с необходимостью встанет вопрос: так какой же должна быть его философия? Мучиться ли ему, пытаясь решить этот вопрос совершенно самостоятельно, прибегнуть ли к помощи людей, которым он доверяет, обратиться ли к накопленному человечеством опыту постановки и разрешения философских вопросов и извлечь из него нечто наиболее соответствующее его времени, его личным потребностям, взглядам и оценкам? А может, пустить все на самотек, мол, как-нибудь само собою все решится? Естественно, все эти вопросы в конечном счете каждый решает сам, самостоятельно, хотя не каждый над ними задумывается.

Однако, понятное дело, что абсолютно без всякой помощи, без подсказки здесь никак не обойтись. А вот эти «подсказки», поставляемые человеку во всем многообразии его жизненного опыта, бывают уж очень и очень разными, нередко противоречивыми и несовместимыми друг с другом. Как же выбирать? На что опираться? Кому доверять, кому не верить? Опять-таки, каждый решает сам.

Но если человек действительно убедился, что без философии ему не обойтись, то он может прежде всего заинтересоваться вопросом: а что же такое сама-то эта «философия», что она собой представляет? И вот думающий, интересующийся и сомневающийся человек, пытаясь разобраться в сути дела, начинает искать ответ на этот вопрос. И что же он найдет?

Честно говоря, полнейшую неразбериху и разногласия в самых, казалось бы, «компетентных» источниках и кругах специалистов. Ну, скажем, начиная хотя бы с самого первого вопроса: а является ли философия наукой или нет? Вот что, к примеру, может прочесть на эту тему наш заинтересованный вопрошатель:

«Ну что это? Наука? Искусство? Сама жизнь? И спрашивать-то нелепо. Какая же это, прости господи, наука?! Ведь это же издевательство, сплошное измывание над наукой. В философии никогда никого ничему не научишь. Всякий идиот имеет тут свои суждения; нет никакого авторитета или хотя бы полиции, чтобы заставить людей мыслить правильно. Вернее, тут слишком много разных авторитетов и полицейских приставов; и всё это кругом лает, воеет, тьякает, грозит, кусается, — того и смотри за ногу тьянет. Какая же это наука?» Не будем пока называть автора этих, согласитесь, небезынтересных рассуждений, хотя и предупредим читателя заранее, что автор этот весьма авторитетен. Мы к нему еще обязательно вернемся. И еще согласимся с тем, что тут есть над чем задуматься. Но пока что давайте не будем торопиться ни соглашаться, ни возражать.

В целом же сегодня дело обстоит таким образом, что как среди профессиональных философов, так и во внефилософской среде не существует единодушия в ответе на вопрос, является ли философия наукой. Здесь, в частности, проявляются две присущие общественному сознанию крайности в оценке места и роли как науки, так и философии в жизни общества не только сегодня, но и во всей истории человечества — это крайности сциентизма и антисциентизма. Если сторонники первой из этих крайностей склонны так или иначе акцентировать внимание на положительных аспектах развития научного знания, всячески популяризируют и преувеличивая его позитивную роль в истории, то вторая крайность, напротив, концентрирует внимание на негативных моментах влияния науки на человека, на ход общественного развития и на природу, выпячивая связанные с прогрессом науки, к сожалению, на сегодняшний момент не такие уж малочисленные «негативы». Таким образом, каждая из этих крайностей располагает немалым количеством весьма убедительных аргументов и фактов. И опять же заметим, что как среди сторонников сциентизма, так и среди антисциентистов не существует единства в их отношении к философии, в оценке ее места и роли как в науке, так и в других сферах жизни человека и общества. При этом, естественно, каждая из этих крайностей считает свою позицию единственно верной и бесспорной. Правда, есть и такая позиция, согласно которой обе, казалось бы несовместимые, точки зрения по этому вопросу одинаково правы.

В советское время подобных вопросов вообще не возникало, поскольку на официальном уровне в системе народного образования

по отношению к философии последовательно проводилась мысль о том, что единственной подлинно научной философией является марксистско-ленинская философия, критически переработавшая весь опыт многовекового развития мировой философской мысли, интегрировавшая и развившая все её положительные моменты и преодолевшая имевшиеся ошибки и недостатки, подвергшая разоблачительной критике на партийной классово-идеологической основе всех возможных оппонентов философии диалектического и исторического материализма. А сам же диамат однозначно определялся как «наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления». Но это, как уже было сказано, только на официальном уровне. Один же из образцов неофициальных размышлений и рассуждений на эту тему в то же советское время мы уже только что цитировали и обещали к этому вернуться. Оговоримся только, что подобных образцов названных крайностей при желании сегодня можно найти множество. Правда, дискуссии по самым разным философским проблемам в советское время велись так же и на официальном уровне, но только в известных ограничительных рамках, не позволявших, к примеру, открыто заявить о ненаучности или неистинности марксизма и его философии, что очень модно и разнообразно проявляется у нас сегодня.

Впрочем, не следует забывать и о том, что «наукой» философию считали с самых древних времен, скажем, начиная с Аристотеля. Более того, довольно длительное время были широко распространены мнения о философии как «царице наук», как высшей сфере именно научного знания и т. п. Однако эти времена, увы, давно закончились, и в наши дни в отношении к философии, в понимании ее сути, места и роли в жизни как отдельного человека, так и общества в целом, царит полная неразбериха и множество несовместимых мнений. Хотя, конечно, скажем, в наших вузовских учебных пособиях по этой дисциплине, как правило, так или иначе провозглашается и обосновывается мысль о том, что философия все-таки является наукой. Да и продолжающий свое существование в сегодняшней России Институт философии, наверное, не случайно входит в состав Академии наук Российской Федерации. Естественно, такая ситуация чрезвычайного разногласия осложняет для индивида проблему сознательного выбора и решения вопроса, нередко склоняя размышляющего вопрошателя, как мы уже отметили, к самоустранению: «как-нибудь обойдемся

без философии», «меньше знаешь, лучше спишь», «есть проблемы поважнее, поактуальнее и поинтереснее» и т. п. Обыватель может рассуждать примерно так:

*Философия, эй, философия!
Ты скажи мне — кому ты нужна?
То ли суперболтливым простОфилям,
То ли тем, кто зовется «шпана»?!*

*Называла себя «любомудрием»,
Прозывалась «царицей наук».
Скольким людям мозги ты запудрила,
Сеть софизмов плетуций паук?*

Так рассуждающий индивид подчас даже и не подозревает, что он и в этом случае становится сторонником и в какой-то мере даже пропагандистом самой примитивной, пошлой, мешанской, бытовой, обывательской, а то и криминальной, бесчеловечной, преступной, но все-таки опять же философии. О таком неадекватном отношении к философии с озабоченностью и тревогой в свое время высказывался один из наиболее выдающихся философов XIX века — Г. Гегель: «Худший вид презрения заключается в том, что ... каждый убежден, что он без всякой подготовки может разобрататься в философии и высказать о ней свое мнение. Никакому другому искусству, никакой другой науке не высказывают эту последнюю степень презрения, не предполагают, что ими обладают уже с самого начала» (*Г. Гегель. Соч., т. VII. М.; 1935, с. 9*).

А еще раньше другой виднейший представитель немецкой классической философии Г. Фихте, выступая как апологет идеализма, утверждал: «Какую кто философию выбирает, зависит от того, какой кто человек: ибо философская система — не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию; она одушевлена душою человека, обладающего ею. Дряблый от природы или расслабленный и искривленный духовным рабством, ученой роскошью и тщеславием характер никогда не возвысится до идеализма» (*И. Г. Фихте. Избр. соч. в двух томах. Спб., 1993, т. I, с. 424*). Прошло примерно два века с тех пор, как были высказаны эти мысли, но мне представляется, что они нисколько не устарели, хотя и сегодня, конечно, далеко не во всем можно согласиться с приведенными высказываниями философских классиков.

Замечу, кстати, что одной из интересных сторон философских идей и рассуждений является по существу никогда не угасающая их актуальность, хотя последняя, конечно, может ослабевать или возрастать в зависимости от различных обстоятельств и особенностей переживаемого человеком или обществом момента.

Здесь, полагаю, нам уместно возвратиться, как и было обещано, к размышлениям неназванного, но процитированного нами ранее авторитетного автора, имя которого, конечно же, будет названо, но только после краткого изложения еще нескольких его весьма нешаблонных рассуждений на интересующую нас тему. Мысли эти были высказаны примерно через век после приведенных нами только что цитат немецких классиков и более восьмидесяти лет тому назад, в 1931 году, но они так же, по моему мнению, не утратили своей остроты и актуальности, как и мысли Гегеля или Фихте, а для нас они еще более интересны и важны, поскольку принадлежат нашему соотечественнику. Итак, продолжаем нашу интригу.

Философия, рассуждает этот автор, «всегда назойливо вылезает за всякие приличные рамки, требуя отдать ей все и сама не давая ровно ничего, — точь в точь как духовно расслабленная и физически изношенная идиотка и дама истеричка... А главное — это удручающее повальное убеждение всех и каждого, что он имеет право философствовать, что для философии не надо ничему учиться, что при любой духовной и умственной сиволапости можно высказывать свои мнения и критиковать величайших философов...» (чувствуешь, уважаемый читатель, как перекликаются эти мысли нашего соотечественника с только что процитированными нами рассуждениями Гегеля?). «Не *проститутка* ли наша с Вами философия, — обращается автор письма к своему адресату, — и не публичный ли дом — то, что скромно называется историей философии?» Далее автор с горечью признается, что, прожив более сорока лет, он пришел к выводу, что «философия — это проституция». «Если хочешь быть нахалом, невежей, хамом и в то же время иметь глубокомысленный и ученый вид, вали в философию!» Продолжая эту часть своих размышлений, автор с негодованием утверждает, что «дешево продается философия любому покупателю! Любой мерзавец и обскурант может делить это доступное ложе... Нет ни одной дурацкой идеи, которая не могла быть подхваченной людьми, которую бы не повторяли в качестве истины и которую бы не предпочли философскому гению». И завершается эта часть рассуждений

подчеркнуто горестным выводом: «Удручает и то, что все, решительно все давно сказано. *Нет возможности сказать в философии что-то новое*». Повторяем, что мысль эта подчеркнута, выделена самим автором и что на этом завершается, да и то не полностью, только часть его рассуждений о философии в негативном плане. Думаю, что читатель уже заинтересовался изложенными мыслями и их автором, независимо от того, согласен он с ними или нет. Завершая же эту нашу интригу, сообщу, что после приведенных здесь столь критических размышлений о философии их автор отнюдь не отказался от философских изысканий и занимался ими после этого еще более пятидесяти лет. Да и в процитированном нами письме его сорокалетний автор честно признавался: «Я люблю философию и ухлопал на нее всю жизнь. Я знаю, что существует истина и есть разум истины. Философия для меня — и наука, и мудрость, и внутренняя жизнь». Но это признание в любви к философии, конечно же, далеко не шаблон, поскольку тут же следует такое его продолжение: «Эта идиотка взяла у меня все силы, но дала то небольшое, что я мог бы и без нее иметь, но, пожалуй, в гораздо больших размерах». Здесь же автор утверждает, что при всей зрелости его возраста он никак не может «надивиться на то, как *никого ничему нельзя научить*» (курсив мой — В.П.). Уместно заметить, кстати, что оставшиеся после написания этого письма более пятидесяти лет своей жизни автор целиком посвятил не только научной, но и философско-преподавательской деятельности в московских вузах.

Однако на высказанных и только что приведенных нами весьма резких оценках философии критический запал автора отнюдь не заканчивается. Назвав свой вопрос о том, «не была ли философия всегда таким распутством человека, которое достойно только кнута и тюрьмы или, в крайнем случае, психиатрической клиники?», назвав этот вопрос, повторяю, «скверным, корявым, кляузным» и заявив, что на него ему не хочется отвечать, автор тут же ставит новый, «если не более скверный и корявый, но зато более страшный вопрос. Современная философия распутна, философия XIX века распутна. Возрождение распутно. Средневековье распутно. А что если все это мировое распутство, все это вселенское непотребство и есть истина?» Как мне представляется, даже самый ярый противник философии и всяческого философствования не мог бы высказаться на эту тему более резко отрицательно, более критично, более нигилистически. Правда, при этом автор неоднократно

признается, что на так поставленные им вопросы ему и самому «не хочется отвечать», но от их постановки он отнюдь не отказывается. «Что если всякий момент философии, даже самый развратный, самый ничтожный имеет право на существование? Что если мы вместо того, чтобы искать в истории несуществующие идеалы философии, прямо возьмем да и объявим, что вся история философии со всем своим непотребством, это-то и есть самое настоящее, оно же и действительное, оно же и необходимое, оно же единственная реальность философии, оно же и единственный её идеал?» Конечно, так откровенно резко, сверхкритически, беспощадно ученый позволяет себе высказываться в частном письме, которое отнюдь не предназначалось для публикации. Но тем интереснее и значительнее, как мне представляется, эти откровения. В самом деле, в каких трудах по истории философии найдешь подобные характеристики: «И вот философы, которых я изучаю в истории, лают, визжат, пищат, воют, чирикают, рыкают, кудахтают... Есть, конечно, и свои соловьи, есть и свои лягушки, есть шакалы, есть и комарики. Ну и что же? Ну и бог с ними, казалось бы». Думаю, пришла пора оборвать на этом месте цитирование и назвать, наконец, автора. Изложенные здесь мысли принадлежат Алексею Федоровичу Лосеву (1893-1988 г.г.), выдающемуся отечественному философу и филологу, историку философии, эллинисту, всю свою жизнь посвятившему научной и педагогической деятельности в этой сфере (*В.П. Троицкий. Разыскания о жизни и творчестве А.Ф. Лосева. М.; 2007, с. 335-341*).

Мы же остановились здесь столь подробно на высказанных им мыслях в частном письме к коллеге А.А. Мейеру только потому, что более ярких критически заостренных высказываний, направленных, казалось бы, вообще против философии вряд ли можно найти даже у ее (философии) откровенных, последовательных и беспощадных противников. В философском же наследии А.Ф. Лосева насчитывается более 800 произведений, из которых более 40 монографий. Он автор переводов трудов Аристотеля, Платона, Секста Эмпирика, Прокла, Николая Кузанского. В 2006 г. в московской библиотеке Лосева на Арбате был открыт первый и до сих пор остающийся единственным в России памятник отечественному философу.

Таким образом, изложение отрицательных оценок философии будем считать после всего сказанного пока что законченным, хотя если покопаться в этом направлении в истории философии,

можно, конечно, найти немало созвучного приведенным мыслям Философа. Не говоря уж о современных разночтениях отечественного и мирового плюрализма мнений. Одним из ярких образцов современных антагонистически противоречивых и нигилистических размышлений о философии могут послужить, к примеру, труды и идеи весьма эрудированного, философски энциклопедически грамотного и эмоционально крайне откровенного автора — Игоря Гарина. Вот лишь некоторые его мысли на сей счет, непосредственно связанные с обсуждаемой нами темой.

«Любое определение философии есть разновидность догматизма; философия или неопределима, или незамкнутая совокупность всех определений» (*И. Гарин. «Что такое философия: Запад и Восток. Что такое истина?» М.; 2001 г., с. 12-13*). И далее: «Философия не развивается, а истинствует, воюет, терпит поражения, залечивает раны. История философии соткана из парадоксов, наветов, умолчаний, остракизмов, экстазов. История философии субъективна, пристрастна, человечна...» (*Там же, с. 64*). Нельзя не отметить ценных признаний автора этой книги уже в первых ее строках. «Читатель, взявший в руки мою книгу, — взывает он, — будь бдителен! Перед тобою первая посткоммунистическая история мысли, написанная по эту сторону железного занавеса на развалинах самой мысли» (*Там же, с. 3*).

Резкость и категоричность высказываемых мыслей и оценок, конечно, не может не привлечь внимания читателя и не заинтересовать его во внимательном изучении последующего текста. Но автор остается верен себе в этом плане и на всех последующих страницах. Здесь же, уже на первой страничке в замечании «От автора» может привлечь внимание дотошного читателя и такое признание: «Голые короли, наши многочисленные Крошки Цахесы — Цинноберы, прикрывающие собственную ничтожность звездами и лампасами, приучили нас к убогости Кратких курсов, Экономических проблем, Целины, Малой Земли, десятилетиями размягчали нам мозги, превращали в манкуртов, каковыми, если быть до конца искренними, мы и являемся. Тотальный нигилизм, бесконечные критики, духоненавистничество, материализм и эмпириокритицизм, изгнание-искоренение «архискверных» не могли пройти бесследно. Какая уж тут мысль? Какая философия? Ату ее, ату!..» (*Там же, с. 3*. Жирный шрифт мой — *В.П.*). Таким образом, по «до конца искреннему» признанию автора мы имеем дело в данном труде с размышлениями манкурта. Таких эрудированных

«манкуртов» сегодня поискать! Читатель, естественно, заинтригован и заинтересован...

А «манкурт» и далее то и дело «антирасшаркивается»: «Если Маркс или Ленин мне ненавистны, должен ли я расшаркиваться?.. Что же касается Гегеля, я даже не думаю, что он талантливый философ» (*Там же*, с. 83). Ставя на одну доску таких исторических личностей как Маркс, Ленин и Гитлер, он продолжает оценивать их идеологические основы: «Марксизм, ленинизм, гитлеризм – тоже мифы, но мифы жуткие, дьявольские, испепеляющие. Марксизм – не пятая мировая религия, а религия Сатаны, осатаневшей черни, культ рабов, отстаивающих свое рабство» (*Там же*, с. 177). Такова четко и откровенно высказанная «философия ненависти» по отношению к Марксу, Ленину, коммунизму и марксизму. Стоит ли напоминать «осатаневшему манкурту» программные лозунги «осатаневшей черни», такие, например, как заключительный призыв Программы КПСС: «Мир, труд, свобода, равенство, братство и счастье всех народов!» или другой, не менее известный коммунистический принцип: «Человек человеку – друг, товарищ и брат», или третий принцип, провозглашающий целью построения коммунистического общества «всестороннее и гармоническое развитие личности»? Хорош «культ рабов», «отстаивающих свое рабство!» Можно было бы еще долго продолжать примеры в этом плане. Но провозглашать подобные лозунги, по мнению нашего «манкурта», могут только рабы, осатаневшая чернь или сам Сатана... Признаваясь в ярости ненависти, в частности, к Гитлеру (а следовательно, надо полагать, и к гитлеризму) этот автор одновременно восхищается, признается в любви и преклоняется перед Ф. Ницше, откровенно человеконенавистнические идеи которого, как известно, послужили одной из базовых философских основ идеологии немецкого фашизма. Надо ли приводить бесчисленные примеры и образцы откровенно антигуманных размышлений Ницше и примеры их воплощения в жизнь в ходе, скажем, развязанной немецким фашизмом Второй мировой войны? Невольно после знакомства с такими образцами сегодняшнего «философствования» задумаешься над тем, а нужна ли нормальному человеку вообще какая бы то ни было «философия»?

Другим не менее ярким примером современного «нешаблонного философствования» мог бы послужить, на мой взгляд, весьма популярный сегодня труд англичанина Джона Паркина с таким – не при детях будь сказано – «нешаблонным» заголовком

(хотя заметим в скобках, что автор посвятил его как раз своим сыновьям, попросив их в этом посвящении не произносить слова названия труда вслух): «Послать все на ... или Парадоксальный путь к успеху и процветанию» (М.: Эксмо, 2014). Весьма привлекательно звучит для читателя и приглашение издателей к чтению этого произведения: «Только начните говорить «а пошло все на ...», и эти слова как современная магическая мантра, изменят всю вашу жизнь. Посылать все на ... очень приятно. А перестать мучиться и наконец начать делать то, что хочется, наплевать на все, что говорят окружающие, и пойти своим собственным путем — просто волшебное переживание». И на этом аннотация еще не заканчивается. Далее кратко обозначается и философский смысл позиции автора: «В этой провокационной, вдохновенной и полной юмора книге Джон Паркин ненавязчиво доказывает, что слова «а пошло все на ...» — идеальное западное выражение восточных идей духовного освобождения, релаксации и обретения истинной свободы через понимание, что «все сущее не имеет уж такого большого значения, если вообще имеет его». Вот так.

Да и сам автор отдает себе отчет, что его жизненная позиция по-своему философична. Поэтому завершая обоснование и изложение своих идей, он откровенно признается: «В этом вся суть философии «А пошло все на ...» Плевать в лицо обязательствам, ожиданиям, правилам и инструкциям. Посылать все на ... и идти своим путем» (с. 316). В таком жизненном поведении автор видит единственно правильный путь человека к подлинной свободе. «Посылая все на ..., мы движемся от напряжения (в любой форме) к релаксации (во всех формах).

Послать все на ... — это самый грубый способ выразить глубокую мысль: расслабившись и отдавшись на волю жизненного потока, мы обретаем высшую свободу» (Там же, с. 316).

Религиозной трактовке понятия духовности человеческого бытия Д. Паркин противопоставляет свое понимание духовности: «Духовность — это все сущее как оно есть. Все мы духовны, и все вокруг духовно. И все, что мы делаем, тоже является духовным и божественным актом...

Ничего недуховного не существует. Это означает, что не надо ничего делать, чтобы достичь духовности или стать хорошим человеком. Не надо никуда ехать и не надо ничего достигать. Можно просто искренне послать на ... вообще все на свете и при этом оставаться духовной личностью.

Потому что недуховной личностью быть просто невозможно» (Там же, с. 256).

Я думаю, что читатель, согласившийся с позицией Джона Паркина, поступит правильно, если сейчас же отложит дальнейшее чтение нашего текста и с наслаждением погрузится в состояние такой «высшей свободы». Или обратится к продолжению знакомства с «ненавязчивым доказыванием» в этой «провокационной, вдохновенной и полной юмора книге» идеального западного выражения восточных идей духовного освобождения, релаксации и обретения истинной свободы, о чем, как мы уже упоминали, сказано в аннотации. Как говорится, вольному воля. Возражать, аргументировать, критиковать подобную «философию», переубеждать ее сторонников, согласись, уважаемый читатель, было бы бессмысленно и неразумно. Можем только с сожалением констатировать тот факт, что сознательно или подсознательно руководствуется в своей жизни подобной «философией», увы, немалое количество «человеков разумных».

Однако мы обращаемся здесь, конечно же, не к тем, кто вот так сознательно или подсознательно отвергает необходимость здраво и серьезно поразмышлять над философскими проблемами, не желает «философствовать» так или иначе, а к тем, кто целенаправленно ищет разумные пути наиболее адекватного, положительного, человеческого решения неизбежно возникающих в ходе жизненного процесса важнейших смысложизненных, мировоззренческих, то есть, все-таки — философских проблем.

Ведь во все времена писаной истории человечества, начиная с эпохи зарождения и становления философии, на нее возлагались самые заветные желания и надежды на достижение с ее помощью благороднейших целей, как в жизни каждого отдельного человека, так и общества в целом. И даже сегодня, когда, как мы уже неоднократно упомянули, в общественном сознании преобладают нигилистические настроения в отношении к философии, можно найти при желании и рационально обосновываемые упования на достижение и воплощение в жизнь с помощью философии самых прогрессивных, гуманных идеалов. Цитирую: «По моему мнению, философию можно быстро и без особых затрат сделать ведущей силой обновления общества, его выживания. Для этого следует адекватно осознать суть философии как науки об основаниях наук (курсив мой — В.П.). У великих философов и ученых вообще имеется все необходимое, и надо найти рациональные зерна философских

истин, чего не могли сделать философы ранее, хотя многие из них посвятили этому свои жизни и даже отдали их за это». И конечный вывод этого автора: «Для обеспечения теоретизации общественных наук философия должна стать наукой о науке и его основании — интеллекте. Эту идею защищали, так или иначе, все прогрессивные «философы»» (А.Г. Войтов, автор учебного пособия «Философские основания теории. (Осмысление проблемы)». — М. 2004).

Или вот, к примеру, интереснейший фундаментальный труд доктора философских наук, профессора С.Н. Некрасова «Какая философия нам нужна (250 классических взглядов на будущее)» — монография, изданная в 2006 г. в Екатеринбурге. Книга, представляющая собой, по словам издателей, «авангардный повышенный сложности интегративный курс социальной философии, геополитики, новейшей истории философии». Правда, с самого начала знакомства с этим трудом невольно возникает вопрос: кого имеет в виду автор в смысле местоимения в его заголовке, кому это — «нам»? То ли речь идет о россиянах, то ли о современном человечестве в целом, то ли о какой-то его части. Видимо, «нам» здесь обозначает, как мне представляется, все-таки, прежде всего, нас, сегодняшних россиян как целостную государственную общность. Да и речь идет в данном труде не о философии в целом, а именно о социальной философии во всем ее современном многообразии, сложности и противоречивости.

Однако нас ведь интересует сейчас вопрос не об общественно-исторической роли философии, а о ее месте и роли в формировании мировоззрения каждой отдельной личности, каждого думающего, критически мыслящего человека. При этом разумный искатель, конечно же, понимает, что его выбор не может быть абсолютно свободным, что он неизбежно ограничен и обусловлен огромным количеством факторов, ни в коей мере не зависящих от субъекта поисков. Действительно, ведь человек не выбирает время и место своего рождения, биологически обусловленные характеристики типа пола, расы, национальности, генетического кода, ближайшего социального окружения и т. д., и т. п., — всего не перечислить, но чего нельзя не учитывать по мере созревания самосознания субъекта, ибо все это не может не влиять на процесс становления его как личности, на формирование мировоззрения. Но ведь столь же многообразны и возможности сознательного выбора того или иного отношения к каждому из этих факторов по мере становления и созревания личности. «Учитывать» и относиться ко всем этим

не зависящим от субъекта факторам каждый может по-своему, по своей воле, так или иначе синтезируя их в своем личном индивидуальном контексте. Хотя, конечно, с точки зрения общественных интересов было бы желательно, чтобы формирующаяся личность в процессе духовного созревания сознательно и рационально критически относилась бы ко всем этим объективным факторам, влияющим на формирование ее мировоззрения. К сожалению, как мне представляется, в реальной жизни этот процесс становления мировоззрения человека нередко происходит у нас сегодня (впрочем, так было всегда) автоматически, без критического осмысления его, без самоанализа, без всегда считавшегося неким пороком интеллигентского «самокопания», стихийно. А ведь сознательное отношение индивида к этим факторам содействовало бы выработке продуманного, подлинно рационального, последовательного отношения ко многим важнейшим смысложизненным вопросам, с неизбежностью возникающим в биографии каждого разумного человека. Вспомним, что еще Спиноза учил о том, что свобода есть познанная необходимость, и что разумный человек должен не смеяться, не плакать, а понимать. Хочешь быть свободным — познавай мир! Впрочем, и само-то многосмысленное понятие «свобода», толкуемое очень и очень по-разному, до сегодняшнего дня далеко не всегда входит в число важнейших личностных ценностей.

Нормальный человек не может жить так, чтобы никогда «не смеяться и не плакать», а вот «понимать», к сожалению, он может (да и желает), увы, далеко не всегда... Но ведь, смеясь или плача, понимая или не понимая, человек, однако же **МЫСЛИТ** так или иначе. Вспомним знаменитое изречение Р. Декарта — *Cogito, ergo sum* («Я мыслю, следовательно, существую») и остроумную перефразировку его Г.К. Лихтенбергом — *Non cogitant, ergo non sunt* («Не мыслят, следовательно, не существуют»). Действительно, ведь абсолютно не мыслящий человек в каком-то смысле перестает быть человеком, ибо человек — это, конечно же, существо мыслящее. А мыслить — значит, как мы уже пытались обосновать и доказать, значит так или иначе философствовать. Правда, и саму способность мыслить тоже можно толковать по-разному. А. Камю, к примеру, утверждал, что «Мыслить можно только образами. Если хочешь быть философом, пиши романы». Он и сам был философствующим писателем, да и среди наших отечественных литераторов немало по праву считаются выдающимися мыслителями-философами.

Так или иначе в литературно-художественной форме они философствовали, высказывая, обосновывая, оспаривая, обсуждая и утверждая те или иные мировоззренческие позиции и оказывая тем самым, соответственно, влияние на формирование и развитие мировоззрений их читателей. Здесь же уместно заметить, что мировоззрение человека так или иначе выявляется не только в его размышлениях и, скажем, в их «текстовых изложениях», но и во всех видах творчества, во всех его поступках, деяниях, в практическом поведении во всех сферах жизни и т. п.

Я полагаю, что мировоззрение каждого человека так или иначе представляет собой некий непрерывный духовный процесс, в ходе которого неизбежны изменения, переоценки, раздумья, даже внутренние конфликты, споры и противоречия, в осмыслении которых так же динамично меняются и философские взгляды личности. Ведь не так уж редки явления, когда человек, в течение многих лет сознательно придерживавшийся атеистических взглядов, вдруг становится глубоко верующим, и наоборот, длительное время будучи искренне религиозно верующим, человек вдруг отрекался от веры и становился либо равнодушным к религии, либо даже воинствующим атеистом. И это только примеры нередко реализовавшихся возможностей коренных изменений мировоззренческих (а значит, и философских) взглядов и убеждений человека. Вспомним хотя бы рассуждения В.В. Розанова об «убеждениях», которые, как он говорил, ему приходилось «менять как перчатки», что он и проделывал, если ему верить, без особых переживаний... Конечно, тут играет свою роль еще и психологический момент, специфика, индивидуальные особенности каждой отдельной личности, и своеобразие переживаемого человеком и обществом исторического момента. А что касается «перемены перчаток», то ведь и этот процесс сознательно или подсознательно как-то обосновывается их носителем, то есть, опять же с помощью «философствования», как мы уже говорили, понимаемого в широком смысле. Не зря ведь восклицал В. Маяковский: «Кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп!» Правда, можно было бы добавить, что не больно-то умен и тот, кто «постоянно неясен»... Что же, выходит, всякое постоянство — грех?

Здесь уместно отметить, что смысл обсуждаемого нами вопроса в значительной степени зависит и от, скажем так, логического ударения в его постановке. Ведь если акцент поставить на первых двух словах — «Какая философия», — то приходится разбираться в многообразии имеющихся философий, в качестве и специфике

каждой из них, в сравнительных характеристиках, преимуществах одних и недостатках других и т. д. Если же основное внимание сосредоточить на местоимении — «мне», то возникает необходимость присмотреться к этому многообразию с точки зрения моих личностных особенностей и интересов, важнейших именно для меня идей, взглядов, ценностей, содержащихся в этом многообразии, удовлетворяющих потребности моего философского «Я» и, наконец, если логическое ударение в постановке вопроса падает на слово «нужна», то приходится всматриваться в потребность для меня именно этих философских идей, смысложизненных установок, ценностей, вдумываться в степень их важности и необходимости для решения стоящих именно передо мной задач и достижения моих целей и т. д. Не зря ведь еще упоминавшийся нами ранее представитель немецкой классической философии И.Г. Фихте говорил, что в мире по сути дела столько же философий, сколько мыслящих людей. Общее же рассмотрение этого вопроса в целом, так или иначе, требует ответа на каждый из упомянутых аспектов его смысла в их совокупности и единстве. Не исключен, поэтому, вариант, что осознание чрезвычайной сложности всех этих проблем может принудить субъекта размышлений к откладыванию сроков их сознательной постановки и разрешения, а то и к полному отказу от размышлений по такой «необязательной тематике», о чем мы вкратце уже упоминали. Но ведь даже отказавшись сознательно и мучительно «философствовать», человек как мыслящее существо, повторим это еще раз, обречен заниматься этим пусть хотя бы и подсознательно.

Но такой «подсознательный вариант» философствования не может, конечно, подлежать ни критическому самоанализу его автора, ни тем более анализу любого постороннего «критика». Поэтому, как мне представляется, именно «сознательный вариант» решения проблемы все-таки более предпочтителен как для самого социально зрелого индивидуума, так и для общества в целом. Признаюсь, что я выдаю здесь один из тайных замыслов своих размышлений...

А читателю, естественно, принадлежит неотъемлемое право либо проигнорировать все предлагаемые ему советы и рассуждения, либо серьезно и самостоятельно поразмышлять над этой проблематикой и сделать соответствующие его пониманию сути дела практические выводы: **ТАК КАКАЯ ЖЕ ФИЛОСОФИЯ МНЕ НУЖНА?**

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ну что же, подведем итоги наших размышлений о философии, ее месте и роли в жизни как отдельного человека, так и общества во все времена человеческой истории и, конечно, прежде всего — в наши дни. Мы пытались рассматривать эту глобальную проблематику как в ее непосредственной и абстрактно-конкретной постановке, так и в некоторых исторических обстоятельствах и на примере определенных (по-своему выдающихся, в том числе и в плане их философских идей и взглядов) личностей. Нет нужды доказывать, что философская проблематика, даже в ее ограниченном какими-то более или менее конкретными аспектами, подвопросами и рамками сложна, многообразна, неисчерпаема, а в плане предлагаемых решений всегда противоречива, дискуссионна и определяется бесконечным множеством обстоятельств, условий и зависимостей, которые невозможно учесть в полном объеме. Ведь не зря же Гегель писал, что философия — это *«современная ей эпоха, постигнутая в мышлении»* (курсив мой — В.П.). И как каждый отдельный мыслящий человек, так и сообщества людей во всех их разновидностях всегда так или иначе стремятся, пытаются, стараются «схватить в мыслях» эту свою эпоху, понять, постигнуть ее суть, выходя на проблематику смысла жизни, перспектив существования и деятельности каждого из таких субъектов философствования. Но, как показывает история, ни одна эпоха в ней (то бишь, в философии) так и не была (да и не может быть) абсолютно адекватно, в полной мере «постигнута» ее непосредственными «творцами» или «продуктами», то есть «современниками». Тот же Гегель говорил, что Сова Минервы вылетает только в сумерки. А ведь в каждую современную эпоху человек (и человечество) так или иначе пытаются осмыслить еще и эпоху, предшествующую ей, то есть жизнь предков, историческое прошлое, из которого рождается настоящее, а также заглянуть в будущее, поскольку человек и человечество не могут

не интересоваться перспективами своего бытия, тем, что ожидает и современников, и потомков. Так в обществе складывается «философия времени» во всех ее трех аспектах: *философия истории*, то есть пройденного человечеством пути (оглянуться назад), *философия сегодняшнего дня* во всей его сложности, противоречивости и многообразии (оглядеться вокруг себя в текущий момент, попытаться поглубже понять, что происходит «здесь и сейчас») и *«футурологическая философия»*, пытающаяся заглянуть в будущее, предвидеть, что ждет человека и человечество в ближайшее и отдаленное время (спрогнозировать, предугадать, предусмотреть, предсказать, предостеречь, возможно, как-то повлиять и т. п.). Сознательно или подсознательно, но в этих трех временных аспектах «философствует» и каждый отдельный человек: оглядываясь назад, так или иначе осмысливая прошлое, размышляя о происходящем с ним и вокруг него, как мы сказали, «здесь и сейчас», философствуя о сегодняшнем дне, и пытаюсь заглянуть в день завтрашний — предвидеть, предугадать, может быть, даже как-то повлиять на личное и социальное будущее и т. п.

Вот поэтому уже в первой, вводной статье мы попытались показать и по возможности обосновать точку зрения, согласно которой каждый человек во все времена существования Homo sapiens, даже независимо от того, осознал он это или нет, тем не менее «философствовал», если употреблять этот глагол в самом широком его смысле. Отсюда и наш категорический ответ на поставленный в заголовке вопрос — *философия нужна всем и всегда*, если эти «все» причисляют себя так или иначе к категории «человека разумного», ибо действительно разумный человек по определению не может не философствовать. То есть, отвечая на вторую часть вопроса — «зачем нужна философия», мы утверждали, что она нужна каждому человеку, считающему себя и причисляющему себя к разумным существам, чтобы оставаться в пределах именно этой категории. Другой вопрос — кто и как может или должен «философствовать», какая именно философия желательна для каждого из философствующих субъектов, действительно нужна им. Но попытку ответа на этот вопрос мы оставили «на закуску», пытаюсь поразмышлять на эту тему в заключительной статье.

А после этих абстрактных рассуждений о том, «кому и зачем», мы перешли к иллюстрации наших общих положений и выводов на конкретных примерах прежде всего из жизни выдающихся людей,

не являющихся философами-профессионалами, но по сути дела внесшими значительный вклад в развитие философской мысли человечества. И первым таким примером стали философские идеи и размышления одного из самых выдающихся отечественных писателей – Льва Николаевича Толстого.

Вклад Л.Н. Толстого в отечественную и мировую культуру (в частности, в философию), по общему признанию, поистине велик, но он не поддается никакой однозначной и категорической оценке, о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии по различным аспектам этого вопроса, как в нашей стране, так и за рубежом. Мы же в своей краткой статье попытались показать, что, несмотря на довольно эклектический характер его мировоззренческих, философских идей, взглядов, концепций, в них содержится множество разумных, прогрессивных, передовых для того времени и остающихся актуальными сегодня положений, оценок и предложений, являющихся предметом размышлений и дискуссий и в нашем веке. Чего стоит, к примеру, только актуализированная Толстым проблематика о месте и роли социального насилия в жизни человека и общества и о способах борьбы против него. «Своеобразной квинтэссенцией мировоззрения Толстого, – подчеркивают М.А. Маслин и Е.И. Рачин, – является его учение о ненасилии», которое «в целом можно квалифицировать как гуманистическую религиозную утопию, обращенную в будущее» (*Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд. М.: 2014. с. 642-644*). Сегодняшнее «будущее» взывает к этой утопии всеми бесчисленными острейшими социально-насильственными событиями.

Другим объектом наших размышлений о месте и роли философии в жизни человека и общества стал один из знаменитейших гуманистов XX века Альберт Швейцер, позитивный вклад которого в развитие мировой культуры, пожалуй, не подлежит оспариванию, а его оригинальные философские идеи «благоговения перед жизнью», так или иначе, были и остаются до сегодняшнего дня актуальными и, конечно же, опять-таки не являются бесспорными. Размышляя о философских взглядах Швейцера, мы не случайно упомянули о его неисполненном желании еще в юности попытаться каким-то образом «вступить в контакт» именно с Л.Н. Толстым, хотя он, к сожалению, по своей молодежной скромности так и не решился сделать этого. Но, как мне представляется, само по себе такое желание не было

случайным, ибо и в философско-мировоззренческих взглядах, и в жизненно-практическом поведении этих выдающихся лиц просматривается нечто объединяющее их. Таковым «нечто», как мне представляется, был именно ГУМАНИЗМ, хотя и реализовывавшийся по-разному в их трудах и жизненном поведении. Здесь же можно только упомянуть еще и о том, что в многочисленных дискуссиях о наследии этих двух величайших гуманистов, об их мировоззренческих, философских идеях нередко проявляются черты одностороннего, необъективного подхода, акцентирующего внимание либо только на их положительных аспектах, либо на «ошибках», «пробелах», «недостатках», а то и «пороках». Я же пытался быть по возможности максимально объективным в своих оценках и размышлениях как о Л.Н. Толстом, так и об А. Швейцере.

В статье «Интеллигентна ли интеллигентская молодежь?», посвященной юбилейной дате выхода в свет по-своему знаменитого сборника статей о русской интеллигенции видных российских философов, юристов, политических деятелей того времени под заголовком «Вехи», мы попытались показать, что их философские идеи и размышления, касающиеся прежде всего молодого поколения нашего отечества, имевшие место век тому назад, нисколько не утратили и сегодня своей остроты и актуальности, хотя, естественно, во многих отношениях получили своеобразную окраску в связи со спецификой новой социально-исторической ситуации. И тема молодежи, и тема интеллигенции и интеллигентности так же были и остаются чрезвычайно актуальными, сложными и противоречивыми, включая и мировоззренческо-философские аспекты этих тем. А юбилеи, подобные связанным с выходом в свет сборника «Вехи», конечно же, по-своему стимулируют размышления на аналогичную тематику, но уже связанную не только с исторической памятью, но и с самыми острыми вопросами сегодняшнего дня, с осмыслением событий как в стране, так и во всем мире.

Две следующие статьи посвящены рассмотрению философских проблем развития социокультурной среды подготовки юристов и вопросам соотношения ныне действующей Конституции нашей страны и морали. Проблемы взаимосвязи философии, права и морали тоже всегда были актуальны, всегда так или иначе обсуждались не только специалистами в этих областях, но и всеми сознательными и активными гражданами. В наше время они приобретают новую, специфическую актуальность и остроту.

По традиции считалось, что в нашей стране в общественном сознании, так или иначе, в вопросе о соотношении права и морали первенство, предпочтение всегда отдавалось моральному аспекту (а в дореволюционную эпоху — религиозным, в первую очередь православно-христианским, моральным требованиям и принципам). В советское время на официальном уровне пытались добиться «гармонического сочетания» и сформировать в народе высокоразвитое коммунистическое морально-правовое сознание. Сейчас трудно судить об успехах и неудачах такой политики. Имело место и то, и другое. Но, как мне представляется, сама установка на достижение в ходе общественного развития равенства и высокого уровня правового и морального сознания является по существу правильной и остается остро актуальной и в наши дни. И, конечно же, мировоззренчески-философское осмысление этой проблематики может и должно способствовать оптимальному решению этой задачи.

Заключительная статья сборника обращена к читателю, согласившемуся с нашей исходной мыслью о том, что разумный человек так или иначе не может не философствовать. А если он понял, что без философии не может оставаться действительно настоящим человеком, то он неизбежно задумывается над вопросом выбора и формирования в себе и для себя такой философии, которая бы в максимальной степени соответствовала его личным жизненным потребностям, целям и интересам. Конечно же, поставленный в заголовке этой статьи вопрос каждый человек решает сам. Но из всех предшествующих наших размышлений видно, что эта самостоятельность не может носить абсолютного характера, и выбор зависит от необозримого количества обстоятельств как объективного содержания, то есть, не зависящих от воли и сознания выбирающего, так и от множества субъективных факторов, осознаваемых или неосознаваемых человеком. Хотелось бы, чтобы, по меньшей мере, такие осознаваемые факторы учитывались и рационально включались в процесс формирования мировоззрения и его философских основ каждой личности. «Человек разумный» способен, может и должен оправдать это свое поименование, а следовательно, и предпринимать в этом направлении соответствующие сознательные усилия. По возможности содействовать этому — цель представленных на суд читателя размышлений.

В.В. Перерва
КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖНА ФИЛОСОФИЯ?

Сборник статей

Ответственный за выпуск: кандидат философских наук, доцент, директор
Одинцовского филиала Международного юридического института С.А. Дядя
Редактор, реви́зионный корректор: Г.П. Митькина
Техническое редактирование,
компьютерная верстка: Д.Г. Федоров

Подписано в печать – 25.08.2015 г.
Формат – 60х90. Условных печатных листов – ????
Бумага мелованная. Печать офсетная
Тираж 200 экземпляров
Заказ № ????

Издатель: ООО «РИЦ «Курьер-медиа»
603006, Нижний Новгород, ул. Академика Блохиной, 4/43
Телефон: (831)461-90-16

Отпечатано в издательско-полиграфической фирме «Растр-НН»
603024, Нижний Новгород, ул. Белинского, 61

В.В. Перерва – выпускник философского факультета МГУ (1961 г.), кандидат философских наук, доцент. Все свою трудовую деятельность посвятил преподаванию философии в различных вузах страны. Сфера научных интересов – история философии, логика, культурология, философия права.